КП 170
Л 55
Сев. Кавк

Либерман Л.
Труд и быт горняков Донбасса. 1929

КП
170
Л55
Сев. Кавк.

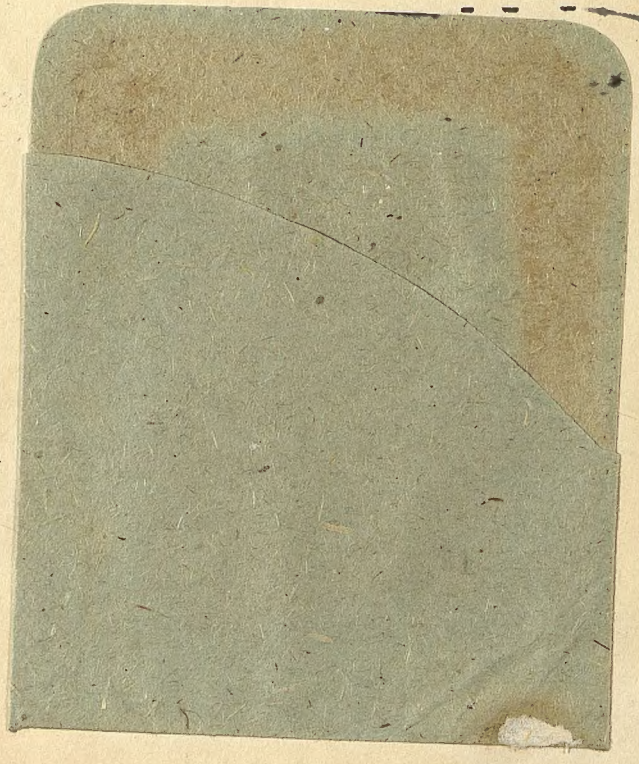
ЛЕВ ЛИБЕРМАН

ТРУД и БЫТ ГОРНЯКОВ ДОНБАССА ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ

ВОПРОСЫ ТРУДА

1929

86897/8



170 Сев-Кавк
Л55

331:622(47)

ЛЕВ ЛИБЕРМАН

ТРУД И БЫТ ГОРНЯКОВ ДОНБАССА

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИСТОР. ПРОФЕССУРЫ
№ 86897/8

748/2

ВОПРОСЫ ТРУДА
1929

ОЛЖНА БЫ
ВРАЩЕНА

[331 : 622]

Отпечатано
в 21-й тип. „Мосполиграф",
Москва, Варварка, Елецкий, 7
Главлит А—39.285
Тираж 3.500 Зак. 1181

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
86897/8

Государственная публичная
историческая библиотека

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателю книжка распадается на две части: в первой части рисуется сравнительно недавнее прошлое труда и быта донецкого шахтера. Эта часть книги построена на основании материала, опубликованного мною в двух ранее вышедших моих книгах: «В угольном царстве» и в «Стране черного золота» [1]) и дополнена последними данными в этой области; вторая часть написана на основании ряда материалов, появившихся за последние десять лет — с момента занятия Донбасса Красной армией и до наших дней. Она — неисчерпывающа, но, думается, даст некоторый материал для сравнения и выводов.

Работа по подбору материала для второй части проделана О. С. Бажановой при содействии В. М. Бажанова и товарищей из ЦК союза горнорабочих, НКТ и др. Всем им приношу свою искреннюю благодарность.

Лев Либерман.

---

[1]) «В угольном царстве», изд. 3-е, «Красная Новь» 1924 г., и «В стране черного золота», Госиздат 1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателю книжка распадается на две части: в первой части рисуется сравнительно недавнее прошлое труда и быта донецкого шахтера. Эта часть книги построена на основании материала, опубликованного мною в двух ранее вышедших моих книгах: «В угольном царстве» и в «Стране черного золота»[1]) и дополнена последними данными в этой области; вторая часть написана на основании ряда материалов, появившихся за последние десять лет — с момента занятия Донбасса Красной армией и до наших дней. Она — неисчерпывающа, но, думается, дает некоторый материал для сравнения и выводов.

Работа по подбору материала для второй части проделана О. С. Бажановой при содействии В. М. Бажанова и товарищей из ЦК союза горнорабочих, НКТ и др. Всем им приношу свою искреннюю благодарность.

Лев Либерман.

---

[1]) «В угольном царстве», изд. 3-е, «Красная Новь» 1924 г., и «В стране черного золота», Госиздат 1926 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТРУД ГОРНЯКА ДОНБАССА ДО ОКТЯБРЯ 1917 года.

Труд в копях — один из самых тяжелых и самых опасных видов труда. Работа днем и ночью глубоко под землей, без солнца, света и воздуха, при тусклом освещении рудничных ламп — силой не более одной-двух свечей, в атмосфере, насыщенной вечной сыростью, испарениями человеческих тел, копотью лами, угольной пылью, вредными газами, — все это плохо влияет на организм человека. Среди профессионалов-горнорабочих крайне редко можно встретить действительно здоровых людей, дотянувших до преклонного возраста: обычно горнорабочий дряхлеет чрезвычайно быстро и к 35—40 годам превращается в инвалида с постоянной одышкой, с упорным кашлем, с неизбежным ревматизмом. Горнорабочие — почти все с бледными лицами землистого тона, с глубоко в'евшейся в поры кожи угольной пылью, с синими кругами вокруг глаз и припухшими мешками под глазами.

У меня нет точных цифровых данных о заболеваниях наших горнорабочих в дореволюционные дни. Сомневаюсь, есть ли вообще точные сводки по этому вопросу, охватывающие большие периоды времени [1]). Правда, на каждом руднике велись записи при больнице; правда, периодически составлялись отчеты. Но какая участь постигала их в дальнейшем — неизвестно. Для выяснения размеров заболеваний шахтеров в дореволюционные дни нам придется обратиться к статистике Западной Европы. Впрочем, отдельные сведения у нас есть и о России. Вот то, что мне известно. На рудниках (смежных) Никополь Мариупольского о-ва и инженера Завадского в 1904 г. было в общей сложности 9—10 шахт, в которых работало тысячи полторы шахтеров (вместе с членами семьи там жило до 2.000 чел.). В июле указанного

[1]) Кое-какие данные имеются в книге М. С. Уварова и Л. М. Лямина «Охрана жизни и здоровья», Москва 1907 г., стр. 190—218 и 493—519, но они не дают полной картины заболеваний. Работ же Р. Шора и Мехмендарова мне достать не удалось. Краткие сведения имеются в работе И. И. Лященко «Очерки по гигиене труда горнорабочих каменно-угольной промышленности» (материалы, изд. «Вопросы Труда», 1926 г., стр. 100—112). Но и И. И. Лященко пишет: «Как ни странно, но в таком крупном центре как Донбасс, разработанных материалов по заболеваемости ни в стражкассе, ни в здравотделе не имеется». И. И. Лященко дает несколько цифр по заболеваемости шахтеров в Бахмутском уезде. Мы приводим их ниже.

года зарегистрировано 1.380 амбулаторных больных, кроме того было отмечено 35 тысяч стационарных и не менее 30 тысяч посещений на дому. Таким образом ежемесячно на рудниках болело не менее 75% рабочих [1]). А вот другой пример. На руднике Александровском Л. И. Ивановой в июне 1916 г. приемный покой посетили 307 чел., а общее население рудника в этом месяце едва достигало 450 чел. [2]).

Врач С. К. Иванов приводит ряд данных о заболеваемости в соляной промышленности: «Соляная промышленность, — говорит он, — не вызывает никаких профессиональных заболеваний, и ее амбулатория ни в чем, в сущности, не отличается от обычных земских. Единственно, на что можно указать, это на раз'едающее действие соли на раны, благодаря чему даже небольшие кожные ранки должны быть хорошо перевязаны и повязки меняться каждый день: иначе соль, попадая в рану, начинает ее углублять и высверливать» [3]). По его словам, «соляная промышленность дает сравнительно небольшой процент тяжелых поранений». Это, однако, не помешало больнице Брянцевского рудника в 1908 г. дать 136 коечных больных на 300 рабочих.

Всех рудников, о которых говорит Иванов, было пять. Рабочих было занято на них 1.172 чел. И вот, в том же 1908 г. все больницы этих рудников имели в общей сложности 43.194 посещения, т.-е. в среднем каждый рабочий посетил больницу около 37 раз в год. Перед этими выводами автор становится втупик. «Одно рудничное население не может дать этой цифры, — утверждает он, — об'ясняется это необ'яснимое на первый взгляд явление тем, что медицинскому персоналу разрешалось принимать и выдавать лекарства бесплатно не только самим рабочим и семьям их, но и родственникам, а так как понятие «родственник» в высшей степени растяжимо, то это и привело в конце концов к цифре, перед которой мы сами невольно остановились в изумлении» [4]).

Возможно, что правом лечиться пользовались не одни только рабочие. Но думается мне, что если учесть даже и это обстоятельство, то все же и тогда количество заболеваний окажется очень большим.

Если Иванов дает нам слегка преувеличенные цифры, то Н. М. Науменко их слегка преуменьшает. Давая сводку по 18 горнозаводским больницам Алмазно-Юрьевского района Славяносербского уезда, где было занято до 30.000 рабочих, он отмечает: «что касается амбулатории, то она выражается в цифре около 30.000 посещений» [5]). Эта цифра, несомненно, значительно выше,

---

1) «Вестник Юга» № 700 от 9 августа 1904 г.

2) Данные больничного отчета.

3) С. К. Иванов. «Условия труда и жизни рабочих на соляных рудниках Бахмутского уезда». «Труды I Всероссийского с'езда фабр. врачей», стр. 272 и сл.

4) Там же, стр. 291.

5) Н. М. Науменко. «Настоящее положение медицины и медицинского персонала, недостатки и желательные улучшения в Алмазно-Юрьевском районе Славяносербского уезда». Труды I Всеросс. с'езда, т. II, стр. 46.

ибо разделив 30.000 посещений на 18 больниц, мы получим всего 1.100 посещений на больницу в год, — цифра совершенно невероятная. Впрочем я думаю, что здесь просто описка, так как далее, говоря о врачебном персонале, он определяет, что в районе «один врач приходится более чем на полторы тысячи рабочих и на одного врача приходится около 20.000 посещений [1]). А это дает уже совсем иную картину, определяя в среднем годовое посещение каждого рабочего в 13,3 раза.

И. И. Лященко отмечает в своей работе, указанной нами выше, что в 1912 г. на двух рудниках, с количеством рабочего населения в 10.320 чел. количественно заболеваний было 15.504, т.-е. в среднем на одного человека приходилось $1^1/_2$ заболевания. В 1908 г. в Бахмутском уезде в среднем на 1.000 человек в год было заболеваний среди крестьян 610,8, а среди горнорабочих — 1.400,5, т.-е. горнорабочие хворали почти в $2^1/_2$ раза чаще крестьян [2]).

Все эти данные дают весьма неполное представление о профессиональных заболеваниях горнорабочих. Гораздо лучше обстоит дело со статистикой заболеваний в Западной Европе.

По данным пенсионной кассы горнорабочих Рейнско-Вестфальского округа, находящейся в городе Бохуме и охватывавшей в 1910 г. 351.188 чел., больных в этом году значилось 212.403 чел. В 1911 г. из 357.321 чел. членов кассы болело 235.641 чел. Наконец в 1912 г. из 376.710 членов кассы болело 233.461 чел., или 644 человека на 1.000. Все эти заболевания вызвали потерю трудоспособности на более или менее продолжительное время [3]).

При сопоставлении различных данных о характере заболеваний получается любопытная картина. Определенный вид заболеваний повторяется регулярно из года в год: это не случайные заболевания, среди которых в данный год преобладают одни, в следующий год другие, третьи и т. д.; здесь мы, несомненно, имеем дело с чисто-профессиональными заболеваниями горняков, как результатом условий труда. Вот эти данные:

	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Болезни органов питания	31.191	38.804	32.931
Ревматические заболевания	31.602	32.633	34.078
Болезни дыхательных органов	24.901	26.676	28.994
Простудные болезни	14.966	17.236	17.480
Глазные болезни	4.802	5.151	5.612
Болезни нервной системы	4.195	4.485	4.855

Из этих данных видно, что заболевания органов питания занимают среди профессиональных заболеваний горнорабочих пер-

[1]) Там же, стр. 47. Должно отметить, что данных больничных касс не имеем: благодаря стараниям гг. горнопромышленников больничные кассы в горнозаводской промышленности до революции почти не функционировали.

[2]) И. И. Лященко. «Очерки по гигиене труда», стр. 110.

[3]) См. «Горно-Заводское Дело» № 1—2 за 1913 г., стр. 6581 и № 41 за 1913 г., стр. 7964—7965. К сожалению, в сводке нет данных, указывающих на число потерянных дней.

вое место; за ними следуют заболевания ревматические, дыхательных органов — в связи с постоянным вдыханием тонкой угольной пыли и газов, вредных для легких; наконец простудные, как результат постоянного промокания и сквозняков, и т. д. Несомненно те же категории заболеваний, но в более широких размерах, имели место до революции и на рудниках Донецкого бассейна: более высокий процент заболеваний у нас обусловливался прежде всего плохими жилищными условиями, а также целым рядом других причин, о которых речь будет впереди.

* * *

Попытаемся описать отдельные виды труда горнорабочих.

Возьмем работу по прохождению колодца шахт, или «ствола», как его обычно называют. Производят эту работу: 1) б у р и л ь щ и к и, 2) у б о р щ и к и разрушенных пород, 3) з а п а л ь щ и к и, взрывающие крепкие массы горных пород динамитом, 4) к р е п и л ь щ и к и, укрепляющие стенки колодца для предотвращения возможных обрушений.

Работа по прохождению шахт, или по «проходке», как говорят в Донецком бассейне, производится следующим образом:

В намеченном месте закладывают шахту в виде колодца (в некоторых случаях и в виде «выходного погреба»). Пока колодец идет по мягким «наносам» (песку, глине, чернозему), покрывающим твердые осадочные образования (известняки, песчаники, сланцы), работают при помощи кайл и лопат. Добравшись до твердых образований («коренных пород»), переходят к работам «порохострельным», взрывая породы эти динамитом. В этой стадии работы очень трудно приходится бурильщикам и уборщикам, носящим кличку «проходчики».

Начинается бурение «шпуров». Бурильщики садятся на дно колодца и принимаются сверлить в дне его цилиндрические отверстия («шпуры», или в просторечии «бурки») при помощи особого вида стального стержня с заправленным лопаточкой острием. Называется инструмент этот «буром». По тупому концу, или «головке», бура рабочий ударяет молотком, который держит в правой руке, а левой поворачивает слегка «бур» после каждого удара. Таким путем сверлятся в твердых породах шпуры.

Работа эта — одна из самых тяжелых. Сухая «проходка» — явление крайне редкое. Обычно люди сидят по пояс в воде. Несколько выше подвешен в колодце насос, откачивающий воду. Всасывающий его рукав лежит среди рабочих. Этот насос работает паром, проходящим по железным трубам. Паровые трубы, всегда горячие, повышают температуру в колодце. Часто насос работает почти без перерывов, чтобы вода держалась всегда на одном уровне («на приток», как говорят шахтеры). А так как использованный («отмятый») пар отводить на поверхность и трудно и дорого, то его сплошь и рядом пускают в воду же, а

отчасти и прямо в колодец шахты[1]). От этого всегда в колодце стоит нестерпимая жара, доходящая до 30—40° по Реомюру, а иногда и много выше. Такая жара захватывает дыхание, щиплет уши как сильный мороз и вызывает слезоточивость.

Естественно, что температура воды в колодце, несмотря на постоянный приток холодной, доходит обычно до двадцати градусов. И такую ванну бурильщику приходится принимать ежедневно в течение 8 часов. И поэтому неудивительно, что еще при царском правительстве в «проходках» работали только восемь часов в день, в три смены. Но зато праздников «проходчик» не знал никогда: работа велась здесь и в воскресенье и почти во все двунадесятые праздники.

Впрочем бывают и сухие «проходки», когда, пройдя одну глубокую шахту, из нее снизу вверх углубляют расположенную рядом мелкую. Тогда бурят «бурки» не во дне колодца, а в «крыше», над головою. Здесь выделяется тонкая пыль, насыщающая воздух, забивающая горло, глаза, нос и уши. Она затрудняет дыхание и, следовательно, весьма опасна для здоровья.

Если при этом еще учесть очень слабую вентиляцию (ибо даже в тех случаях, когда устанавливаются деревянные трубы для более быстрого освежения воздуха на глубину 40—60 метров, свежий воздух поступает очень медленно), копоть ламп, испарения тел, дыхание людей, а главное — постоянное наличие в воздухе едкого, вызывающего тошноту и головокружение динамитного газа, как результат частых взрывов, то станет ясно, насколько тяжела такая работа. Естественно, что в таких условиях организм человека быстро изнашивается и большой процент рабочих заболевает ревматизмом и другими простудными заболеваниями.

Помню, в 1899 г. мне пришлось впервые близко ознакомиться с «проходкой» на руднике Орлово-Еленевских копей Акционерного о-ва Криворожских жел. руд. при селе Лозовая-Павловка (бывшего Славяносербского уезда), где производилось углубление уже работавшей каменноугольной шахты № 2, на глубине, кажется, 110—120 метров. Дело было зимою. На дне шахты работало три восьмичасовых смены, по пять человек в каждой. В силу значительного притока воды насос работал без перерыва. Мятый пар выпускался тут же. Люди сидели по пояс в воде. Жара в «проходке» была столь сильна, что спускавшемуся со мной довольно крепкому десятнику сделалось дурно, когда мы остановились в самом жарком месте минут на двадцать. На дне шахты нам пришлось обливать ему голову водой. На мой вопрос, почему пар не отводят на поверхность, заведующий шахтой ответил, что это стоило бы слишком дорого.

Зимой 1914 г. мне пришлось наблюдать закрепление ствола шахты (наклонной) на бывшем Александровском руднике

---

[1]) В воду пускают отмятый пар и по соображениям практическим: чтобы обогреть ее. Иначе сидеть в ней часами было бы совершенно немыслимо.

Л. И. Ивановой. Здесь крепильщики работали по восемь часов, сидя по горло в воде. Выше работал насос, и жара была так сильна, что я не в силах был смерить температуру. В местах относительно прохладных замер давал 30° Р. При спуске в шахту, едва переступив ее порог, сразу попадешь словно на верхнюю полку хорошо истопленной бани, и все тело моментально покрывается испариной.

В настоящее время положение дел в «проходках» резко изменилось. Но об условиях работы в шахтах после Октября 1917 г. мы будем говорить ниже.

После того как «шпуры» пробурены, бурильщики садятся в бадью [1]) для выезда на поверхность. Бадья медленно поднимается кверху. Истомленные каторжным трудом люди всю дорогу задыхаются в 30—40-градусной температуре. А по выходе на поверхность их охватывает «свежий воздух». Грелок и сушилок при проходках раньше почти нигде не было. Обсушиться и переодеться обычно было негде. Набросив на плечи какую-нибудь теплую одежду, люди стремглав бежали к каютам или балаганам. Там они сбрасывали мокрую одежду, развешивали ее над плитой для просушки. И сами здесь же лезли на нары, чтобы обсушиться. Хорошо еще, когда жилища не слишком удалены от «проходки». Но нередко приходилось до балаганов бежать минут 10—15.

Сам я неоднократно совершал такие прогулки. В последний раз это было в марте 1915 г. Вешней водой заливало наклонную шахту глубиною до 400 метров. Надо было спасать насос. Часа четыре стоял я по горло в воде с десятком помощников, пока удалось отстоять насос. Затем минут двадцать меня вывозил машинист по наклону, где я изнемогал от жары и задыхался. Наконец меня довезли доверху. В сапогах звонко хлюпала вода; с платья падали капли. Набросив меховую куртку, побрел я к дому, отстоявшему на полкилометра с небольшим от места работы. Дрожали колени, подкашивались ноги, звенело в ушах, стучало сердце. И казалось мне, никогда не осилю я этой короткой дороги. А ведь остальные сидели за сборкой насоса еще 3—4 часа, пока не явилась дежурная смена.

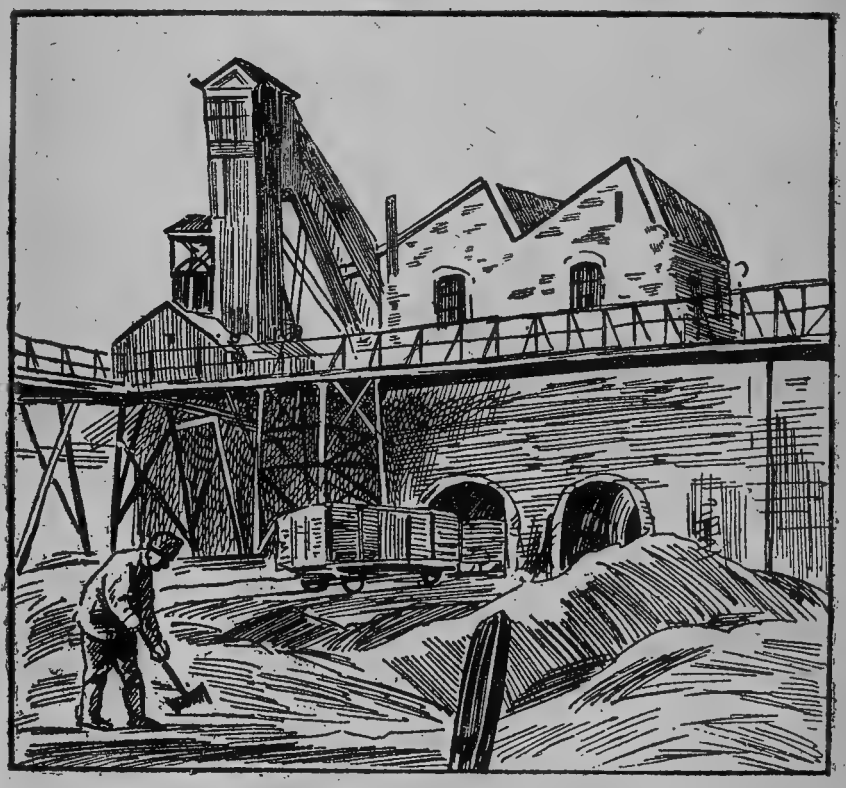
Бурильщиков сменяет запальщик. На нем лежит обязанность зарядить «бурки» динамитом и затем взорвать их. Через плечо у него кожаная сумка с динамитом, пистонами, начиненными гремучей ртутью и покрытыми гуттаперчей фитилями. Эта работа тоже очень опасная.

Запальщик, доехав до самого низу, нащупывает в воде отверстия шпуров, а затем запихивает в каждый из них деревянной палкой (забойник) нужное число динамитных патронов. Затем он кладет в шпур боевой патрон, в котором имеется пистон с фитилем. Таких бурок бывает 10—15 и больше. Когда все готово, —

---

[1]) Бадья—род полубочки, подвешенной на канате для спуска людей и под'ема породы.

остается зажечь фитили. Запальщик берется за ручку сигнала. Стучит кверху: «Готовы?..» — «Готовы!» — отвечают сверху сигналом. — «Палю» (зажигаю), — стучит запальщик. — «Пали с богом!» — отвечали сверху. Один за другим зажигает фитили запальщик. С шипением и треском, разбрасывая по воде искры, скрывается пламя в гуттаперчевой трубке... «Первый... второй...



Надшахтное здание.

третий...», — считает для проверки запальщик. — А мозг сверлит помимо воли мысль: «А что, как не заладится машина... или сигнал оборвется... машинист прозевает, или мало ль что может случиться в работе...». Это значит — верная смерть: уйти из колодца некуда...

После того как последний фитиль, разбрызгивая искры, скрывается в воде, запальщик торопливо садится в бадейку. Бьет сигнал: «качай веселее». И бадья птицей взвивается кверху. Надо успеть «выдать» человека и сравнять бадьи на середине шахты, чтобы спасти вторую бадью, идущую одновременно книзу. Навер-

ху запальщик считает удары: «Один... другой... третий... седьмой... восьмой... девятый...». А в груди теплется радость, что и на этот раз выбрался невредимым.

А сколько слышал я поистине трагических рассказов о жизни и работе шахтеров!

Вот один из таких рассказов.

В большой и глубокой шахте два запальщика изо дня в день палили «бурки». Площадь дна шахты была велика и бурок бурили так много, что одному зажечь их было непосильно. Обычно «палили» двое. И в этот раз зажигали фитили, как обыкновенно. Один окончил работу раньше и влез в бадью. Другой зажег последний фитиль своих зарядов, дал сигнал: «качай веселее!» и схватился за канат, чтобы вскочить на края бадейки... Но то ли он оступился, то ли поторопился машинист дать ход машине, — только взвилась бадья кверху с одним человеком. А тот, второй, остался внизу, среди горящих фитилей и готовых взорваться зарядов.

Однако едущий опомнился быстро; ужас охватил его при мысли о гибели товарища по работе; на ходу схватил он проволоку сигнала, ударил: «стоп!». — И бадья остановилась. — «Качай книзу,—простучал сидящий.

Машинист был в недоумении. Но сигнал настойчиво стучал: «качай книзу»!.. «качай книзу»!.. И, понимая, что там во тьме происходит какая-то драма, машинист пустил бадью обратно. Только готовый погибнуть запальщик не хотел принять братской жертвы; быстро ударил он: «качай кверху!».. И так несколько секунд препирались они в глубине колодца. А фитили горели... И с секунды на секунду должны были взорваться снаряды...

Старый, видавший виды машинист понял, что произошло в черной бездне шахты... Со страшной скоростью бросил он бадью с человеком вниз; у самого дна задержал ее на два-три мгновенья — и вихрем вынес кверху... И еще не успела бадья дойти к устью шахты, как там, внизу, раздались взрывы... Но люди были уже вне опасности [1].

С появлением электрических машинок для паления бурок шпуры в большинстве случаев стали взрывать машинкою сверху. Но поскольку такие взрывы менее продуктивны (результаты хуже), то на многих копях вплоть до Октября 1917 г. палили бурки «вручную».

После запальщиков в шахту лезут уборщики. На их обязанности лежит — разобрать породу, сваленную взрывом, загрузить ею одну за другой бадьи. Когда порода убрана, лезут снова бурильщики, их сменяют запальщики... И так изо дня в день; из недели в неделю; из месяца в месяц... Нет ни дня, ни ночи, ни

---

[1]) Эпизод этот целиком приведен Бор. Пильняком в его очерке «Кожаные куртки» (см. «Голый год»). Во избежание обвинений меня в плагиате считаю нужным указать, что эпизод этот был изложен мною в первом издании моей книги «В угольном царстве», вышедшей еще в 1918 г.

праздников, ни будней. Только «ломка смен» по воскресеньям меняла порядок спуска: работавшая с шести часов утра начинала работать с 2 часов дня; вторая смена, вместо 2 часов дня, спускалась в 10 ночи, и третья, вместо 10 часов ночи, начинала работу с 6 утра. Вот и вся разница...

А риск работы в проходке!.. Достаточно упасть с большой высоты камешку в 100, в 200 граммов на голову человеку, — и человек падает, как от осколка снаряда.

Помню, раз я поднимался с двумя проходчиками из глубокой проходки. У одного из рук выскользнула железная рудничная лампа. По счастью, она ни в кого не попала. Но когда, перепуганные, спустились мы вниз, там лежала не лампа, а железная лепешка: от удара лампа сплющилась как свинцовая пуля. Характерно, что никто из работавших внизу не сказал неловкому товарищу ни одного грубого слова: такой «случай» вышел; обошелся благополучно, — ну и ладно...

Помню второй случай. С высоты 75 метров сорвалась железная гайка большого размера. Она пробила железную крышу клети и глубоко завязла в доске подстилки. Все три человека, бывшие в клети, по счастью, уцелели. Но мне известен случай, когда гайка малого калибра наповал убила человека...

За границей для охраны головы от ушибов надевают твердые шляпы из толстой подметочной кожи. У нас вплоть до Октября работали в картузах и мягких шапченках... на авось... Авось, обойдется!..

* * *

Перейдем, однако, к следующей стадии горного дела. Проходка окончена. Все подготовительные работы сделаны. Начинается добыча угля и доставка его на поверхность. Появляются новые категории рабочих: 1) з а б о й щ и к и, вырубающие уголь при помощи особых инструментов (обушки, желонги, ривлены), — нечто вроде разновидностей кирок на длинных ручках; 2) с а н о ч н и к и, стаскивающие нарубленный уголь в санках по узким ходам к месту перегрузки их в рудничные вагонетки; 3) о т к а т ч и к и и к о н о г о н ы, из которых первые доставляют сорокапудовые вагонетки к стволу шахты по галерее длиною не более 200—300 метров; на большие расстояния «гоняют» лошадьми конногоны; 4) д о р о ж н ы е, исправляющие пути галерей; 5) д у ч к о в ы е, пропускающие застрявший в крутых и узких ходах уголь; наконец 6) к р е п и л ь щ и к и, 7) п о д р ы в щ и к и, 8) к а м е р о н щ и к и, дежурящие на насосах, и 9) дежурные слесаря.

Последние четыре категории рабочих имелись и при проходке. У каждой из этих категорий рабочих — своя работа, связанная с тем или иным профессиональным риском; каждая работа в той или иной степени вредна для здоровья.

На обязанности забойщика лежит вырубка угля. В зависимости от толщины (мощности) каменноугольного пласта, забой-

щик либо сидит на почве, подстилающей пласт, либо лежит на боку с «инструментом» в руках. При слабом свете тускло горящей лампы удар за ударом отбивает он порой чрезвычайно крепкий уголь. Тонкая угольная пыль висит в воздухе, насыщенном копотью лампы, испарениями тела, дыханием и сыростью. В некоторых пластах к этой смеси присоединяется еще гремучий газ, могущий дать взрыв от первой искры. В иных пластах вместо гремучего — серный газ, называемый рабочими «глазоедка» за сильное раз'едание глаз, нередко причиняющее острую форму глазной болезни (кон'юнктивит). Газ этот в соединении с влагою дает серную кислоту, благодаря чему у рабочего всегда болит вспотевшее тело, покрывающееся острыми, раз'едающими кожными сыпями; вечно у него раздражена гортань; особенно же сильно достается глазам.

Рабочий день забойщика до Октября был официально двенадцатичасовой. Но только на немногих рудниках продолжался он 12 часов, обычно работали забойщики не более 9—10 часов в смену. Слишком тяжел этот труд для двенадцатичасовой работы. Все время работы человек лежит на холодном камне, подстилающем уголь (почва пласта). Часто почва выделяет воду. Тогда забойщик промокает до нитки. Иные пласты едва достигают 50—60 сантиметров (в периоды «угольных горячек» работали пласты и тоньше),—тогда забойщик лежит, как в гробу, в неудобной позе, с запрокинутой головой и рубит, и рубит. А дышать ему трудно, так как в густом воздухе почти нет кислорода[1]). Лампа с каждым часом горит все тусклее. Угольная пыль забивает дыхательные пути. Мучительно кашляет забойщик. И когда отхаркнет мокроту, из груди его вылетает черным комочком свернувшаяся пыль. Отсюда, естественно, такой высокий процент болезней дыхательных путей и легких.

Работа забойщика также очень опасна. Каждый момент грозит обвалом кровли. Каждый час, проведенный в забое, угрожает смертью. Особенно опасны работы по выборке больших площадей каменного угля, заранее обрезанных со всех сторон в виде квадрата. Такие площади до 130 кв. метров называются «столбами». По мере выборки угля из такого столба ставятся ряды сосновых подпорок. Но нажим кровли порою бывает так силен, что они наполовину уходят в землю. Работают напряженно люди. А рядом одна за другой крякают подпорки... таким сухим, холодным, жутким треском... Крякнет и переломится посредине... и сейчас же люди ставят рядом с лопнувшей новую подпорку... Обычно квадрат успевают добрать до конца раньше обрушенья. Но иногда словно от дуновения ветра крякает сразу вся серия подпорок. Это значит — «столб садится». Захватив инструменты, стремглав бегут люди в ближайшее безопасное место. Проходит несколько минут—и новый треск. Затем грохот, от которого сразу

---

[1]) По Рубнеру воздух некоторых рудников содержит всего 8% кислорода.

гаснут лампы. Это крыша пласта ложится на почву. Порой она погребает и людей...

Работа шахтера связана с постоянным риском. Она развивает веру в судьбу. «Кому суждено потонуть, того не повесят»,—говорили раньше шахтеры. И часто вы не находили предохранительных подпорок там, где они необходимы. Если спрашивали забойщика, почему нет подпорки, он отвечал: «Ничего... Ежели пофартит, — и так жив будешь... А выйдет такая планида, — все одно убьет и со стойкой (подпоркой). Потому, как кому при-

Бурение перфоратором и отбойка угля кайлою.

дется»... И благодаря такой вере в судьбу и привычке к риску, на копях Донецкого бассейна до Октября 1917 г. процветал давно воспрещенный промысел: выбивка из выбранных квадратов угля стоек там, где «кровля позволяет». Обычно «контора» платила одну треть стоимости за целую подпорку, и рабочие «добывали» их, сугубо рискуя жизнью.

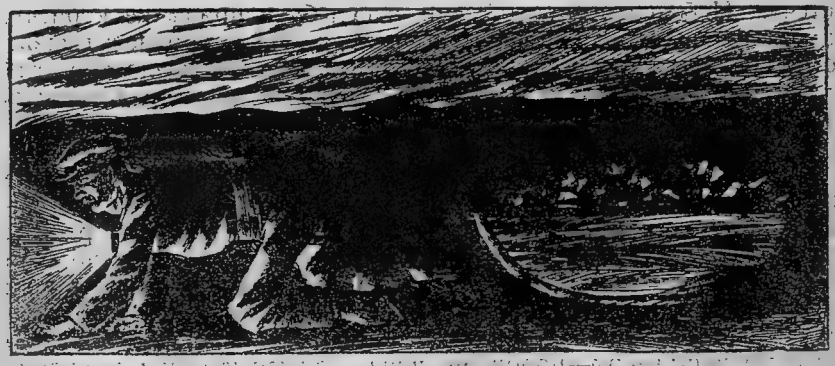
Если пласты угля залегают настолько полого, что уголь не скатывается вниз по почве пласта, даже при настилке листов железа, то в этом случае работают саночники. Риск этой работы относительно невелик. Но тяжесть труда огромна, особенно если учесть, что эту работу обычно выполняли раньше подростки, и что продолжалась она по 12 часов в сутки, днем и ночью. Двенадцать долгих часов таскал саночник по узким ходам («печкам») тяжелые сани; вверх—порожние, вниз—груженые углем, все время ползая на четвереньках, — словно каторжник, прикованный к тач-

ке. Груз санок доходил до 130 килограммов. Прикреплялись сани к поясу цепью, причем цепь от пояса к саням идет меж ногами. Саночник стаскивает уголь к главным откаточным ходам. Здесь уголь перегружают в вагонетки для отправки его к стволу шахты.

Там, где пласты расположены очень круто, уголь спускают забойщики сами в узкие ходы, называемые «гезенки» или «дучки». Нижний конец «гезенка» закрыт прочной дверцей. Вагонетка подгоняется прямо под устье такой «дучки», дверцу открывают, и уголь своей тяжестью ссыпается в вагонетку. В такой «дучке» скопляется порой по нескольку сот пудов угля. И вот когда случается, что «дучку» как-нибудь перегородило крупными кусками угля, то вся масса останавливается, как лед в заторе во время половодья. Для освобождения таких застрявших «дучек» имелись рабочие, называемые «дучковыми»: это люди «отчаянной жисти», как говорят шахтеры.

Для того чтобы пропустить «дучку», «дучковой» лезет в нее снизу, вооруженный небольшой доской и железным стержнем. Добравшись до самого затора, он устанавливает доску перед углем, укрепляя ее за подпорки, и, закрывшись, как щитом, доскою, начинает «ширять» стержнем висящий над головою уголь, пропуская его вниз полегоньку. Иногда уголь, пройдя мимо «дучкового», образует новый затор ниже, и тогда человек оказывается, как в капкане. Нет выхода ни вверх, ни вниз. Я знал человека, двенадцать часов просидевшего в такой ловушке. Иногда уголь срывался лавиной. Тогда доску срывало, и «дучковой» летел вместе с углем. В юности я видел «дучкового», два раза извлеченного из «дучки» полумертвым. К счастью, этот вид работы постепенно отходит в область преданий.

Когда уголь загружен в вагонетки, его откатывают к стволу шахты для «выдачи» на поверхность. Если от работ до ствола недалеко, вагонетку отвозят «вручную». Вагонщик тащит вагонетку с грузом до 800—900 килограммов по рельсам к стволу.



Саночник.

Обратно берет в обмен порожнюю вагонетку. Эта работа требует большой ловкости и физической силы. Сплошь и рядом «пути», по которым гонят вагонетку, далеки от совершенства. Вагонетки часто «бурятся»—сходят с рельс. Особенность этой работы—причинение постоянных ушибов стопы, рук и сильной поясничной боли и растяжение сухожилий.

Откатка груженых вагонов.

Обыкновенно рабочий в этих случаях говорит, что «переломил» себе спину. Для этого вида повреждений характерно, что они не сопровождались какими-либо наружными признаками, И поэтому они обычно не считались повреждениями, хотя и выводили часто на несколько дней вагонщиков из строя.

На далекие расстояния вагонетки «гоняют» лошадьми коногоны. Это тоже очень рискованная работа. Сцепив 7—8 вагонеток, коногон впрягает в них лошадь. Сам он ложится грудью на уголь переднего вагона. Перед собой вешает лампу. И лошадь мчится по узким, длинным, извилистым галереям к стволу. Резко свистит коногон, понукая лошадь. Лязгают железные сцепки. Грохочут стальные рельсы. Колеблется, танцует пламя лампы. И в быстром беге сливаются в сплошную массу для коногона стоящие по бокам подпорки. Вот на полном ходу «забурился» — сошел с рельс — передний вагон. По инерции (с разгона) летит вперед коногон по низкому ходу. Долетает головой до ближайшей подпорки, — и нет человека.

Работа крепильщика не менее тяжела и опасна, чем работа коногона. Опасна, потому что ему приходится работать в местах, угрожаемых обвалом. Тяжела, — так как часто приходится производить работу в условиях, требующих нечеловеческих усилий. Вот крепления воздушных ходов. По ним идет воздух с огромной быстротой. Зимой в них бывает так холодно, что положительно «душа застывает». А крепильщик работает полуодетый. Не тащить же в шахту шубу! И неудобно работать и люди смеяться станут. Или крепление наклонной шахты во время добычи угля. По наклону бегают вверх и вниз вагонетки. Рядом проложены паровые трубы, идущие с поверхности к насосам. Наконец, здесь же выходит испорченный воздух. Жара стоит в 30—40° Р. Дышать буквально нечем. А крепильщики должны ставить тяжелые дубовые подпорки. Работают попарно в одних штанах и опорках. Рубахи лежат на трубах. Проработав полчаса, бросаются стрем-

глав к холодным ходам; мокрые от пота ложатся на сырую, холодную землю. Жадно пьют припасенную здесь холодную воду. Глаза мутны. Сердце ходуном ходит. Пролежат минут 7—8 и, очнувшись, снова бегут к прерванной работе, чтобы через полчаса снова дойти почти до потери сознанья. Такую работу ежедневно наблюдал я в течение 1915—1916 гг. на руднике Ново-Григорьевского т-ва, близ Юзовки, своими глазами. Изо дня в день, из недели в неделю работали на такой работе люди. Насколько хватит при такой работе самого крепкого человека?

А камеронщики!.. А дежурные слесаря!.. Их работа — это настоящий подвиг. И когда я думаю об их труде, мне смешной забавой кажутся и вериги и другие испытания, которыми истязали себя «подвижники».

Вот что я видел неоднократно в течение 1914—1915 и 1916 гг. Шло откачивание двух наклонных шахт, затопленных вешней водою, и третьей вертикальной на двух соседних копях. Жара у насосов стояла такая, что камеронщики и слесаря работали буквально в чем мать родила: сбросив даже опорки и подштанники. В одной из шахт вода была столь едка, что сапоги за 5—6 раз разлезались, как гнилая тряпка, а по всему телу образовывались ранки и нарывы. Всасывающий рукав был глубоко в воде, иногда в 8—10 метрах от насоса. Исходящий пар выпускался тут же в воду, отчего она сильно нагревалась. Притока свежего воздуха почти не было, так как хода для вентиляции были залиты водою. В таких условиях люди работали по 12 часов. Чтобы не останавливать насоса и в то же время очистить конец всасывающего рукава, лежащего под водою, дежурные слесаря ныряли в воду и, опускаясь по трубе, лежащей наклонно на протяжении 8—10 метров под водою, — очищали наконечник рукава от грязи. Трудно представить себе это нырянье. Это не нырянье в глубину реки или в глубину вертикального колодца, где можно вынырнуть в любом месте, по вертикальному направлению кверху. Здесь только один выход, но не вертикальный, а по наклону. Это как бы нырянье в прорубь, где, чтобы вынырнуть, нужно раньше ткнуться в массу льда, а потом уж по веревке пробраться до прорубленного в нем оконца. И стоит только растеряться, ошибиться направлением, выпустить из рук веревку, — и все кончено.

Такое нырянье до революции было обычным явлением на донецких копях. Бывало нырянье и сложнее. При мне слесаря разбирали под водой два насоса, причем вода была настолько горяча, что моя рука едва терпела. А люди ныряли, развинчивали гайки, отнимали части насоса. Я следил за работой, отдавал приказания, а в груди у меня, выросшего на копях, видавшего всякие виды, привыкшего к горному делу, были тоска и ужас. И сейчас, когда я думаю об этой работе, мне непонятно, как могли люди ради куска хлеба выполнять такую адскую работу.

Приведенного достаточно, чтобы дать общее понятие об условиях подземного труда в Донбассе вплоть до Октября 1917 г.

Остается только цифрами подчеркнуть все сказанное о профессиональном риске горного дела и о ненормальности условий работы.

* * *

Если для характеристики заболеваний горнорабочих пришлось обратиться к статистике Западной Европы, то по вопросу о несчастных случаях и характере травматических повреждений (ранений) этого делать не нужно. Здесь мы имеем и данные, собранные частными лицами, и данные полуофициальные, — собранные в свое время статистическим бюро при Совете с'ездов горнопромышленников юга России.

Для выяснения числа несчастных случаев на промыслах статистическое бюро Совета с'ездов опросило целый ряд копей [1]). Как это водится, на запрос ответили далеко не все фирмы. Так, в 1904 г. из 163 фирм ответило 111, или 68,1% опрошенных фирм, но эти фирмы давали 85,05% всей добычи топлива Донецкого бассейна в 1904 г., а именно 11.192 млн. тонн из 13.160 млн. тонн. В 1905 г. из 147 фирм ответили 100, или 68,03%, дававших 79,10% добычи топлива, т.-е. 10.313 млн. *т* из 13.037 млн. *т*. В 1906 г. из 151 ответили 127 фирм, или 84,10% всех фирм, об'единявших 81,49% всей добычи, именно 12.131 млн. *т* из 13.884 млн. *т*. В 1907 г. из 131 фирмы ответили 98, или 74,81%, об'единивших 79,70 всей добычи — 13.846 млн. *т* из 17.372 млн. *т*. Наконец в 1908 г. из 166 фирм ответили 108, т.-е. 65,06% с 15.629 млн. *т* общей добычи бассейна, что составляло 85,58% всей производительности копей [2]). Как видите, опросом было охвачено большинство предприятий, добывавших антрацит и уголь в бассейне в те годы.

В 1904 г. из общего числа рабочих опрошенных фирм 77.767, обследование охватило 72.237 чел., или 92,87% их общего числа. В 1905 г. из 83.383 раб. было охвачено обследованием 66.030, или 79,19%. В 1906 г. из 91.047 раб. было охвачено 78.289 чел., или 85,99%. В 1907 г. — 93.501 чел. из 116.913, или 79,98%. Наконец в 1908 г. у фирм, приславших ответ, числилось 110.752 чел. (из 134.325 чел.), или 82,45% общего числа рабочих, работавших во всех опрошенных промыслах. И вот, по данным статистического бюро Совета с'ездов, в 1904 г. из 72.237 чел. получили повреждение 22.295 чел., что составляло 308,80 пострадавших на каждую 1.000 рабочих. В 1905 г. из 66.030 рабочих получили повреждения 24.840 чел., что составляло 376,19 на тысячу. В 1906 г. из 78.289 чел. получили повреждения 28.474 чел., или 363,70 на тысячу. В 1907 г. из 93.501 чел. пострадали 30.525, или 326,47 на тысячу. И в 1908 г.

---

[1]) Мы берем данные только по предприятиям, добывающим антрацит и каменный уголь.

[2]) «Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горнозаводской промышленности южной России за 1904—1908 годы», Харьков, 1910 г. Изд. статистич. бюро Совета с'ездов горнопромышленников юга России. № 370. См. табл. на стр. 2.

из 110.752 чел. пострадали 30.176 человек, или 272 на тысячу [1]). Таким образом в среднем за пятилетие получило увечья 329,52 ч. на тысячу в год, или другими словами, из трех человек ежегодно в среднем получал увечье один рабочий. Таковы голые цифры. Но они выступают особенно рельефно при сравнении их с цифрами пострадавших от несчастных случаев в других отраслях промышленности. Так, по данным фабричной инспекции [2]) в 1904 году, т.-е. в год, когда в горной промышленности пострадали 308,80 чел. на тысячу, — на фабриках из 1.651.956 чел. получили увечья 47.205 чел., т.-е. 28,6 чел. на тысячу. Другими словами, в 1904 году на фабриках пострадавших было в 11 раз меньше, чем в копях.

Мы имеем несколько более подробные сводки о несчастных случаях в предприятиях, которые были подчинены фабричной инспекции, в годы, совпадающие с периодом обследования Совета с'ездов. Данные эти охватывают период с 1906 по 1910 год по целому ряду производств. И хотя они страдают некоторой неточностью, но все же и они при сравнении с данными по горной промышленности чрезвычайно показательны. Вот эти данные (см. табл. на стр. 21) [3]).

Из этих данных мы видим, что на тысячу работавших пострадали в среднем всего 33 человека против 329 в горном деле.

Та же картина наблюдается и в отношении высоты смертности в результате увечья.

По данным Совета с'ездов горнопромышленников цифры эти колеблются от 1,93 до 5,19 на тысячу. А по сведениям Горного ученого комитета и данным отдела промышленности, опубликованным под рубрикой: «Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции», собранным за десятилетие с 1901 по 1910 год,— среднегодовое число погибших на десять тысяч занятых в производстве рабочих определялось такими цифрами для наших предприятий:

Для каменноугольных рудников	26 чел.
Нефтяных промыслов	13 »
Металлических рудников (железных, медных и др., кроме золотых)	8 »
Для каменоломен	8 »
Золотых, платиновых рудников и приисков	7 » [4])

[1]) Там же.

[2]) «Русские Ведомости» № 115 от 8 июня 1908 г.

[3]) «Статистический Ежегодник на 1914 г.» изд. Совета с'ездов промышленности и торговли, Петроград, стр. 782—783. Несомненно, данные эти значительно преуменьшены в силу неточности и небрежности регистрации. В регистрацию попали случаи серьезные. Так, из всего числа зарегистрированных лишь 28,9% выписались в течение 7 дней. Все же остальные проболели свыше этого недельного срока (см. стр. 792). Но отчасти теми же недостатками страдают, как мы увидим, и данные по несчастным случаям в горной промышленности.

[4]) А. А. Скачинский. «Травматизм при горных работах». Стр. 2, в издании М-ва торговли и промышленности. «Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности». Часть III, выпуск II. Изд. 1915 г.

№№ группы	Группы производства	Число предприятий	Число рабоч. обоего пола в предприятиях	Число несч. случ., заявл. раб. обоего пола	На тысячу раб. кажд. группы (в %%)
I	Обработка хлопка	734	440.198	9.395	21,3
II	» шерсти	1.018	144.019	1.793	12,4
III	» шелка	118	25.628	106	4,1
IV	» льна, пеньки . . .	249	88.333	1.645	18,6
V	Смешанн. волокнистые произв.	300	26.780	218	8,1
VI	Производ. бумажн. изделий и смежных с ними	1.666	80.016	1.233	15,4
VII	Механич. обработка дерева .	1.563	80.035	2.971	37,1
VIII	Обработка металлов, произв. машин и т. д.	1.812	262.058	27.167	103,7
IX	Обработка минеральных вещ.	1.412	130.917	2.195	16,8
X	» животн. прод. . .	744	45.955	638	13,9
XI	» пищ. и вкус. вещ.	3.551	294.460	5.044	17,1
XII	Химические производства . .	472	60.599	1.683	27,8
XIII	Производства, не вошедшие в предыдущие рубрики	52	3.584	219	61,1
	Всего по империи . .	13.672	1.696.653	56.312	33,2

Эти данные вполне подтверждаются опубликованными в самое последнее время цифрами, как это видно из следующей таблицы (см. табл. на стр. 22) [1]):

Интересно провести параллель с Западной Европой. В северном районе Англии в 1914 г. из 199.978 чел., работавших под землею, повреждения получили 38.747 чел., или 193,7 на тысячу, а убитых было 199 чел., или 0,85 на тысячу. В 1913 г. из 198.272 чел. поранено было 46.662 человека, или 235 на 1.000 человек, а убитых приходилось 0,87 на 1.000 человек [2]). А ведь там работы и глубже и древнее наших.

Правда, были страны, которые побивали рекорд по несчастным случаям даже российский. Но таких стран было лишь две: Северо-Американские Соединенные Штаты и Япония. Все остальные страны далеко отставали от нас в этом отношении. Вот дан-

---

1) «Вопросы техники безопасности и травматизма в горной промышленности СССР». Сборник под ред. Биленко, В. Л. Статья В. П. Машкевич: «Травматизм в каменно-уг. промышл. Донбасса», стр. 36. Издание «Вопросы Труда» 1928 г.

2) Отчет горных инспекций горнопромышленных районов Англии за 1914 г. «Г. З. Д.» № 42—43 за 1915 г., стр. 12—13. Для других районов эти цифры несколько выше, но до наших дореволюционных пределов дойти не удалось англичанам ни в одном из них.

Годы	Число рабочих	Абсолютное число несч. случаев				Число несч. случ. на 1.000 раб.			
		Всего	Из них			Всего	Из них		
			Смерт.	Тяж.	Легк.		Смерт.	Тяж.	Легк.
1904	77.767	26.213	165	1.396	24.652	308,80	1,93	17,45	288,92
1905	83.383	31.489	270	2.156	29.063	376,19	2,23	25,86	348,10
1906	91.047	34.935	211	2.740	31.984	366,70	2,34	30,09	334,27
1907	116.913	38.300	282	2.555	35.463	326,47	2,41	22,79	301,27
1908	134.315	35.207	620	2.462	32.125	272,46	5,19	18,33	248,94
1909	134.041	—	278	1.189	—	—	2,07	8,87	—
1910	120.514	—	264	1.016	—	—	2,18	8,44	—
1911	137.935	—	303	1.199	—	—	2,20	8,69	—
1912	170.833	28.700	391	3.392	24.917	168,00	2,28	20,13	145,59
1913	175.785	30.706	426	2.929	27.351	174,67	2,42	16,66	155,59
Среднее за 10 л.	124.253	—	321	—	—	—	2,60	—	—

ные за десятилетие с 1901 по 1910 год, приводимые А. А. Скачинским [1]):

Наименование стран	В среднем в год по добыче угля, антрацита		На 10.000 работавших погибло
	Работало	Погибло	
Сев.-Америк. Соединенные Штаты .	607.000	2.270	37,4
Япония	106.000	309	29,2
Россия	140.000	365	26,1
Германия	482.000	1.017	21,1
Франция	179.000	302	16,9
Великобритания	890.000	1.210	13,6
Австро-Венгрия	68.000	71	10,4
Бельгия	140.000	142	10,2

Приведенные цифры не дают полной картины несчастных случаев в нашей стране. В действительности процент пострадавших был значительно выше, чем показывает статистика бюро горнопромышленников. Дело в том, что к категории пострадавших от несчастных случаев статистика горнопромышленников относила только повреждения, требовавшие длительного лечения. По рубрикам, принятым бюро при группировке, пострадавшие распределялись на: 1) умерших от ран, 2) пострадавших с полной или частичной утратой трудоспособности, 3) пострадавших с невыясненным исходом и 4) временно нетрудоспособных. Последняя ка-

[1]) Там же, стр. 6.

тегория, конечно, самая обширная. В 1904 г. временно-нетрудоспособных по данным бюро значилось 18.818; в 1905 г. — 20.355; в 1906 г. — 24.192; в 1907 г. — 27.175 и в 1908 г. — 26.242 чел. Все эти утратившие трудоспособность шахтеры употребили на восстановление здоровья: в 1904 г. — 232.281 день; в 1905 г. — 357.573; в 1906 г. — 407.760; в 1907 г. — 440.759 дней и в 1908 г. — 501.611 дней. В среднем это дает на человека для 1904 г. 12,34 дня; для 1905 г. — 17,57 дня; для 1906 г. — 16,95 дня; для 1907 г. — 16,22 дня и, наконец, для 1908 г. — 19,22 дня[1]), в то время как согласно английской статистики к этой категории относились люди, в среднем терявшие всего семь дней на лечение.

В действительности и эта средняя слишком велика. В подтверждение приведем данные одной из больниц Донецкого бассейна.

3 октября 1914 г. Рабочий К—в Андрей. Ушиб левой стопы с кровоподтеком. На ней — опухоль. Выздоровел 7 октября... 20 октября Л—в Иван. Ушиб указательного и среднего пальца левой руки. Выздоровел 25 октября... 26 октября К—ко Дмитрий. Ушиб правого глаза с кровоизлиянием. Выздоровел (!) 30 октября... 4 ноября К—в Иван. Рваная кожная рана темени головы. Выздоровел 10 ноября... 27 октября Л—ый Федор. Ожог левой руки. Выздоровел 2 ноября. Таких записей я мог бы привести очень много. Эти данные говорят о том, что в большинстве случаев «излечивание» тянулось не более 5—6 дней. И если средняя статистического бюро колеблется от 12 до 19 дней на человека, то это значит, что учитывались только серьезные повреждения, а менее серьезные случаи не вошли в статистическую разработку. И хотя все пострадавшие отнесены к категории выздоровевших без потери трудоспособности, но на самом деле их нельзя отнести к категории абсолютно здоровых. Не приходится сомневаться в том, что каждое такое «незначительное» повреждение (а многие получали их в течение года по нескольку) не могло не понизить нормальной трудоспособности рабочего.

Что масса пострадавших проскальзывала сквозь слишком редкое сито статистики Совета с'ездов — может быть подтверждено следующим фактом. Доктор Щербиновского рудника М. И. Ретивов попытался разработать данные больницы о травматических повреждениях за два года, 1907—1908. В 1907 г. получили под землей повреждения 674 чел.; в 1908 г. — 531. Если взять постоянный комплект рабочих и по отношению к нему вывести процент травматических случаев, — говорит он, — то он будет равен для горных работ 29,2[2]), т.-е. получится цифра, близкая к данным бюро Совета с'ездов. Но, — говорит он далее, — в рубрику несчастных случаев в оба отчетных года вошли только те,

---

[1]) «Статистика несчастных случаев» стр. 12—13.

[2]) М. И. Ретивов. «Опыт статистической разработки травматических повреждений на Щербиновском руднике за 1907 и 1908 гг.» См. «Труды I Всероссийского с'езда фабричных врачей», т. I, стр. 175.

которые были признаны врачом и санкционированы администрацией соответствующего отдела. Жалоб на ушибы отмечено гораздо более, чем признано самих ушибов (курсив мой *Л. Л—н*). А именно: в 1907 г. не признано 629 ушибов из 1.348, т.-е. 42%; в 1908 г. не признано 722 случая из 1.381, т.-е. 52%. Ту же картину мы наблюдаем и на другом руднике — Ивановском, данные о котором я взял из больничных отчетов. В октябре 1914 г. пострадали 17 чел. Из них вошло в статистическую разработку 7 случаев. Большинство «выздоровело» в течение первых 5—6 дней и в учет не вошло. В ноябре из 5 случаев статистикой был учтен лишь один. В общей сложности, по имеющимся у меня сведениям, с октября 1914 г. по июль 1915 г., т.-е. за восемь месяцев, пострадали всего 63 чел., а в данные статистической разработки вошли лишь 22 случая, т.-е. 35%. Остальные 65% выздоровели в течение ближайших 5—8 дней. Аналогичные порядки царили до революции на большинстве копей Донецкого бассейна.

Но, может быть, эти 40—65% попросту являются притворщиками-симулянтами?.. Ничуть не бывало. В эту рубрику, — говорит доктор Ретивов, — «вошла большая группа без так называемых «об'ективных признаков». Вагонщики, например, дают именно такую категорию. Сюда вошли также те случаи, когда заболевания обусловлены профессиональным (!) характером работ (кон'юнктивиты, загноившиеся мозоли, воспаление подкожной клетчатки вследствие загрязнения небольших ссадин и т. д.), и, наконец, случаи, которые могут иметь место в повседневной жизни, и притом настолько незначительные по своему характеру, что при других обстоятельствах (?) рабочие не обратили бы на них никакого внимания» [1]).

Не может быть двух мнений о том, что такой статистический отбор неправилен. Во-первых, нужно принять во внимание, что незначительные заболевания кон'юнктивитом могут постепенно привести к ослаблению зрения. Во-вторых, при горном деле, — как заявляет сам автор, — «вследствие неизбежного загрязнения многие ссадины и царапины протекают чрезвычайно медленно и вяло, гораздо хуже, чем при многих других работах». А главное — «иногда несерьезные сравнительно, на первый взгляд, повреждения кожи, например на боку, выводят, однако, рабочего надолго из строя именно потому, что они сопровождаются воспалением и нагноением и причиняют боль при работе, так как именно на этом боку ему приходится лежать во время работы» [2]). И в-третьих, «отсутствие об'ективных признаков» отнюдь еще не означает, что рабочий действительно здоров. Ибо кроме вагонщиков, «надрывающих» спину, бывают еще случаи получения серьезных ушибов без об'ективных признаков. В самом деле: «пред-

---

[1]) Там же, стр. 175—176.
[2]) Там же, стр. 183.

ставьте себе, что во время боя угля падает широкий пласт породы или даже угля на поясницу. Попав своей широкой поверхностью, он не оставляет видимых следов на коже и под кожей в вике припухлости, ссадин и царапин, но означает ли это отсутствие ушибов вообще»[1]). Конечно, нет, и тем не менее такой потерпевший часто в рубрику потерпевших не попадает. А между тем «прихватывание» отошедшей «струей» угля по отношению к забойщику — явление довольно частое. Это видно особенно отчетливо при изучении смертельных случаев от обвалов в копях и от других причин. Вот статистика смертей в копях некоторых стран с указанием причин смерти[2]):

Причина несчастных случаев (в %%)	Сев.-Амер. Соед. Шт. за 1911 г.	Италия за 1910 г.	Германия за 1911 г.	Индия за 1911 г.	Великобритания за 1911 г.	Бельгия за 1911 г.	Франция за 1910 г.
А. В подземных работах:							
Обвалы угля и пустых пород	49	65	38	57	49	34	38
Взрывы газа и пыли	14	3	3	11	3	1	4
Падение в выработки	2	6	9	8	8	18	17
Повреждение взрывчатыми веществами	5	1	4	1	1	5	1
Тяжелыми предметами, машинами и т. д.	23	20	33	24	27	29	22
Всего	93	95	87	90	88	87	82
Б. На поверхности от разных причин	7	5	13	10	12	13	18
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Из этой таблицы мы видим, что большинство случаев смертей происходит вследствие обвалов угля и пустых пород. Во всяком случае из приведенных данных ясно, что фактическое число несчастных случаев среди горнорабочих Донецкого бассейна было выше, чем показано в опубликованных в разное время статистических данных.

* * *

Попытаемся разобраться в характере несчастий с горнорабочими Донецкого бассейна и выяснить хотя бы отчасти их причи-

[1]) Там же, стр. 184.
[2]) А. Скачинский. Названное соч., стр. 4.

ны. К сожалению, данные горнопромышленников нам мало помогут в этом деле. Придется обратиться к данным по отдельным промыслам.

Д-р Ретивов, работу которого я уже ранее цитировал, утверждает, что первое место по ранимости надо отвести забойщикам. В 1907 г. они дали 25,5%, а в 1908 г. — 24,4% всех повреждений. Второе место занимают крепильщики, давшие в те же годы 14,6 и 14,0%; затем идут вагонщики—11,0% и 17,3 и отгребщики — 8,3 и 8,2% [1]).

При этом причинами несчастий служили: обвалы угля и породы, давшие 514 случаев, или 59,6% к общему числу ранений; затем нагрузка и перевозка тяжестей — 158 случаев, или 18,4%. ручные инструменты (топоры, кайла) — 83 случая, или 9,6%; взрывчатые вещества — 15 случ., или 1,5%, и ушибы, производимые животными, — 4 случая, — 0,5% [2]). Очень часто бывает, что пострадавший получает не одно какое-либо повреждение, а несколько. Так, в 1907 г. 862 пострадавших получили 913 повреждений, а в 1908 г. 659 чел. — 734 повреждения [3]). Из этих повреждений 82% ушибов, 60% ран, 58% ссадин и 25% переломов приходится на 4 категории: забойщиков, крепильщиков, отгребщиков и вагонщиков. При этом в 1907 г. ушибов без об'ективных признаков было 55, а в 1908 — только 13 [4]). В среднем за два года лечение каждого лежавшего в больнице тянулось 16,5, приходящего — 13 дней [5]). Таким образом, и здесь мы имеем дело с длительными заболеваниями. Любопытно, что в 1907 г. дважды получили повреждения 19,6% всех потерпевших, а в 1908 г. — 16,3%. «Наиболее страдающей областью человеческого тела являются верхние конечности, — говорит д-р Ретивов, — на них приходится 52% всех травм. Нижние конечности и голова дают приблизительно одинаковый процент, и меньше всех падает на туловище». Таковы данные д-ра Ретивова.

Данные, опубликованные мною за 5 лет до появления работы д-ра Ретивова, очень немногим разнятся от его данных [6]). Позволю себе привести их вкратце для сопоставления.

Получены эти данные, относящиеся к 1901 году, с Кальмиусо-Богодуховских копей Алексеевского горнопромышленного общества, где в 1901 году работало 1.200 горнорабочих. В течение года, по обычной системе, на руднике зарегистрировано было 368 случаев, из которых собственно на подземные работы приходилось 315. Из этого количества максимальное число случаев (как и

---

[1]) Ретивов. Назв. соч., стр. 176.
[2]) Там же, стр. 178.
[3]) Там же, стр. 182.
[4]) Там же, стр. 184.
[5]) Там же, стр. 187.
[6]) Л. А. Либерман. «Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне». См. «Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены». Январь 1905 г., стр. 1—28.

по данным д-ра Ретивова) приходится на забойщиков, а именно— 107 случаев из 315, т.-е. 34% общего числа несчастных случаев. По отношению ко всем 1.200 рабочим это дает 8,9%. Коногоны, вагонщики и саночники дают вместе 102 несчастных случая, или 32,3% к числу пострадавших и 8,9% к общему числу рабочих. Остальные 106 случаев падают на все прочие категории горнорабочих. Как и по данным д-ра Ретивова, преобладающей формой является повреждение верхних конечностей — 146 случ., или 46,3% всех несчастных случаев; нижних конечностей — 71 случай, или 22,5%, головы и плеч — 43 случая, или 13,7%. Далее идут повреждения всего тела — 14 случаев, или 4,3%; глаз — 9 случаев, или 2,9% и, наконец, прочих частей тела — 32 случая, т.-е. 10,3%. Итак, в общих чертах мои данные 1901 г. очень близко подходят к данным д-ра Ретивова 1907—1908 гг.

Если распределить все 317 случаев на две рубрики: 1) несчастия, происшедшие по вине рабочих, и 2) несчастные случаи — по вине предпринимателя, то на первую рубрику придется всего 63 случая, или 20% всех несчастных случаев, тогда как на вторую — 252 случая, или 80%. Несчастия по вине рабочих распадаются на четыре категории: а) собственная неловкость и неосторожность — 34 случая, или 10,8% общего числа несчастий; б) неосторожность другого — 18 случаев, или 5,7%; в) неисполнение правил — 9 случаев, или 2,9% [1]), и г) неупотребление существующих приспособлений — 2 случая, или 0,6% всех несчастий.

Несчастные случаи по вине предпринимателя, в свою очередь, распределяются на четыре группы: а) неизбежные последствия работ — на них приходится 179 случаев, или 56,9% общего числа несчастий; б) недостаточность предохранительных устройств — 20 случаев, или 6,3%; в) теснота выработок — 18 случаев, или 5,7%, и г) несовершенство технических устройств, дающее 35 случаев, или 11,1% общего числа несчастий.

Такие недочеты, как несовершенство технических устройств и недостаточность устройств предохранительных, на которые в общей сложности приходилось 55 случаев, или 17,4% общего числа несчастий, являлись вполне устранимыми; для этой цели требовались лишь некоторые дополнительные затраты.

В некоторой степени можно считать устранимыми при известных затратах и несчастия, происшедшие вследствие тесноты выработки, по крайней мере там, где теснота не зависела от таких неподдающихся изменению причин, как чрезмерная тонкость пласта угля. И даже «неизбежные последствия работ», дающие 56,9% всех несчастных случаев, в действительности не так уж неизбежны и неустранимы. Ведь очень многие из так называемых «стихийных и неизбежных» случаев можно было предупре-

[1]) Эту рубрику я нарочно подчеркиваю, так как на рудниках администрация постоянно поддерживала версию, согласно которой все катастрофы и многие несчастные случаи происходят по вине рабочих.

дить при солидных затратах со стороны предпринимателей и при внимательном отношении к делу безопасности технического персонала рудников и горной инспекции. Я далек от мысли обвинять огулом в небрежности весь технический персонал Донецкого бассейна того времени, но штат техников в большинстве случаев был так мал, что следить за этим делом он фактически не мог. И в результате имели место такие явления:

«В угольной шахте Александровского рудника Ауэрбаха 31 октября 1914 г. произошел обвал породы. В проходке, где находились 11 рабочих, обвалившейся породой завалило выход. Из числа одиннадцати засыпанных к 4 ноября четверо извлечены мертвыми. Работы по извлечению остальных подвигаются медленно, так как работать над раскопками могут не более 3—4 человек одновременно. Обвал произошел на глубине 200 метров. Предполагают, что причина обвала — недостаточность технического надзора»[1]) (курсив мой *Л. Л—н*). Далее... Катастрофа на руднике «Нижняя Крынка» в шахте № 67. Погибли 8 шахтеров и штейгер Школа. Дело слушалось в окружном суде. Подсудимый, горный инженер Завадский, был присужден к двухнедельному аресту при тюрьме. Кроме того на него наложили «церковную эпитимию»... (!)[2]). Далее: катастрофа на Горско-Ивановском руднике 28 декабря 1912 г. «В настоящее время, — пишет корреспондент харьковского «Утра»[3]), — выясняются подробности ужасной катастрофы на Горско-Ивановском руднике 28 декабря, характеризующие преступную халатность рудничной администрации по отношению к рабочим. За несколько дней до рокового случая дежурный монтер заметил, что барабан под'емной машины дал небольшую трещину. Немедленно по телефону дали знать директору рудника г. Шандеру и инженеру Пржебышевскому, которые в это время пировали в руднике «Золотое». Администрация прибыла с небольшим запозданием, и ей рабочими было указано, что в таком виде пускать машину в ход чрезвычайно опасно. Администрация разразилась площадной бранью по адресу рабочих и приказала прибить с одной стороны планку в том месте, где барабан дал трещину... Рабочие и мастера утверждают, что ремонт был сделан очень спешно, «на скорую руку», и в таком виде машина пущена в ход. В нижнюю и верхнюю клеть уселось по шесть человек рабочих. Едва нижняя клеть поднялась на 40 метров, как вдруг раздался оглушительный треск. Барабан лопнул и рассыпался на куски, разлетевшиеся с такой силой, что разбили деревянные стропила здания, покрывавшие спуск в шахту. В момент катастрофы верхняя клеть находилась на расстоянии 170 метров от дна шахты. С этой высоты она с головокружительной быстротой провалилась вниз, превратясь в осколки. Все находившиеся в ней

---

1) «Русское Слово» №№ 252, 254, 255 за 31 октября и 3 и 4 ноября 1914 г.
2) «Русское Слово» № 39 за 18 февраля 1915 г.
3) «Утро» № 1843 от 6 января 1913 г.

рабочие были впоследствии найдены изувеченными до неузнаваемости, без всяких признаков жизни. Рабочие нижней клети не были убиты наповал и отделались тяжелыми поранениями, переломами ребер, ног и рук. Одному из них оторвало обе ноги... Добытые следствием данные и показания очевидцев с неопровержимой ясностью указывают, что виновниками этого ужасного дела является администрация рудника. Из допроса выяснилось, что инженер Пржебышевский ответил рабочим, заявившим о негодности машины: «спаяйте кой-как, а ремонт мы сделаем после спуска рабочих в шахту».

Такова картина, рисуемая местным корреспондентом. Основной причиной такого рода катастроф являлась преступная погоня за прибылью. Ремонтировать машину до спуска смены — это значит остановить работу на 12 часов, и администрация, стремясь к чрезмерной экономии, рисковала жизнями шахтеров.

Приведу еще факт затопления шахты на руднике т-ва «Бахмутская Соль». По словам рабочих, опрошенных корреспондентом газеты «Южный Край» [1]), «в шахте никаких предохранительных щитов не имелось. Никаких испытаний здесь в последнее время не производилось. Ни штейгер Д. Л. Мееров, ни кто другой никаких осмотров шахты не производил. Вообще никаких осмотров в последние шесть месяцев не было. На шахте не было даже спасательной лестницы, как это обычно принято. Иначе все спаслись бы»... В результате, когда стихийная сила напора прорвала крепь и вода хлынула в шахту, — по небрежности администрации погибло несколько человек.

Я взял на выборку несколько фактов из имевших место в последние перед революцией годы... А сколько можно было бы привести аналогичных фактов за предыдущие десятилетия!

* * *

Чтобы закончить с вопросом о несчастных случаях в копях, остается вкратце упомянуть еще о рудничных пожарах и взрывах—этих «стихийнейших из стихийных» и «неотвратимейших из неотвратимых» условий горного дела, уносящих сотни человеческих жизней. Интересующихся более подробно причинами рудничных катастроф отсылаю к моей небольшой работе, посвященной данному вопросу в связи с одним из взрывов гремучего газа в Донецком бассейне [2]).

Пожар на руднике г. Успенского повлек в декабре 1902 г. 61 жертву. Один из очевидцев пожара, горный инженер г. Негребецкий, в докладе, прочитанном на с'езде горных инженеров в Екатеринославе, так рисует картину этого несчастия. Отметив вину смазчика, зажегшего по неосторожности крепь вблизи шахты,

---

1) «Южный Край» № 12098 от 7 июня 1914 г.

2) Лев Либерман. «Рудничные катастрофы и их причины», см. «Русское Богатство» за август 1908 г.

он говорит: «Истинная причина катастрофы, жертвой которой стал 61 человек (58 трупов и 3 неразысканных),—совершенно неправильное устройство рудника, полное отсутствие каких бы то ни было спасательных средств (курсив мой *Л. Л—н*) и, наконец, нерациональность принятых мер спасения. Вся система работ шла вразрез с элементарными требованиями горного дела»[1])... Чем не «стихийное» несчастие?

Взрывы? Напомню самые крупные из них, унесшие сотни жизней.

В 1898 г. в шахте «Иван» взрыв унес по официальным данным 75, а по неофициальным — 150 жизней. В 1905 г. 4 июля в той же шахте погибло от взрыва уже не 150, а более 300 человек. В 1908 г. 18 июня на бывших Рыковских копях произошел страшный взрыв, повлекший 270 жертв. В чем причина этих несчастий? Было ли предпринято все возможное, чтобы их избегнуть?

Увы, нет... Прежде всего в газовых шахтах должна быть очень хорошо устроена вентиляция, чтобы путем быстрого и полного обмена воздуха рассеивать опасные газы, могущие дать взрывы. И вот, — «насколько совершенна была вентиляция шахты «Иван» (накануне взрыва 1905 г.), — писал после взрыва г. «Горный Техник»,—видно из того, что вместо законного $^1/_2\%$ газа в воздухе его зачастую было 3%»[2]). Та же картина и на Рыковском руднике: «Исследование выяснило, что шахты Рыковского рудника старые, всегда отличались обилием газов, — писал после взрыва корреспондент «Русского Слова», — рабочие жаловались на плохую вентиляцию»[3]) (курсив мой *Л. Л—н*).

Но хромала не только вентиляция. Тот же корреспондент «Русского Слова» сообщал, что взрыв мог произойти от неисправности электрических проводов, поправку которых по словам рабочих, отложили до воскресенья[4]).

Может взрыв произойти от неисправной лампы. Была ли предусмотрена эта возможность? Увы, и этого не было. Больше того: экономии ради на шахте «Иван» незадолго до взрыва была выписана для ламп партия стекол; вместо дорогих ламповых со шлифованными краями купили стекла для маслянок паровых машин (?) с косыми краями. Эти стекла часто трескались и пропускали воздух. До 30% этих стекол были негодны для употребления[5]). И тем не менее стекла эти все же шли в дело.

Но и это не все. В цитированной выше заметке г. «Горный Техник» бросил в лицо администрации шахты «Иван» тяжелое обвинение. «Рабочие бегут с этой шахты-могилы, —

---

[1]) «Новое Время» № 9664 от 23 января 1913 г.
[2]) «Сын Отечества» № 103 от 16 июня 1905 г.
[3]) Цитир. по «Современному Слову» № 246 от 26 июня 1908 г.
[4]) Там же.
[5]) Корресп. «Сына Отечества», указанный выше.

писал он,—и бегут не потому, что боятся на ней работать снова. Но они уверяют (курсив всюду мой *Л. Л—н*), что в одной части шахты произошел пожар еще 15 апреля (т.-е. за 7 недель до взрыва. *Л. Л—н*). Горят колчеданистые породы. Об этом даже главная контора не знает, кроме инженера, который ею заведует. Говорят, десятники получили по десять рублей за молчание[1]).

Обвинение это осталось неопровергнутым. Но допустим, что этого факта не было. Он слишком ужасен. Но ведь и других неисправностей было достаточно, чтобы вызвать катастрофу... Можно ли говорить в таких случаях о стихийности несчастий?...

После взрыва 1908 г. была послана в Донецкий бассейн особая комиссия по изучению положения дел в газовых рудниках. И комиссия эта установила, что взрывов бывает много больше, чем принято думать. В одном только Макеевском Горном округе, охватывающем небольшой уголок Донецкого бассейна, с 1 января 1903 г. по 1 июля 1908 г. произошел 21 несчастный случай от взрыва, унесший по официальным данным 347 жизней. При этом в 15 случаях (из 21) дознанием установлена наличность вины лиц, заведывавших работами или вентиляцией, за нарушения правил вентиляции. (Курсив мой *Л. Л—н*). Что касается состояния Рыковского рудника накануне взрыва, унесшего 270 жизней, то комиссия пришла к выводу, что в отношении мер предосторожности имелись такие неисправности: «1) неправильность проветривания работ, 2) отсутствие орошения забоев, 3) неправильное снабжение рабочих предохранительными лампочками»[2]) и т. д.). Попутно было выяснено, что перед взрывом вентиляторы были остановлены для ремонта на 40 минут, что не помешало, однако, спустить людей в несомненно сугубо-опасные при отсутствии вентиляции копи. «Таким образом, — заключила дознание комиссия, — можно сказать с полной уверенностью, что условия, способствовавшие накоплению газа в некоторых выработках до опасного предела, — были». (Курсив мой. *Л. Л—н*).

Таково было заключение официальной комиссии классового буржуазно-монархического государства. Таковы были условия подземного труда на копях Донецкого бассейна вплоть до Октябрьского переворота. Ниже мы покажем, что изменилось после Октября и в этой области на копях Донбасса.

---

1) См. вышеуказанную заметку «Горного Техника».

2) «Заключения комиссий по исследованию причин катастрофы на Макарьевском (Рыковском) руднике», см. «Горно-Заводский Листок» № 129, стр. 10, 899—10. 901, за 12 ноября 1908 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БЫТ ГОРНОРАБОЧЕГО ДОНБАССА ДО ОКТЯБРЯ 1927 ГОДА.

Итак мы видели, что условия труда горняка Донбасса вплоть до Октября 1917 г. были немногим лучше труда каторжников. Правовое положение его и быт были также очень тяжелыми. Накопление рабочих кадров в Донбассе началось несколько столетий тому назад. В район Донбасса направлялись беглецы, уходившие сюда от жестоких бар-крепостников, да «приписные», перебрасывавшиеся из разных мест по определенным заданиям. Так, в 1712 г. в район нынешнего Славянска было переброшено 1.450 душ рабочих для добычи соли, а для постройки Луганского завода в 1795—1796 гг. были стянуты опытные рабочие с Липецкого и Александровского заводов и к нему были приписаны четыре казенных селенья, жители которых обязаны были обрабатывать по ревизским душам казенные подати путем извоза. Завод в их счет эти подати казне оплачивал [1]).

В 1821 г.—двадцать пять лет спустя—деревни эти были от извоза освобождены, но вместо них приписаны были к заводу две других деревни, с зачислением их в «непременные работники», со введением их «во все права, принадлежащие таким работникам по другим горным заводам, исключая изменения, какие потребуются, смотря по местным обстоятельствам Екатеринославской губернии и по различию ее климата от климата хребта Уральского».

Какие это были «права», — увидим ниже. Пока же отметим только, что 3 декабря 1827 г., в связи с выявившейся невыгодностью для казны этого способа подвоза «непременных работников», особым «высочайшим повелением» из возчиков угля превратили... в мастеровых, попутно лишив их земель и передав последние в заведывание Луганскому заводу [2]).

Таким же образом были созданы горно-заводские колонии и в Лисичанской волости Бахмутского уезда. В 1753—55 годах—на реке Северный Донец, в селе Верхнее [3]).

В тех же целях разработки угольных пластов к Лисичанску были переброшены в 1796 г. рабочие с Урала и частично из Ли-

---

[1]) «Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ.», т. III, стр. 20. Изд. Ек. губ. земства 1886 г.

[2]) Там же, т. III, стр. 21, Славяносербск. уезд.

[3]) Там же, том II, стр. 40, Бахмутский уезд.

пецка Тамбовской губернии. Число рабочих в этом районе увеличивали путем переброски партий рекрутов, водворявшихся сюда на срок службы, а также сюда присылали приговоренных к каторге преступников. Наконец и здесь, как и в Луганском районе, в 1820 г. жители хлебородных близлежащих деревень были обращены в горно-заводских крестьян, со всеми вытекавшими отсюда последствиями. От этого положения они освободились лишь после акта о раскрепощении крестьян в 1861 г.

После Крымской кампании, поведшей к сильному оживлению горно-заводской промышленности юга России, к значительному притоку в нее частно-предпринимательских капиталов—и связанному с этим железнодорожному строительству и возникновению новых рудников и заводов, — рабочий люд начали стягивать через специальных вербовщиков из полуголодных «потребительских» районов. С этого времени «рабочий вопрос», а вернее вопрос о рабочем, начинает привлекать к себе все большее и большее внимание со стороны предпринимателей юга. Беспокоил предпринимателей не недостаток в живой мускульной силе, — свободных рабочих рук было довольно много, — а отсутствие, с одной стороны, хороших кадров рабочих п о д з е м н ы х, а с другой — рабочих о с е д л ы х, прочно прикрепленных к предприятию, хорошо вышколенных и дешевых.

Оседлых рабочих в Донбассе действительно всегда было очень мало. Большинство их состояло из пришлых элементов, прибывавших из внутренних губерний к зиме и уходивших весною на полевые работы. Да и зимою, как увидим ниже, рабочий держался на руднике не более 3—4 месяцев. Это конечно мало устраивало предпринимателей, и, как только они лучше сорганизовались, — немедленно же началась кампания по закреплению на рудниках и заводах рабочих путем правительственных распоряжений.

Еще до первого с'езда горнопромышленников юга России вопрос о рабочем поднимается предпринимателями в печати. Первым выступает в 1874 г. с брошюрой «Каменный уголь и железо в России» горнопромышленник И. Ф е л ь к н е р. Причину недостатка рабочих на рудниках и заводах юга он об'ясняет чрезвычайно просто и цинично. — «Всякая логическая посылка, — говорит этот зубр от горного дела, — непременно приводит к заключению, что народ только притворяется (!) бедным, а в сущности он богат и бездействует от лени и праздности»,—а поэтому «волей-неволей заводское население должно быть водворено на юг России, по крайней мере на первое время, искусственным образом, будучи привлечено из местностей, где в рабочих чувствуется избыток, и в особенности из таких, где горное дело уже существовало давно». По мнению Фелькнера, для создания прочных кадров правительству следовало перебросить в Донбасс до 10.000 душ обоего пола, причем «не ограничиться одними законода-

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПРОФЕССУРЫ
№

тельными мерами», но и путем финансирования притти на помощь горнопромышленникам «для общего блага».[1]).

Это беспардонное и ничем не прикрытое посягательство на личность рабочего и на государственный карман в своих классовых интересах весьма характерно для российского предпринимателя. Дальше мы не раз еще встретимся с аналогичными притязаниями, хотя и не в такой оголенной и бесстыдной форме. Позже русские предприниматели научились прикрывать свои требования каким-нибудь фиговым листочком.

Первый с'езд горнопромышленников юга России состоялся осенью 1874 года, и вопрос о привлечении на копи и заводы рабочих занял на нем очень большое место. В процессе разработки вопроса было установлено, что недостаток в рабочих руках летом об'ясняется главным образом малонаселенностью края и что единственно правильным способом разрешения вопроса было бы заселение как свободных казенных, так и частновладельческих земель народом из внутренних губерний. С таким ходатайством с'езд и обратился к правительству, но удовлетворения в желаемом смысле не получил. Предпринимательские аппетиты на частновладельческие земли пришлись не по вкусу владевшему землей дворянству. В связи с этим вопрос временно был снят с обсуждения. Ни на II, ни на III, ни на IV с'ездах к нему не возвращались, и только на V с'езде, совпавшем с началом сильного оживления в промышленности и в железнодорожном строительстве, вопрос о рабочих руках выплыл снова.

Наученные первой неудачей, горнопромышленники «пересмотрели» постановление I с'езда. Установив путем особой комиссии «излишество подробностей», допущенное в заявках I с'езда, они переработали прошлый проект, сведя его к следующим семи пунктам: 1) чтобы в тех пунктах, где разовьется каменноугольная и горно-заводская промышленность и будет чувствоваться недостаток рук, дозволено было пришлым рабочим селиться на свободных государственных или войсковых землях, на условиях, какие правительство признает удобными; 2) чтобы частным владельцам предоставлено было заселять свои земли жителями из внутренних губерний России или даже иностранцами; в последнем случае — 3) чтобы желающие переселиться могли это делать без разрешения местных сельских обществ на основаниях, допущенных для поземельного устройства государственных крестьян западных губерний по высочайше утвержденному указу 26 мая 1867 года; 4) чтобы в течение первых пяти лет переселенцы не отчислялись бы от обществ, к которым принадлежали прежде; 5) чтобы земельный надел их на каждого полного рабочего не был менее 1457 кв. метров для выгона; 6) чтобы выкуп земли, постипившей в надел, был рассрочен не менее чем на 30 лет; 7) чтобы все осталь-

---

[1]) С. А. Анский. «Очерк каменноугольной промышленности на юге России» «Русское Богатство», январь 1892 г., стр. 9—10.

ные условия между поселенцами и владельцами земель, рудников и заводов определялись особыми контрактами, которые до совершения нотариальным порядком, проходили бы через контроль окружных инженеров и местных уездных и губернских по крестьянским делам присутствий [1]).

Но и этот проект, обошедший деликатно вопрос о дворянских землях, не прошел. Царское правительство отвергло его под благовидным предлогом «недостаточной разработанности». Однако, вторичный отказ не обескружил дельцов юга. Шестой с'езд, после горячего обмена мнений, снова сдал проект в переработку особой комиссии, которая и преподнесла его снова в слегка переработанном виде, с добавлением § 8 о воспрещении торговли в горных поселениях спиртными напитками во всех видах, и § 9, — гласящего, что «переселенцы обязуются в течение первых пяти лет служить на местах их нового жительства у владельца, их переселившего, по цене, определенной условиями (!); если же кто из них пожелает оставить новое местожительство, то обязан платить в течение пяти лет удвоенную (!) выкупную плату или же вместо себя найти другого, который принял бы на себя его права и обязанности с согласия владельца-переселителя, сам же он или возвращается снова на место своего прежнего жительства или поселяется в другом горном поселении. В этих случаях отчисление от прежних обществ должно быть по возможности облегчено».

За этим цинично-кабальным, ограждающим интересы землевладельцев, параграфом следуют §§ 10—11—12, дающие право закабаленному рабочему уплатить выкуп «из заработка по шахте» в срок меньший чем 30 лет—с правом работать на других предприятиях по истечении 5 лет платежа. Далее идет § 13, гласящий: «если владелец прекратит работы ранее пяти лет, то он не может претендовать, если его рабочие пойдут работать на другие копи (!!) и раньше года со времени закрытия копей не может требовать их с места новых работ. Но рабочие не освобождаются от взноса выкупа. На случай временной остановки работ на рудниках и копях должны быть выработаны при договорах особые правила» [2]).

Цинизм «проекта» был так велик, что не выдержал даже один из промышленников, подавший специальную записку. «Может ли согласиться на переселение правительство, — сказал этот либеральный промышленник, — когда в этом переселении видна только одна цель — дать промышленникам рабочих и не дать последним никаких гарантий к их благосостоянию и к их постоянному заработку, причем в то же время они попадают в те же безземельные условия, ради которых они решились покинуть свои родные места».

---

[1]) Там же, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 13.

Этот промышленник выдвинул со своей стороны предложение ходатайствовать о переброске в Донбасс кадров арестантов, которые работали бы по особому соглашению с владельцами копей, на основах особо выработанных правил.

Правительство и на этот раз не удовлетворило ходатайства промышленников, и вопрос о привлечении дешевой и покорной рабочей силы явился предметом обсуждения и последующих с'ездов.

На XIII с'езде в 1888 г. обсуждался проект найма рабочих инженера Таскина; в следующем, 1899 г., на XIV с'езде дебатируется проект Баталина, предлагающего открыть контору по вербовке рабочих в Москве, с доставкой оттуда рабочих путем отобрания у них и пересылки на копи паспортов. Наконец десять лет спустя, в 1899 году, с'езд возбуждает пред правительством ходатайство об открытии специальной конторы по найму рабочих в Харькове. На этот раз интересы землевладельцев затронуты не были, разрешение было дано, причем посетивший Харьков министр финансов—статс-секретарь С. Ю. Витте — порекомендовал совету с'ездов «для более плодотворной деятельности конторы» организовать ее в виде особого комитета — под председательством Харьковского губернатора и с участием... представителей других ведомств. По мнению Витте, «такая организация конторы найма способствовала бы большей ее авторитетности, придала бы больше значения ее действиям и обеспечила бы наибольшую ее полезность в видах упорядочения рабочего вопроса (!)» [1]).

Я не буду останавливаться на дальнейшей истории «вербовки» рабочих. Более или менее удачно для себя горно-заводские промышленники юга вопрос этот разрешили. Одни — путем посылок «вербовщиков» на места, другие (как Горловские копи, например) — путем отстройки горнорабочим мазанок-землянок с передачей их в собственность рабочих за небольшой выкуп, третьи — через привлечение мелких подрядчиков, прибывавших со своими артелями, обсасываемыми затем, как обсасывает паук попавшую в сеть муху. В конечном счете кадры горнорабочих к началу XIX века в Донбассе были укомплектованы. По данным Совета с'ездов промышленности, рабочих в Донбассе числилось:

В 1905 г., считая копи и заводы	159.613 чел.
» 1909 »	205.871 »
» 1910 »[2])	201.388 »

Если учесть, что по всей стране в те же годы в аналогичных отраслях промышленности числилось: в 1905 г.—546.381 чел., 1909 г. — 601.023 чел., 1910 г. — 591.173 чел., то станет ясно, что

---

[1]) Г. И. фон-Дитмар. «К вопросу о недостатке рабочих на каменноугольных копях в Донбассе в 1899 г.». Опыт исследован. Харьков, 1899 г.

[2]) «Статистический Ежегодник Совета с'ездов» на 1914 г., стр. 781. Думаю, что цифры здесь несколько преуменьшены, ибо по данным тов. Сарабьянова они должны быть значительно выше.

не менее $^1/_3$ горно-заводского пролетариата ютилось на рудниках и чугуно-литейных и рельсопрокатных заводах юга. В это число не входят рабочие химической промышленности и целого ряда производств, не охватываемых горно-заводской статистикой. А меж тем в Донбассе было не мало заводиков и заводов такого типа; было много мельниц паровых и вальцовых; масса перекрещивающихся железных дорог, железнодорожных депо и мастерских, типографий, кирпичных заводов и заводиков, известково-обжигательных печей и т. д. и т. д. Повсюду из года в год увеличивалось число рабочих рук и в одной только рудничной промышленности, — не считая заводской, — мы имеем такие цифры:

На рудниках в 1910 г. в среднем в месяц работали 175.000 ч., в 1913 г.—168.441 ч., в 1916 г.—237.000 ч., в 1917 г. [1]) — 265.366 ч.

На заводах же, по данным тов. Сарабьянова, работали: в 1912 г. 79.112 ч. [2]), в 1916 г. — 137.038 ч., что вместе с горнорабочими для 1916 г. дает около 375.000 чел...

* * *

Теперь посмотрим, к а к ж и л и на рудниках и заводах рабочие до Октябрьского переворота.

В самом начале XIX века правительство, как мы видели, стремилось производить работы при помощи приписных крестьян, превращавшихся постепенно в мастеровых «с женами и детьми». В этот период намечались две группы рабочих, резко различных по своему благосостоянию. Это — м а с т е р о в ы е и у р о ч н и к и. Первые получали помесячное жалование, работали в мастерских заводов, и дети их с 18 лет получали звание мастерового, приносили присягу и зачислялись на государственную службу. Службу эту они несли до 60 лет, после чего исключались из списков мастеровых. В уплату за свой труд получали они с 18 до 60 лет по два гектара пахотной земли и по 32 килограмма провианта в месяц. Кроме того на ребенка мужского пола до 18 лет выдавалось по 16 килограммов провианта и по 49 коп. ассигнациями. Вторая категория,—урочников — выполняла работы по заданиям: возка угля, рубка и доставка леса, косьба сена для нужд заводов и копей. За это они имели по 33 гектара земли на душу и были значительно зажиточнее мастеровых.

Несколько позже условия оплаты мастеровых были изменены: им начали давать по 16 килограммов провианта и на малолетних женского пола. За эту плату мастеровой работал... с 4 час. утра до 12 час. дня и с 1 час. дня до 6 час. вечера, — т.-е. 13 ч а с о в в с у т к и.

На таких условиях работали мастеровые почти вплоть до освобождения крестьян. К этому времени, впрочем, условия снова

---

[1]) См. «Горно-Заводское Дело» № 30—31 от 21 августа 1917 г., см. также «Народное Хозяйство», № 2 за апрель 1918 г.

[2]) В. Н. С а р а б ь я н о в, «Металлопромышленность России». ГИЗ, М. 1921 г.

изменились. Провиант перестали выдавать рабочим, а начали платить деньгами, причем чернорабочий получал 60 коп. в день ассигнациями, мастера первой руки — 3 руб. в день, подмастерья — 1 р. 50 к. в день. Срок службы определялся в 40 лет, после чего давалась отставка. Земли на рабочую душу давали по два гектара [1])...

У нас нет данных для оценки стоимости «провианта», выдававшегося мастеровым вплоть до перехода к оплате деньгами труда мастерового. Но о величине заработка ко времени освобождения крестьян мы судить можем. Если взять за норму 25 дней в месяц—норма, едва ли выполнимая в среднем при 13-часовом рабочем дне, то мы получим:

Чернорабочий	25 дней по	60 к.	15 р. — коп.	в месяц.
Подмастерье	25 »	» 1 р. 50 к.	37 » 50 »	»
Мастер	25 »	» 3 » — »	75 » — »	»

Для мастера и подмастерья заработки, казалось бы, приличные. Но если сопоставить эти заработки с ценами на припасы в заводских магазинах, то картина значительно изменится.

Цены на рынках стояли высокие. А в магазинах заводов, где рабочих принуждали получать припасы, — эти цены были и того выше. Вот сводка средних цен в магазине и на рынке для 1860 года:

Мука пшеничная в лавке	4,9 к. за *кг*,	на базаре
Пшено	64 » » » »	» 62,2 к.
Крупа гречневая	55,5 » » » »	» 54,3 »
Говядина	8,5 » » » »	» — »
Рыба низшего сорта	25,6 » » » »	» — »
Масло конопляное	10,7 » » » »	» — »
Картофель четверть	— » » » »	» — »

Теперь посмотрим, в какой мере при этих ценах могли соблюдаться нормы питания здорового человека, занятого тяжелым физическим трудом.

Ежедневный расход человеческого организма в среднем равен 2.818 *г* воды, 281 *г* углерода, 39 *г* водорода, 18,8 *г* азота, 944,8 *г* кислорода и 32 *г* солей, причем 32% этих трат приходится на дыхание, 17% — на кожные выделения, 46,5% — на мочевые и 4,5—на каловые испражнения. Для поддержания организма необходимо постоянно возмещать израсходованное количество питательных веществ, а для этого при тяжелом, напряженном труде, каким можно считать труд горнорабочего, профессор Фойт считает необходимым ежедневно вводить 145 граммов белков, 100 *г* жиров и 447 *г* углеводов смешанной пищи. Это — минимум. При этом профессор Фойт требует, чтобы взрослый человек с'едал ежедневно не менее 230 *г* сырого мяса (конечно, в вареном или жареном виде), идущего главным образом на по-

[1]) Сборник Екатеринославской губ., т. III, стр. 23.

полнение израсходованных белков. Пища взрослой рабочей женщины, как утверждает Фойт, равна $^4/_5$ нормы питания мужчины рабочего. (Последнее, впрочем, позднейшими исследованиями опровергается, и при подсчетах норма на взрослую женщину, занятую тяжелым физическим трудом, принимается равной норме взрослого мужчины).

По более поздним исследованиям при тяжелом физическом труде, требующем значительной затраты сил, необходимо ежедневное пополнение их в пределах свыше 4.000 калорий. При этом в пайке должно быть определенное соотношение между основными питательными веществами, т.-е. белками, жирами и углеводами. Словцов для пайка взрослого человека со средним питанием дает такие соотношения: количество калорий, доставляемых белками, — 16,7, жирами — 16,3, углеводами — 66,9; при приведении их к процентным отношениям получим: белков — 18,4%, жиров — 7,3%, углеводов — 74,3% [1]).

Если принять расчеты проф. Фойта, то каждый взрослый рабочий при правильном питании должен поглощать следующее количество пищевых продуктов [2]):

Ежедневно	Количество в *г*	Цена за *кг* [3])	Сумма	Примечание
Хлеба	426,0	7,5	3,12	Цены взяты средние для 1860 г.
Мяса	213,0	8,75	1,75	
Муки	106,5	5,0	0,50	
Сала	21,3	20,0	0,40	
Картофеля	106,5	1,37	0,14	
Молока 0,25 *л*	—	—	1,50	
Масла	42,6	27,5	0,55	
Сахара	21,3	45,0	0,93	
Итого	—	—	8,90	
	Вкусовых веществ			
Соли	21,3	—	0,15	17,15
Кофе	12,6	—	5	
Пряностей	—	—	3	
Водки	—	—	5	
Табаку, бум., спичек	—	—	4	
Всего	—	—	26,05	

[1]) Д-р А. А. Адамов. «Данные обследования питания рабочих каменноугольных рудников Донбасса», см. «Гигиена Труда» № 6 за 1927 г., стр. 71.
[2]) Вурм. «Жизнь немецких рабочих», изд. т-ва «Знание», СПБ, 1899 г.
[3]) Сборник по Екатеринославской губ., т. I и II.

Итак, исходя при подсчете из средних цен на припасы для 1860 г., мы получим, что рабочий, несущий тяжелый физический труд, должен был израсходовать на одного себя (30 × 26,9) — 8 руб. 07 коп. в месяц, что для чернорабочего составляло свыше 50% его месячного заработка. Далее Фойт считает необходимым для каждого рабочего израсходовать в течение года на одежду и обувь 45 руб. Мы снизим эту цифру до 36 руб., т.-е. до 3 рублей в месяц,—меньше этой суммы израсходовать почти немыслимо, так как одежда,—а особенно обувь,—изнашивается в шахтах чрезвычайно быстро. Если к этому мы прибавим еще 2 руб.—2 р. 50 к. в месяц расхода на изнашивание инструментов, на освещение лампами шахты, на непредвиденные расходы, на развлечения, — то в результате получим, что одинокий рабочий шахтер должен был израсходовать в шестидесятых годах прошлого века:

На пищу	7 р. 82 к.
На одежду	3 » — »
Инструменты освещение и пр.	2 » — »
Итого . . .	13 р. 32 к.,

что для рядового рабочего, получавшего в среднем 15 руб. в месяц, составляло почти 89% месячного его заработка, а для высококвалифицированных (незначительного меньшинства) — мастеровых — при их 37 руб. 50 коп. месячного оклада — 35,5%.

Внешне как будто бы все обстояло благополучно. Рабочий зарабатывал столько, что мог быть сыт. Однако более тщательный анализ сразу сводит на-нет это кажущееся благополучие. Начать хотя бы с того, что горнорабочий, закабаленный и безгласный, не мог извернуться без штрафа. Штраф был неизбежен; штрафовали «за невыход», за «несвоевременный» выход, за «неподчинение», за неисполнение распоряжений и т. д. Штрафовали по каждому поводу и без повода, кладя «штрафные» в карман. Эта система применялась и позже, даже тогда, когда законом штрафные суммы шли не в карман предпринимателя, а в так называемый «штрафной капитал». Понижали заработную плату и «невыходы» на работу, ибо при 13-часовом ежедневном труде рабочий не мог не «перегулять» 1—2 дня в месяц. А затем из своего скудного заработка большинство рабочих должны были содержать семью или же посылать деньги в деревню, где голодала оставшаяся «на хозяйстве» жена.

Таковы были условия существования шахтера Донбасса в шестидесятых годах прошлого столетия.

С освобождением крестьян горно-заводская промышленность начала сильно развиваться. Особенно развилось угольное дело, Так, вывоз по железным дорогам с 1879 г. характеризуется следующими цифрами:

1879/80 г.	21.318 вагонов
1880/81 »	26.803 »
1881/82 »	51.916 »

1882/83 г.	46.678 вагонов
1883/84 »	46.302 »
1884/85 »	42.539 »

К этому времени большинство предприятий уже было частно-капиталистическим. В одном только бывшем Славяносербском уезде в 1886 г. принадлежало горнопромышленникам-капиталистам 26 рудников, из которых 17 было паровых, при глубине шахт до 100 метров по вертикали. Паровые машины на этих копях оценивались в 85.964 руб. В Бахмутском уезде к тому же времени (к 1884 г.) имелось 23 рудника, из которых более половины было оборудовано паром.

У нас нет данных о работах рудников бывшего Славяносербского уезда, но мы имеем сведения о том, как шли добыча и вывоз угля в бывшем Бахмутском уезде [1]).

Годы	Добыто тонн	Продано и вывез. тонн
1881	449.382	288.247
1882	498.704	309.591
1883	449.972	304.481
1884	567.814	397.162

Не меньшие успехи в своем развитии сделала и металлургия. К началу девяностых годов на юге России на чугуно-литейных заводах было добыто железной руды [2]):

В 1870 г.	21.295 *m*
» 1875 »	36.037 »
» 1880 »	44.227 »
» 1885 »	117.940 »

В то же время было проплавлено чугуна [3]):

В 1870 г.	5.766 *m*
» 1880 »	20.803 »
» 1885 »	36.741 »

причем в 1885 г. было выработано на южных заводах полупродукта из железа и стали 55.038 тонн, а готового продукта и стали — 35.054 тонны.

Естественно, что при такой значительной для того времени работе вокруг этих предприятий неизбежно должны были группироваться крупные кадры пролетариата. И действительно,

---

1) Там же, стр. 255.
2) «Статистический Ежегодник» на 1914 г., стр. 165.
3) Там же, стр. 192—194. См. также назв. соч. В. Сарабьянова, стр. 10.

в 1885 г. при общей добыче в 390 с лишком тысяч тонн угля имелось, по данным статистики того времени, в одном только Славяносербском уезде Донецкой губ. два акционерных общества и 4 товарищества на вере, семь компаний и одиннадцать владельцев копей, на предприятиях которых работали 2.264 чел. рабочих-мужчин, 598 женщин и 755 чел. административного персонала. В Бахмутском уезде к тому же времени на шахтах, заводах, каменоломнях и т. д. жило 9.713 семей, с общим числом мужчин и женщин в 39.114 чел., из которых работали 11.921 чел., причем в одном только Юзовском поселке в 1884 г., по данным подворной переписи, проживало 5.494 чел. Все это рабочее население ютилось, как мы увидим ниже, в отвратительных антисанитарных балаганах, большею частью в землянках, перебиваясь с хлеба на воду, ибо рабочие руки оплачивались в 1870—85 годах из рук вон плохо. Работы велись на заводах и копях либо от подрядчика, либо поартельно, либо от конторы.

Чтобы судить о заработках различных категорий рабочих в это время, приведем следующие данные.

Семиреченский рудник. Славяносербский уезд — в 1885 г. От подрядчика работают 20 чел. В среднем месячный заработок артели — 654 руб. Из них подрядчик получает в свою пользу 216 руб., а артель — 438 руб., что составляет по 21 руб. 90 коп. на чел. В тот же период на ряде смежных рудников нанятые от конторы 32 артели, об'единявшие 809 чел., зарабатывали по 9.016 руб. в месяц, что составляло по 22 р. 57 к. на брата, а 262 чел., нанятых от конторы вне артелей,—5.985 руб., или 22 р. 85 коп. на чел. [1]). Там же рабочие поверхностные получали: кочегары от 10 до 20 руб. в месяц, молотобойцы от 15 до 20 руб. в месяц, плотники от 70 к. до 1 р. 40 к. в день, кузнецы от 17 до 35 руб. в месяц [2]).

На следующей группе в 12 рудников работала 31 артель с 798 рабочими. Общий месячный заработок равнялся 17.562 руб. в месяц, что составляло 22 руб. в месяц на 1 рабочего, и 271 чел. конторских (на 4 рудниках), зарабатывавших 5.779 руб., что составляло 21 руб. на человека в месяц.

Затем на 8 рудниках 262 чел. подрядческих рабочих зарабатывали в месяц 5.985 руб., или 23 руб. на человека. Какую долю этих денег клал подрядчик себе в карман, — статистикам узнать не удалось.

Аналогичная картина наблюдалась и на копях Бахмутского уезда. Дабы дать полное представление о заработках рабочих того времени, я привожу ниже результаты обследования 1.554 семей горнорабочих и 157 семей механиков и плотников.

---

[1]) Сборник по Екатеринославской губ., т. III, стр. 325.
[2]) Там же, стр. 356.

Категории	Семей	В них		Общий заработ. в год	На душу раб. в год	На душу в средн. всего на единицу в год (в рубл.)
		Трудящ.	Душ	(в рублях)		
Глеевщики		19		3.012	159	
Саночники		206		40.580	197	
Верховые и пр.		161		33.908	211	
Молотобойцы		11		2.476	225	
Вагонщики	1.554	272	3.039	61.806	227	136
Стволовые		50		11.466	229	
Крепильщ. и бутчики		78		17.855	229	
Кочегары		29		6.677	230	
Забойщики		940		235.549	251	
Итого	—	1.766	—	413.329	234	—

Таким образом на 1.766 чел. работающих приходилось 3.039 едоков, а из общего заработка, колеблющегося от 159 до 251 руб. в год,—на едока приходилось 136 руб., т.-е. менее 12 рублей в месяц. Средняя же на рабочего 234 руб. в год, или 19 р. 50 к. в месяц [1]). Какова реальная ценность этих заработков, мы увидим ниже.

Заработок обследованных 157 квалифицированных поверхностных рабочих плотников, слесарей, кузнецов и машинистов несколько выше:

Плотники	81 чел.	заработ. в год	23.431 р.,	или 289 р.	на чел.
Слесаря	20 »	» »	7.038 »	» 352 »	» »
Кузнецы	23 »	» »	8.115 »	» 353 »	» »
Машинисты	33 »	» »	12.721 »	» 386 »	» »
В общем	157 чел.	заработ. в год	51.305 р.,	или 327 р.	на чел.

Эти категории рабочих вместе с семьями составляли 411 чел., и заработок их в среднем на едока равнялся 125 руб. в год, или 10 с чем-то рублей в месяц...

Но и эти жалкие заработки рабочие не получали своевременно. Хотя предприниматели и обязаны были платить ежемесячно, но конторы задерживали уплату денег, пользуясь таким образом беспроцентным кредитом.

В этом отношении произвол в 1884/85 г. был абсолютный. Так, на крупном по тому времени Голубковском руднике контора была должна:

Артели Новикова	в 12 чел.	1.500 р.	за 5 мес.,	или 125 р.	на чел.
» Макушина	» 25 »	2.580 »	» 6 »	» 103 »	» »
» Колосова	» 30 »	1.800 »	» 4 »	» 60 »	» »

[1]) Там же, том II, стр. 316.
[1]) Там же, том II, стр. 375.

В общей сложности контора должна была 8 артелям в 196 чел. 20.200 руб., т.-е. не платила по пять месяцев, пользуясь таким образом пятимесячным беспроцентным кредитом [1]). Это явление было нормальным для промышленности того времени.

Такая задержка в выплате заработной платы крайне тяжело отражалась на рабочих. Во-первых, они всегда были закабалены хозяином и, во-вторых, они неизбежно принуждены были кредитоваться в хозяйских лавках, т.-е. должны были переплачивать значительные суммы и получать недоброкачественные припасы.

На том же Голубовском руднике цены на припасы были следующие:

Пшен. мука	8,9 к.	за *кг*,	на базаре	—	7,3 к.
Ржаная »	7,4 »	»	»	»	4,5 »
Крупа	10,9 »	»	»	»	9,0 »
Масло подсолнечное	50,0 »	»	»	»	45,0 »
Соль	2,4 »	»	»	»	1,2 »
Сахар	45,0 »	»	»	»	37,5 »

Итак, переплата на припасах составляла порой (соль) до 100%. Притом же рабочим сбывали всякую гадость. Так, на руднике Крамарева вместо солонины (баранины) рабочие обнаружили в кадке посоленое собачье мясо (!). Был составлен протокол, результатов, конечно, не давший [2]).

Впрочем, и в чужих магазинах шахтовладельцы ухитрялись получать свою долю. Обычно, если на руднике предприниматель не имел своего магазина, то входил в сделку с торговцем ближайшего района. Рабочим в счет заработка выдавались «ордера» на данный магазин, где рабочий принужден был волей-неволей брать весь нужный ему товар. В результате вместо доброкачественных припасов горнорабочий получал всякую дрянь, шахтовладельцу же торговец отчислял от 10 до 15% с полученных по ордерам сумм. Часто случалось, что для реализации ордеров в наличные деньги горнорабочий продавал ордер лавочнику за 75—80% его стоимости, что снижало реальную заработную плату шахтера.

Таковы были заработки на промыслах Донбасса в средине девяностых годов прошлого века. Как видим, они мало отличались от заработков шахтера шестидесятых годов.

Как питались рабочие в те времена? Вот ряд бюджетов того времени:

Артель в 30 человек	Расход в месяц
Муки пшеничн.—1.146,6 *кг*	101 р. 50 к.
Говядины—819 *кг*	120 » — »
Капусты—368,6 »	9 » 60 »
Пшена, крупы, сала—не употребляется.	
Ржаная мука для кваса—65,5 *кг*	4 » 60 »
Освещение шахтное—245,7 *кг*	102 » — »
Кухарка	8 » — »
Два помощника	8 » — »
Итого...	353 р. 70 к. [3])

[1]) Там же, том II, стр. 375.
[2]) Там же, т. III, стр. 381.
[3]) Там же, т. III, стр. 380.

Таким образом в среднем на человека расходовалось 11 р. 79 к. в месяц.

Если учесть, что средний месячный заработок рабочего за год, как мы видели выше, равнялся 19 р. 50 к. и что он редко превышал 22—23 руб., то это значит, что рабочий проедал свыше половины заработка, сидя на полуголодном пайке. Ибо паек этот, конечно, полуголодный, так как в него не входят жировые вещества и сахар.

Но вот добавочный бюджет, взятый по той же артели. Четыре брата Семины. На родине — семьи, в общей сложности 13 душ. В апреле месяце издержали на себя:

Табак	1 р. 20 к.
Чай	1 » 80 »
4,9 *кг* сахара	2 » 16 »
4 п. поршней	3 » 40 »
Водка	8 » — »
Итого	16 р. 56 к.

Здесь расход составляет по 4 р. 14 к. на брата. В общем же содержание в артели обошлось (11 р. 79 к. + 4 р. 14 к.) 15 р. 93 к. на человека. К пасхе ухитрились послать на родину по 7 руб. на семью.

Рабочий Косихин, кроме расхода по артели в 11 р. 79 к., расходует: на табак — 30 коп., на водку и «холостые расходы» — от 6 до 12 руб., на чай-сахар — 1 руб.

А вот бюджет второй артели, состоявшей из 26 чел., соседнего района (район Юзовки): за месяц артель забрала из конторского склада припасов, керосину и одежды на 232 р. 06 к., т.-е. израсходовала по 8 р. 93 к. на человека. Содержание в артели, на основании действительных записей, — при невключении в бюджет ни шахтного освещения, ни чая, ни сахара, ни поршней,—обошлось на человека:

Муки пшеничн. по 28,7 *кг*	2 р. 63 к.
Муки для пирогов, лапши и пр. 8,2 *кг*	1 » 20 »
Крупы гречн., пшена 7,4 *кг*	— 70 »
Масла конопл., сала 820 *г*	— 50 »
Соли	— 10 »
Мяса в месяц 4,9 *кг*	— 84 »
Картофеля, зелени, приварка	— 50 »
Воды (за доставку ее в м-ц)	— 30 »
Итого	6 р. 77 к.
Жалованье и содержание стряпухе	1 » 43 »
Всего	8 р. 20 к.

Если прибавить сюда расходы на чай и сахар, мыло и поршни, табак, водку и осветительный материал для работы в шахте, то и в этой артели расход почти сполна покроет весь месячный

заработок. Для отсылки домой, на платье, на обувь почти ничего не остается.

Еще меньше остается семье в случае ранения рабочего. А мы видели, что в течение года ранению подвержен в копях каждый третий рабочий. В случае же смерти от увечья семьи получали суммы, которых, пожалуй, могло хватить разве только на дорогу до дома... В таких случаях выдавалось 50—100 руб. за человека в виде единовременного пособия. Так, в 1884 г. некая Мария Тесленкова, оставшись вдовою с тремя малолетними детьми после смерти мужа, убитого на заводе Юза машиною, — получила единовременное пособие в размере 50 рублей [1]).

Таковы были условия труда пролетариата в Донбассе к средине девяностых годов XIX века.

Для большей яркости их, впрочем, к ним можно прибавить еще пару штрихов. Эти два штриха — кабаки и штрафы. Кабаков в Донбассе в те времена насчитывалось в 5—6 раз больше, чем рудников. «Есть рудники, — писал в 1888 г. горнопромышленник Авдаков, — кои буквально окружены кабаками. Кабаки разбросаны по степям, балкам и оврагам». Кабаки содержали все, включительно до окрестных помещиков-землевладельцев, которые «считали своим долгом (!) держать кабаки». Кабатчики открывали рабочим кредит, спаивали их, всячески высасывали все, вплоть до последнего гроша, и наживали огромные деньги. В Юзовке один кабатчик продавал в год 12.500 литров водки, другой — до 125 литров в неделю, третий — до 11.000 литров в год. Торговля водкой была столь прибыльной, что ею занимались и некоторые углепромышленники, открывая свои кабаки [2]).

А штрафы! Под каким соусом они только ни взимались в девяностых годах прошлого века! Так, обследование, произведенное министерством внутренних дел в мае 1887 г., установило, например, что администрация не оплачивала тех вагончиков, из которых при под'еме осыпался уголь. А уголь при наклонных шахтах осыпался неизбежно довольно часто. Если с углем попадалась «пустая порода», — работавший штрафовался на 3 руб. За воду контора удерживала 50 коп. в месяц и за отопление — 25 коп. в месяц с человека, а в то же время с каждой сотни добытых вагонеток сбрасывались три вагонетки бесплатно на отопление котлов и жилищ рабочих. «Очевидно, — отмечало министерство, — что при существовании таких условий труда рабочие лишаются фактически всякого заработка, и действительно, дознание указывает случаи получения рабочими при окончательном расчете нескольких копеек». И более того: «бывали случаи

---

[1]) Сборник, том II, стр. 236.

[2]) «Записка» Авдакова в «Горно-Заводском Листке» за 1888 г. № 19, Также «Листок» за 1890 № 8, Сборник статистич. сведений по Екат. губ. Бахмутск. уезду, стр. 248—249. Цитирую по книге М. Балабанова «Очерки по истории рабочего класса в России», ч. II, стр. 141. Изд. Сорабкопа, Киев, 1924 г.

на некоторых копях, что подрядчик давал рабочим непосильную работу, наносил побои плетями за невыполненные уроки и ставил в счет только половину добытого угля, а на копях одного владельца притеснения доходили до того, что по распоряжению конторы были сломаны печи в помещениях рабочих, чтобы принудить их брать хлеб из конторской лавки» [1]). Впрочем, и со штрафами и со многим из рассказанного мы столкнемся еще и в более позднее время на копях Донбасса.

В силу отсутствия капитальных работ по этому вопросу, в дальнейшем нам придется исходить только из случайных заметок и незначительных обследований, охватывавших небольшое число рабочих. Но и эти частичные исследования дают вполне ясную картину.

Любопытно, что к началу XX века заработки горнорабочих мало чем отличались от заработков 1884—1885 гг. Разница была только в том, что рабочий день был понижен с 13 до 12—$11^1/_2$ часов в сутки.

В 1905 году я опубликовал материалы, относящиеся к 1901 году, собранные на крупных рудниках Алексеевского горнопромышленного общества, — а именно на Кальмиус-Богодуховских копях, — где работало до 1.200 чел. рабочих [2]). За отсутствием других данных, к ним мы и обратимся ниже...

«Заработки горнорабочего Донецкого бассейна очень невелики, — писал я осенью 1904 года, — и, как видно из прилагаемой таблицы, по своей величине распадаются на две части: большую с 1 мая по 1 ноября, дающую в среднем 1 р. 08 к. в день взрослому рабочему и 63 к. подростку, и меньшую,—с 1 ноября по 1 мая, равняющуюся 98 коп. в день для взрослого и 57 коп.— для подростка.

	Профессия	С 1/V по 1/XI		С 1/XI по 1/V		Примечание
		Зар. пл.	Средн.	Средн.	Зар. пл.	
Взрослые	Коногон	1 р. 20 к.	1 р. 08 к.	98 к.	1 р. 10 к.	В 6 зимних месяц. зарплата понижена на 10%
	Дорожный	1 » 20 »			1 » 05 »	
	Крепильщик	1 » 20 »			1 » 00 »	
	Стволовой	1 » 10 »			1 » 10 »	
	Плитовой	90 »			85 »	
	Вагонщик	90 »			80 »	
Подростки	Дверовой	70 »	63 »	57 »	60 »	
	Тормозной	60 »			55 »	
	Лаптенос	60 »			55 »	

[1]) Архив бывш. госуд. совета 1891 г., дело № 99. Цитир. по указ. работе М. Балабанова, стр. 142.

[2]) Л. А. Либерман. «Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне». См. «Вестн. фабр. закон. и проф. инст.». Январь 1905 г., стр. 1—28.

Принято считать, что горнорабочий в среднем делает 24 «упряжки» — рабочих дня — в месяц. Но на деле эта цифра оказывается преувеличенной. Из имеющихся данных видно, что за октябрь 1901 года 194 рабочих, работавших целый месяц, сделали 4.510 «упряжек», или в среднем 23,2 рабочих дня на человека, а в январе 1902 г. 182 рабочих сделали уже только 4.058 «упряжек», т.-е. 22,3 упряжки на человека в месяц. Надо заметить, что в этих двух месяцах праздников сравнительно немного (в указанном году — 5 дней, считая и воскресенья) и все же среднее дает лишь 22,75 дня на чел. Если же высчитать все годовые праздники, как пасха, рождество, масляница и т. д.[1]), то число рабочих дней еще сократится, дойдя в среднем до 22,5 дня в месяц, а месячный доход взрослого рабочего, исключая «забойщиков», получавших сдельную плату, — выразится таким образом в $22{,}5 \times \frac{1\text{ р. }08\text{ к.} + 98}{2} = 23$ р. 17 к., при условии, что человек в течение года ни одного рабочего дня не проболеет и не получит ни одного штрафа, что при рудничных порядках (особенно последнее) почти невозможно»...

Таков был месячный бюджет взрослого рабочего в 1901 и 1902 годах на копях Донбасса. Мы видим, что он почти ничем не отличался от среднего месячного заработка горнорабочего конца XIX века. Посмотрим, насколько заработок этот обеспечивал рабочего.

Перед нами месячный бюджет рабочей артели в 14 человек, работавшей на руднике в период его обследования. Вот из каких цифр он слагался:

Хлеба 491 *кг*	40 р. 50 к.
Мяса	28 » 80 »
Молока 6 литров	4 » 50 »
Масло подсолнечное	2 » 89 »
Картофель 245,7 *кг*	6 » 75 »
Капуста 40,95 *кг*	2 » 50 »
Огурцы	2 » 25 »
Чай	3 » 00 »
Сахар	4 » 35 »
Вкусовых веществ	— » 85 »
Водка	7 » 50 »
Вода	1 » 50 »
Мыло	1 » 17 »
Керосин	— » 80 »
Табак	5 » 20 »
Уголь (подвозка)	— » 50 »
Плата артельщику $14 \times 50 =$	7 » 00 »
Плата кухарке	10 » 50 »
Всего . . .	130 р. 50 к.

[1]) По рабочим расчетным книжкам дореволюционного времени всех праздничных дней—годовых и воскресных—числилось 95.

Или стоимость жизни каждого члена артели обходилась в месяц:

Пищевые продукты	$\frac{130 \text{ р. } 56 \text{ к.}}{14} =$	9 р. 33 к.
Одежда		3 » — » [1]
Мелкие расходы		3 » — »
	Всего...	15 р. 33 к.

При заработке в 23 р. 17 к. получалось 7 р. 84 к. чистого остатка. Наличие такого остатка, повидимому, и давало основание рвачам-горнопромышленникам утверждать, что горнорабочему Донбасса хорошо живется. Но чтобы сделать такой вывод, нужно забыть, конечно, что у «одинокого» горнорабочего имеется на родине семья, которую взять на рудник он не может в силу своей полной необеспеченности, в силу невозможности просуществовать на руднике с семьею.

В самом деле. Если мы примем, что минимальный расход горнорабочего того времени составлял 12 р. 33 к. (3 руб. на непредвиденные расходы и развлечения отбросим), а рабочая семья состояла из 3 человек (мужа, жены и двух детей, принимаемых при подсчете за одного взрослого в смысле расходов на их питание), то для прокормления этой семьи требовалось: 12 р. 33 к. $\times 3 =$ $=$ 36 р. 99 к. при среднем заработке в 23 р. 17 к.

Как изворачивался семейный горнорабочий при таком заработке? Двумя путями. Во-первых, он недоедал, т.-е. не потреблял достаточной нормы мяса, сахара, а больше налегал на хлеб и картофель. Конечно, это подрывало его силы и здоровье, которые и без того чрезвычайно быстро шли на убыль вследствие каторжных условий подземного труда. Но делать было нечего. Ибо быстро добиться лучших условий труда в то время шахтер был бессилен. Это пришло много позже. Другим способом подкрепления тощего бюджета горнорабочего была эксплоатация женского и детского труда. Этот способ широко применялся в российской кустарной промышленности.

Нередко семейные шахтеры обзаводились столовниками из одиноких шахтеров. Такой столовник платил обычно за стол и стирку белья 10 р. 50 к. в месяц. При этом в большинстве случаев столовник и ж и л в с е м ь е р а б о ч е г о, что создавало колоссальную скученность населения «каюток» и было доступно далеко не каждой рабочей семье.

Вот таблица, характеризующая этот вид «подсобного промысла» для горнорабочих Донбасса:

---

[1] Этот расход взят мною как самый минимальный.

Состав семьи	Число квартирантов									Общий итог семей с квартир.
	Без кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	5 кв.	6 кв.	7 кв.	8 кв.	
Рабоч. с женой . . .	8	5	4	2	2	1	—	—	2	16
Раб. с жен. и 1 реб. .	12	11	9	3	4	3	2	—	—	32
» » » » 2 » . .	23	17	12	4	1	3	—	1	—	38
» » » » 3 » . .	19	4	13	6	1	1	1	1	—	27
» » » » 4 » . .	7	1	3	2	—	—	—	—	—	6
» » » » 5 » . .	4	4	1	1	—	—	—	—	—	6
» » » » 6 » . .	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Итого . . .	74									
Две семьи										
Рабочий с женой и ребенком	4									
Рабочий с женой										
Всего . . .	78	42	43	18	8	8	3	2	2	126

Из этой таблицы мы видим, что из 200 семей, живших на руднике, в период собирания сведений лишь 74 семьи, или 37%, обходились без столовников, остальные же 63% обойтись без этого вида поддержки не могли и имели от одного до семи человек харчевников. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что большинство из этих 37% приходилось на долю горных десятников, машинистов и, наконец, забойщиков, заработная плата которых была относительно выше заработной платы остальных горнорабочих. Кроме того из числа 74, не имевших столовников, надо исключить 12 семей, обходившихся без харчевников не благодаря своей зажиточности, а в силу семейных и внешних неудобств: семь из них имели по четыре, четыре — по пять и одна семья — шесть чел. детей. Наконец четыре семьи не могли иметь квартирантов, ибо сами они ютились по две семьи в одной каютке. Эти моменты понижают процент относительно благополучных в материальном отношении семей с 37 до 31% общего числа их.

Далее мы из этой таблицы видим, что имели квартирантов-столовников главным образом семьи, вошедшие в четыре первых рубрики семейных горнорабочих: 1) бездетные, 2) имеющие одного, 3) двух и 4) трех детей, причем число семей с о м н о г и м и квартирантами в этом ряду последовательно повышается, невзирая на нарастающие неудобства с увеличением числа детей. Так, бездетных, имевших по пяти квартирантов, была лишь одна семья из шестнадцати, да две с восемью квартирантами, в то время как семей с одним ребенком и пятью квартирантами было три, а с шестью — две из тридцати двух. При двух детях с пятью

квартирантами были три семьи и с семью — одна. При трех детях с пятью квартирантами — одна семья, с шестью и семью квартирантами — тоже по одной. Такая необходимость держать квартирантов отражалась в высшей степени неблагоприятно на семьях рабочих. Помимо неудобств, связанных с огромной скученностью и крайне малой площадью семейных «каюток», это создавало крайне тягостную атмосферу в семьях и с моральной стороны. В таких семьях часто царил большой разлад, надзор же за детьми сплошь и рядом совершенно отсутствовал.

Семьи с четырьмя детьми или вовсе не имели квартирантов или же имели их в очень ограниченном числе: из двадцати пяти семей трех последних рубрик столовников имели лишь тринадцать, причем пять семей держали по одному, пять — по два и три — по три человека. Как шла жизнь этих семей при заработке в 23 р. 17 к. в месяц и при отсутствии возможности увеличить бюджет, — за исключением лишь эксплоатации малолетних, — представить себе не трудно, как не трудно понять и то, что держали столовников семьи рабочих только в силу полной безысходности своего положения. В результате многосемейные рабочие постоянно недоедали и не имели возможности приобрести самое необходимое для обихода. Их настигала быстрая инвалидность. Они стояли перед неизбежной необходимостью посылать на работу малолетних детей, лишая их возможности посещать школу и изнуряя неокрепшие организмы непосильным по длительности и тяжести трудом, увеличивая число физически слабых ребят и детскую смертность.

Детский труд был настолько серьезным вопросом в горной промышленности дореволюционных дней, что на нем необходимо хотя бы вкратце остановиться.

На Западе в свое время страдания детей в горной промышленности были поистине ужасны. В Англии бывали случаи, как сообщает об этом один отчет за 1832 г., что дети начинали работать в копях с четырехлетнего возраста. Обычно же дети начинали работать с восьми-девяти лет. Работа сводилась к охране вентиляционных дверей подземных галерей. Ввиду этого они являлись в копи как только начиналась работа и уходили только по ее окончании. Дети при этом оставались в темноте и совершенном одиночестве. Эта работа, следовательно, отличалась от одиночного заключения лишь тем, что по временам мимо детей проезжали тележки с углем. Затем малыши возили вагончики с углем, что требовало чрезмерного напряжения сил. В ряде копей они переносили на плечах каменный уголь в корзинках вверх по лестницам. Заработки их были так мизерны, что их нехватало на нормальное питание.

И в других странах положение детей было не лучше. В начале прошлого века в Прирейнских промышленных округах к работе привлекались тысячи маленьких детей, причем работали они по 10, 12 и 14 часов как в денной, так и в ночной смене. В Си-

ц и л и и дети работали в серных копях вплоть до последнего времени [1]). Аналогичная картина наблюдалась и в ряде других стран. Нужно ли доказывать, что посылать детей в копи на такую работу без особой, крайней нужды не стала бы ни одна семья.

Но как ни сильны были эксплоататорские аппетиты капиталистов, все же чувство самосохранения нации, с одной стороны, и стачечная борьба рабочих,—с другой, повели к тому, что отдельные страны начали охранять законодательными актами детей от вымирания и ранней инвалидности, являвшихся результатом беспощадной эксплоатации детского труда предпринимателем. Англия и Франция; Бельгия, Болгария и Голландия; Швеция и Норвегия; Италия, Люксембург и Австрия — провели законы, запрещающие работу детям, не достигшим 12 лет. В Германии это запрещение распространялось на детей до 13 лет; в Австрии и Швейцарии — до 14 лет, причем в Германии, например, уже в 1903 г. был запрещен детский труд в период от 8 час. вечера до 8 час. утра. Был запрещен детский ночной труд и в ряде других стран. Было ограничено рабочее время в ряде стран и для подростков. В Германии подростки от 14 до 16 лет могли работать не больше 10 часов в день. В Англии для подростков был введен 10-часовой рабочий день, а на текстильной промышленности — $56^1/_2$ часов в неделю. Во Франции с 1904 г. для подростков установлен рабочий день в 10 часов. В Швейцарии и Австрии — 11 часов, а в Бельгии — 12 часов [2]).

В России, под влиянием роста рабочего движения и усиления стачечной борьбы, царское правительство начало также проявлять «заботы» о малолетних. Первым законодательным актом этого рода был закон 7 августа 1845 г., запрещавший ночную работу на фабриках малолетних до 12-летнего возраста. Но практического значения этот закон не имел, да и не мог иметь. Изданный только для успокоения рабочих масс, он не предусматривал никакого наказания за его невыполнение, не устанавливал и правил надзора за его выполнением. Только спустя 37 лет, 1 июня 1882 г., в связи со все нараставшим движением пролетариата, был издан закон, устанавливавший специальную кару за невыполнение правил о детском труде. Невыполнение каралось штрафом до 100 рублей или арестом до 1 месяца. Кроме того для наблюдения за выполнением закона был введен институт инспекторов; назначено было... 20 инспекторов... на всю Россию.

За этим законом последовали и другие: закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках и заводах (12 июня 1882 г.), закон о воспрещении подросткам до 17 лет

---

[1]) См. о детском труде работу Г. Геркнер «Рабочий вопрос», перевод В. Гердинга с 5-го изд. М.—П. 1917 г., откуда я беру все эти данные (стр. 23—25).

[2]) Там же, стр. 277—280. См. также С. Прокопович «Рабочее движение в Германии», 2-е изд. Спб. 1908 г., стр. 141—146.

ночных работ (3 июня 1885 г.) [1]) и т. д. Но все эти законы, вплоть до Октябрьского переворота, оставались только на бумаге. Их издавали для того, чтобы не исполнять. В 1901—1902 гг. я писал о применении законов по охране детей следующее:

«Чтобы судить о применении законов, ограждающих детский труд, стоит на любом руднике зайти в здание углеподъемных или других машин или же в так называемое «ламповое отделение» — помещение, где наливаются, зажигаются и выдаются рабочим «предохранительные» лампы [2]) для работ в местах, выделяющих гремучий газ, взрывающий при соприкосновении с пламенем. В этих помещениях, особенно в «ламповых», воздух которых до такой степени насыщен парами наливаемого в лампы бензина, что вызывает головокружение и тошноту, вы увидите целые вереницы крошек-мальчуганов, движущихся среди батарей ламп, вытирающих, наливающих их, заряжающих их пистонами для автоматического зажигания в подземных выработках.

С бледными, истомленными лицами, перепачканными копотью и сажей; с черными руками, замасленные до-нельзя, быстро движутся они по огромному зданию под недремлющим оком десятника. Большинству из них трудно дать и 13 лет, сплошь и рядом попадаются дети лет одиннадцати. Но если вы спросите любого, сколько ему лет, он к вашему изумлению ответит: «пятнадцать». Делается это часто по распоряжению низшей администрации (конечно неофициальному), выполняющей таким путем «закон», да кроме того не в интересах и самого мальчугана открыть истину: он может лишиться места, а это представляется в перспективе в виде недоедания и вечных попреков дома в лени, дармоедстве. Так исполнялся закон о возрасте работающих детей. Не менее точно соблюдался он и в отношении продолжительности рабочего дня и ночных работ.

На одном осмотренном нами руднике (рудник Успенских близ г. Луганска) малолетние работали в две смены, днем и ночью, по двенадцати часов каждая. Впрочем, если точнее высчитать, то рабочий день выразится цифрой много большей двенадцати. На мой вопрос, когда дети приходят, заведующий ламповым отделением ответил, что обязаны они приходить в 6 час. утра или вечера и уходить в 6 час. вечера или утра (в зависимости от того, денная или ночная смена). «Впрочем, добавил он, многие по своему желанию (!) приходят ранее, часов с четырех (!!)». За такой каторжный, непосильный для ребенка труд, продолжающийся подчас и в праздники (осмотр сеток ламп и замена негодных фитилей новыми), мальчуган получает 10—12 руб. в месяц. То же явление можно наблюдать на массе круп-

---

[1]) А. Ельницкий «История рабочего движения в России», ч. I, стр. 167—170.

[2]) Лампы в виде фонаря, где пламя ограждено двумя мелкими проволочными сетками для предупреждения взрыва рудничного газа, происходящего при непосредственном соприкосновении его с пламенем.

ных и мелких рудников при сортировке угля, где 10—13-летние мальчуганы и девочки в течение 12 часов согнувшись выбирают руками, с помощью маленьких кочережек, попавшие в уголь кусочки горных пород, получая за это 25—35 коп. в день, в зависимости от времени года. На «конных» шахтах, т.-е. таких, где уголь поднимается на поверхность при помощи лошадей, дети по 12 часов днем и ночью принуждены ходить по кругу, подгоняя лошадей. Отсюда так часто встречающиеся среди детей горнорабочих худосочие, анемичность, высокая детская смертность и, наконец, небольшой процент посещения рудничных школ» [1]).

Само собой разумеется, что только крайняя нужда могла заставить родителей бросать малолетних на такую каторжно-тяжелую работу.

Чтобы не возвращаться еще раз к вопросу о детском труде,— добавлю, что и в 1913, и в 1915, и в начале 1917 гг. я лично видал малолетних, работавших по 12 часов в день на копях Донбасса и в качестве погонщиков лошадей при мелких конных шахтах, и в качестве выборщиков мелких обломков горных пород из свалок угля, и в качестве наливальщиков ламп. А подростки работали под землею, разнося лампы и регулируя вентиляционные двери подземных галерей. Итак, вплоть до Октябрьских дней 1917 г. все оставалось без перемен в отношении детского труда...

* * *

Оставались, впрочем, без изменения и заработки горнорабочего. И в 1904 и 1905 гг. и вплоть до 1915 г. цены на рабочие руки мало чем отличались от расценок 1901—02 гг.

Вот крайне любопытная сводка, опубликованная в 1910 г. Советом с'ездов горнопромышленников Юга России средних заработков рабочих, пострадавших от несчастных случаев, охватывающая около полутораста фирм и число пострадавших в них до 30.000 чел. за год [2]).

Годы	Число опрошенных фирм	Число ответивших фирм	Процент к запрошенным	Процент ответивших к добыче угля всех опрошенн. фирм	Всего рабочих, попавших в обследование	Средний годовой заработок на человека	Средний месячный заработок на человека.
1904	241	145	60,0	84,93	31.995	329 р. 64 к.	27 р. 50 к.
1905	204	138	67,6	80,19	31.344	337 » 78 »	28 » 15 »
1906	214	162	75,7	80,29	28.362	327 » 59 »	27 » 30 »
1907	187	116	62,0	65,27	22.199	272 » 21 »	22 » 68 »
1908	219	145	66,0	78,02	21.928	266 » 76 »	22 » 23 »

[1]) Л. А. Либерман. «Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне». См. «Вестн. Фабр. Зак». № 1 за 1905 г.

[2]) «Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горно-заводской промышленности за 1904—1908 гг., изд. Статистическое бюро Совета с'ездов горн. южн. района Харьков 1910 г., стр. 26—27.

Таким образом средний заработок горнорабочего колебался от 22 р. 23 к. в месяц для 1908 г. до 28 р. 15 к. для 1905 г., ни разу не превышая этой цифры, т.-е. приблизительно он равнялся заработку 1901—1902 гг. (23 р. 17 к.). Следовательно, заработки за восемь лет не только не повысились, а, пожалуй, даже понизились.

Мало улучшилось дело с заработной платой и накануне войны. В 1913 и 1915 гг. цены на рабочие руки продолжали стоять в Донбассе почти на уровне 1901—1902 гг. Так, стволовые вместо 1 р. 10 к. для 1901—1903 гг. получали в 1913 — 1915 гг. 1 р. 20 к.; крепильщик в среднем получал 1 р. 50 к. и до 2 рублей в особенно опасных и трудных местах. Плитовые и вагонщики зарабатывали от 1 руб. до 1 р. 10 к., а в артелях лучшие рабочие сдельно вырабатывали от 1 р. 50 к. до 2 руб. в рабочий день, что при полном месяце в 25 дней могло составить от 37 р. 50 к. до 50 руб. Что касается цен на предметы питания, то они были таковы:

Цены рудничных магазинов, утвержденные окружным инженером Юзовского округа на период апрель—октябрь 1914 г.:

Хлеб	9,1 к. за *кг*
Мясо	37,5 » » »
Масло подсолнечное	35,0 » » »
Мука	12,5 » » »
Пшено	12,5 » » »
Сахар	35,0 » » »
Соль	2,5 » » »
Крупы	2,5 » » »
Сало свиное	75,0 » » »
Капуста	10,0 » » »
Картофель	3,75 » » »
Чуни	от 85 к. до 1 р. 05 к. пара.

Такие же розничные цены стояли и на других горно-заводских промыслах. Оптовые заготовительные цены были несколько ниже, но по оптовым ценам рабочие ничего не получали.

Используя расчеты профессора Фойта относительно нормального питания взрослого рабочего, мы получим такие результаты:

Хлеб	4,50 к.
Мясо	7,50 »
Мука	1,50 »
Сало	1,56 »
Картофель	0,35 »
Молоко	2,50 »
Сахар	0,80 »
Масло	4,00 »
Итого	22,71 к.
Вкусовые вещества	7,30 к.
Водка, табак	9,00 »
Всего	39,01 к.

Таким образом в месяц на пищу взрослый рабочий в среднем должен был израсходовать (39,01 × 30) 11 р. 70 к.

На одежду, считая 2 пары чуней,—1 р. 80 к. и прочее платье—2 р.=3 р.80 к., на баню, мыло и другие мелкие расходы—5 руб.; это составит (11 р. 70 к. + 3 р. 80 к. + 5 руб.) 20 р. 50 к. в месяц. Другими словами, и в 1914—1915 гг. накануне переворота одинокий горнорабочий Донбасса едва сводил концы с концами своего нищенского бюджета. Что касается семейных рабочих, то они продолжали по-старому жить на «голодном пайке», покрывая «дефицит» в своем бюджете путем дополнительных заработков жены и детей.

Впрочем, не только семейным, но и одиноким рабочим сводить концы с концами было крайне трудно. Дело в том, что (как мы уже вскользь об этом упоминали) рабочим приходилось часто платить штрафы.

Согласно табели о штрафах, утверждавшихся окружными инженерами по Донбассу, штрафы эти налагались в следующих случаях и в следующих размерах [1]):

1. За производство рабочими по небрежности недоброкачественных изделий, за порчу ими при работе материалов, машин и иных орудий производства, размер взысканий определяется каждый раз управлением рудника соответственно свойству неисправности, но не свыше одной трети заработка, действительно причитающегося рабочим к установленному сроку расплаты. (Курсив мой. *Л. Лн*).
2. Взыскание за прогул налагается соответственно заработной плате рабочего и количеству прогульного времени в течение одного месяца в размере. не превышающем однако за этот срок суммы шестидневного его заработка.
   Сверх того у рабочего удерживается заработная плата за прогульное время. Для рабочих, получающих задельную плату взыскание за прогул определяется в размере не свыше одного рубля за прогульный день и не свыше трех рублей в общей сложности.

3. За несвоевременную явку на работу	— р.	75 к.
4. За самовольную отлучку с работы	1 »	— »
5. За вход или выход с рудника через не назначенный для сего ход	1 »	— »
6. За непослушание начальству, а также за обман такового	1 »	— »
7. За нетрезвый вид во время работы, удаление от работ и взыскание	1 »	— »
8. За принос на работу хмельных напитков—уничтожение напитка и взыскание	1 »	— »
9. За курение табака там, где таковое запрещено	1 »	— »
10. За нарушение во время работы тишины и порядка шумом, криком, бранью, или дракою	1 »	— »

[1]) См. расчетные книжки горнорабочих Донбасса. «Правила внутреннего распорядка» и табель взысканий. Изд. типограф. «Донецкая Жизнь». Луганск, 1917 г., стр. 49—51.

11.	За устройство игр на деньги (в карты, орлянку и т. д.) в запрещенных местах и на работе	— р.	75 к.
12.	За неопрятное содержание вверенных рабочему машин и котла, станка или инструмента	1 »	— »
13.	За несоблюдение чистоты и опрятности в семейных помещениях глава семьи подвергается штрафу каждый раз	— »	50 »
14.	За несоблюдение чистоты и опрятности в общих помещениях с каждого живущего в этом помещении рабочего взыскивается за каждый раз	— »	20 »
15.	За несоблюдение противопожарных правил за каждый раз	— »	75 »
16.	За непредставление или несвоевременное представление в контору книжки для подсчета заработка	— »	50 »
17.	За унос рудничного имущества увольнение или штраф	1 »	— »
18.	За порчу приспособлений, указанных к § 87 правил производства работ, увольнение или штраф	1 »	— »
19.	За спуск по канату или собственным весом увольнение или штраф	1 »	— »
20.	За неношение предохранительных очков	— »	50 »
21.	За нарушение прочих правил внутреннего распорядка, за каждое нарушение	— »	75 »
22.	За нарушение квартирных правил, за каждое нарушение	— »	75 »

Окружн. Инж. Павл. Гор. Округа К и с е л е в.

Утверждено
Декабря 30 дня
1914 г.
№ 6732.

Итак, мы видим, что оснований для взысканий было очень много, что давало возможность администрации снять с рабочего все, вплоть до последней рубахи. Табель взысканий окружала горнорабочего целой сетью проволочных заграждений не только на работе, но и в домашней его жизни, ставя его в полную зависимость от «левой ноги» хозяина или его доверенных. И не трудно себе представить, как использовались эти возможности на копях при всяком удобном случае.

Раньше эти штрафы шли в карман предпринимателя. Позже был введен закон, согласно которому штрафные суммы шли в специальный фонд помощи и расходовались по указанию окружных инженеров, при ходатайстве заведующих рудниками. И суммы эти были довольно значительны. Предприниматель, однако, вплоть до Октябрьского переворота находил различные способы обращать штраф в свою пользу. Например, браковали крепь и, оставляя ее на месте, не оплачивали как бракованную. Браковали вагонетки угля за неполноту нагрузки и за сорность, причем забракованный уголь, набитый забойщиками сдельно «от вагона»,— не принимался в расчет при расплате и целиком попадал в карман предпринимателя. Это давало «экономию» по добыче. Были и иные способы нажима.

Рабочий мог, конечно, протестовать. Но вот образец протеста и его результат. Рабочий села Александровки, Дмитрий Якимов Масляк, подал жалобу Окружному инженеру Юзовского гор-

ного Округа Маляревскому 6 февраля 1915 г. следующего содержания:

«Я работал на Александровском руднике на мусорных работах. За недостачей кочегаров, заведующий перевел меня с мусорных работ в кочегарку топить котлы. В одном из котлов выдуло шишку (порча котла, *Л. Л.*) не по моей вине, а по вине заведующего, так как я не специалист этого дела. Заведующий отказал мне от работы и оштрафовал меня 10 рублями 63 коп. (вероятно, стоимость ремонта, сделанная за счет кочегара, *Л. Л.*), да месяц я оставался без работы 30 рублей, так как это жалованье я получал до увольнения. Так как заведующий не имел никакого права меня штрафовать, а потому и прошу ваше высокородие приказать уплатить мне понесенные мною убытки 40 р. 63 к.».

Окружной инженер препроводил прошение на рудник с такой пометкой: «Прошу (!) контору рудника с возвращением настоящего прошения уведомить Округ о причинах оштрафования Масляка, как он заявляет». Февраля 7-го дня 1915 г. — Маляревский.

Дальнейшая судьба прошения мне неизвестна, да это пожалуй и не столь важно. Прошение ценно, как показатель предела «нажима» на рабочего, допускавшегося на копях Донбасса накануне революции. Правда, в данном случае рабочий обжаловал самоуправство заведующего. Но в большинстве случаев жаловаться рабочий не решался, ибо результатом жалоб было обычно изгнание с рудника жалобщика, с занесением имени его в «черную книгу», что лишало рабочего возможности не только попасть обратно на свой рудник, но и на смежные с ним копи. Вот документ, характеризующий эту сторону дела:

Новороссийское О-во К-ра Рудников «Ветка»
Января 23 дня 1915 г.
№ 194/5.

В контору шахт рудников Джемса Ж. Ф., Глидкоп П. Н., Горжковского В. Е., Бурлакова Н. Ф. и Ивановой Л. И.

Просьба не принимать на работы нижеследующих рабочих, рассчитанных без права поступления в Новороссийское Об-во: № 20308—Магомет-Оглы; 20302—Али-Мустафа-Аскара; 20304—Габиб-Мустафа-Оглы; 20303—Межед-Джабар-Оглы; 20307—Усейн-Карбала-Оглы; 20301—Фарум-Касум-Оглы; 20305—Юсуп-Гулам-Хусейн-Оглы.

(Подпись) Управляющий Рудниками
«Ветка» Горный Инженер П. Фенин.
Главный Счетовод В. Глазан.

Таков документ Новороссийского о-ва. На руднике Рудченковом я видал «черную книгу», куда систематически заносились уволенные с мотивировкой причины увольнения. В ней не редки были такие формулировки—«болтун»... «груб и дерзок» и т. д. и т. д.

С горнорабочего не гнушались содрать рубаху не только с живого, но и с мертвого. За гроши «ликвидировали» дела с семьями убитых в копях шахтеров. Я знаю случаи, когда за 200 — 250 руб. ликвидировались обязательства владельцев семьям погибших в копях. Помню случай, когда старая крестьянка получила 300 руб. за убитых сына и мужа. Такие факты имели место

десятками на копях Донбасса. В своих записных книжках я нашел ряд записанных мною «советов» мелких промышленников друг другу на предмет наиболее дешевой «ликвидации» дел с пострадавшими, получающими за инвалидность. Эти советы, часто проводившиеся в жизнь, так характерны, что я позволю себе привести их для характеристики правового положения шахтера Донбасса в дооктябрьские дни.

Обычно поступали так: получавшим пенсии инвалидам или их семьям начинали задерживать высылку денег. Задерживали месяц, два, полгода; отмалчивались на запросы потерпевших; отмалчивались на запросы горной инспекции. И когда потерпевший, собрав последние крохи, приезжал за получкой, ему предлагали «единовременно» ликвидировать дело «по 50 коп. за рубль»... Большинство,—умудренное опытом с задержками денег,—давало согласие. Тогда в свидетельство об инвалидности вписывалась полная по закону причитающаяся сумма выплаты, утверждалась в Округе, а затем инвалиду выдавали 50% ее, и он уезжал восвояси... Сумма полностью выписывалась в расход по кассе, а «свалившиеся с неба» 50% ее приходовались по какой-либо статье поступлений. И все проходило так, что «комар носа не подточит».

Правда, бывали и «скандалы». В одном случае, когда потерпевший получил 50%,—он положил их в карман, а затем принялся кричать — «караул», — «грабят». И когда собралась толпа, — он заявил, что ему не додали 50% суммы—«обыщите меня,—вопил он, — где деньги в которых я расписался?..»

До обыска администрация, конечно, не допустила (полиция, ведь, была своя), и скандал «замяли». Такой случай, впрочем,— я знаю только один...

Был и другой способ «ликвидации», применявшийся на мелких подрядческих шахтенках ловкими хищниками-шахтовладельцами. Это ликвидация обязательств в связи с ликвидацией готовой быть выработанной до конца шахтой. В этом случае ловкий делец давал 200—300 рублей какому-нибудь проходимцу, которому терять было нечего, и «переуступал» ему контракт договора на выработку шахты, предоставляя тягаться с ним потерпевшим. А «покупателю контракта» это было безразлично, ибо взятки с него были гладки, как говорится, он был гол, как сокол.

Конечно,—эти «фокусы» проделывали обычно мелкие предприятия. Крупные на такие «номера» не шли. У них были свои методы, — методы крупного грабежа. Но и мелкие и крупные грабили шахтера напропалую, и он всегда чувствовал себя в окружении,—в кольце «экономической блокады».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЖИЛИЩНО-САНИТАРНЫЙ ВОПРОС НА КОПЯХ ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.

Надо ли говорить о том, какое значение в общественной жизни имеет жилищный вопрос? Давно известно, что в прямой связи с квартирным вопросом стоят и алкоголизм, и заболеваемость, и вырождение населения, и детская смертность, и упадок нравственности. «Сырая, холодная квартира, — утверждает профессор Рубнер,—ведет к заболеваниям катарром дыхательных путей и туберкулезом, к болезни почек и сочленений. Грязная квартира—к развитию эпидемических заболеваний вообще и холерных в частности. Ибо холера издавна считается болезнью бедняков, и по данным научных исследований, если принять количество заболеваний холерою на определенное число лиц, принадлежащих к имущим классам, за сто, то на такое же число бедняков их приходится 210; далее, если принять число заболеваний в чистых домах за единицу, то в грязных оно окажется равным 4—5 [1]).

Ученый Cörösi при обследовании жизни в Будапеште пришел к выводу, что в переполненных жильцами квартирах средняя выживаемость много ниже, чем в квартирах более обширных. По его данным, средняя продолжительность жизни для лиц, занимающих квартиру, где на комнату приходится 1—2 человека,—в круглых цифрах 47 лет, тогда как в переполненных квартирах, при 10 лицах населения на одну комнату, эта средняя понижается до 32 лет, т.-е. средняя продолжительность жизни для живущих в переполненных квартирах почти в полтора раза меньшая, чем для населения, живущего в обширных квартирах [2]). В зависимости от квартирных условий находится и смертность населения. На основании данных для Берлина в 1885 г., немецкие статистики пришли к выводу, что там, где десять человек занимали просторную квартиру, состоящую более чем из 4 комнат, — на 1.000 жителей умирало всего четыре человека, но где нужда загоняла более 10 человек в одну комнату, там смерть собирала в 13 раз большую жатву: на 1.000 жителей, вместо четырех, умирало 52 человека [3]).

---

[1]) Прив.-доц. Тарасевич. «О борьбе с холерой». «Труды I Всерос. с'езда фабричных врачей», т. I, стр. 10.

[2]) В. Игнатьев. «Жилищный вопрос», стр. 10.

[3]) Вурм. «Жизнь немецких рабочих», изд. Т-ва «Знание», СПБ. 1899 г., стр. 143.

Вот составленная статистиками таблица смертности на 1.000 человек населения Берлина [1]):

Квартиры, занятые	Из одной комнаты	Из 2 комнат	Из 3 комнат	Из 4 комнат	Вообще
1 лицом	19,97	12,56	21,43	20,60	18,63
2 лицами	16,82	14,49	17,19	15,09	16,11
3 »	28,48	18,76	19,25	13,65	22,79
4 »	27,07	19,11	16,98	13,26	21,28
5 »	28,62	19,72	17,03	10,62	21,03
6—10 лиц.	28,82	18,89	19,22	8,78	18,18
Свыше 10 лиц	51,56	21,25	20,70	3,79	9,34
В среднем	20,60	18,79	18,36	9,63	19,75

По этажам смертность в Берлине такова:

В 4-м и выше	22,2	на тысячу
» подвальном	25,3	» »
» 3-м	22,6	» »
» нижнем	22,0	» »
» 1-м и 2-м	21,0	» »

По данным для Лейпцига, в квартирах с одним живущим, ежегодно умирало 11 человек на 1.000, в квартирах при 2 живущих — 20 на 1.000, при 3—27 и при 3—5—34 чел. на 1.000. В том же Лейпциге установлено, что в квартирах, где одну комнату занимало более 3 человек, смертность детей в четыре раза превышала смертность в тех помещениях, где на комнату приходился только один человек. Кроме того установлено, что на 1.000 человек жильцов подвалов приходилось 36,6 смертей, в то время как в первом этаже умирало лишь 28,6 человек.

В Вене, в первом округе, где живет «знать», насчитывается квартир в 1—2 комнаты только 7,43% и перенаселенными считается лишь 0,84%; в десятом округе, населенном рабочими, квартир в 1—2 комнаты—61,51% и перенаселенных 8,94%. В первом округе смертность 11,6%; в десятом—35% [2]). В малонаселенных участках Петрограда, где, по переписи 1899 г., на одну комнату приходилось 1,21 чел., смертность равнялась 12,8—15,7 на 1.000, а в густонаселенных, где на комнату приходилось 2,78 чел., смертность повышается до 32,5—38,0 на 1.000 [3]).

Что касается заболевания туберкулезом и смертности от него в сырых и тесных помещениях, то Рубнер дает такие цифры. В Мангейме было произведено исследование об отношении смертности от туберкулеза к общей смертности (за исключением детей

---

[1]) М. С. Норов и Л. М. Лямин. «Охрана жизни и здоровья работающих». Систематич. изложение «Профессиональной гигиены». М. 1907 г. стр. 111.
[2]) В. Игнатов. «Жилищный вопрос», стр. 9.
[3]) М. С. Норов и Л. М. Лямин, указ. соч., стр. 111.

до 5 лет), — и эти данные сопоставлены с величиной жилищ. Результаты получились такие:

Квартиры	в 6 и более комнат	4—5 комнат	3 и менее комнат с населением из		
			2 лиц	2—3 лиц	более 3
Туберкулез	10,3%	22,2%	23,4%	34%	42,2% [1]

Огромное значение квартирные условия имеют и с моральной точки зрения. Шнетцлер, например, при обследовании гор. Лозанны установил зависимость между кубическим содержанием воздуха, преступностью и числом разводов. По данным Всесвятского для дореволюционной Москвы преступность, подсудная мировой юстиции (главным образом кражи и оскорбление личности) наблюдалась всего чаще в тех участках, где были наихудшие жилищные условия. Наибольшее число задержанных в дооктябрьские дни на улицах Петрограда безобразно-пьяных — были преимущественно жильцы угловых квартир. В 111-м участке Спасской части, где было много ночлежных домов, притонов, угловых квартир, — количество обвиняемых у мировых судей в различных правонарушениях составляло 10% дел, хотя население составляло только 4% населения города. Пико, исследуя положение бедноты Парижа, пришел к выводу, что в 95 случаях из ста толчок к проституции дали неблагоприятные условия жилищ. К тому же выводу пришли Швабе и Команж относительно Берлина [2]).

И для борьбы с эпидемиями квартирный вопрос имеет чрезвычайно важное значение. Эпидемические заболевания требуют, прежде всего, тщательной изоляции. А между тем всего труднее изолировать заболевшего там, где жить приходится в тесноте. Элементарные требования, которым должна удовлетворять квартира, таковы: на каждого взрослого человека должно приходиться не менее 20 кубических метров воздуха в спальне, без коридорного воздуха. Площадь пола, при высоте помещения в 3 *м*, не должна быть менее 6 *м* на человека, и отношение световой поверхности окон к площади пола не должно быть менее 1:8. Кроме того полы ни в коем случае не должны быть земляными, ибо помимо того что земляной пол негигиеничен, дает пыль и впитывает нечистоты,—он не безопасен и в смысле насаждения холеры. Вот что говорит по этому вопросу прив.-доц. Горинович: «Из моей поездки по Волынской и Подольской губерниям в 1894—1895 гг., я вынес впечатление, что земляные полы крестьянских изб играют немалую роль в перезимовке холерных вибрионов. Вечно сырые, теплые, проникнутые органическими

---

[1]) Там же, стр. 111.

[2]) Ф. Т. Лавров. «Желательная постановка санитарного дела в промышленных заведениях». Труды I Всероссийского с'езда фабричных врачей, т. II, стр. 300.

веществами, они весьма близки к родным вибриону индийским условиям [1]).

Не меньшую роль в общежитии играет и санитарно-гигиенический вопрос. Взять хотя бы отбросы. Попадая на загрязненную почву, они подвергаются процессам гниения и разложения и отравляют вонючими газами окружающую атмосферу. Один куб. метр содержимого ретирадов, например, в продолжение суток может дать 18 куб. метров вонючих газов, разрушающих организм человека.

Среди отбросов особенно опасны отбросы свежие. В них содержится много болезненных микроорганизмов: возбудителей столбняка, нагноения, злокачественного отека, чахотки, дизентерии, брюшного тифа, холеры и т. д. Некоторые из них быстро гибнут под влиянием лучей солнца и высыхания; другие живут довольно долго. Так, бациллы брюшного тифа выживают до трех месяцев, холерные вибрионы — до 20 дней. Таких отбросов при неустранении их может скопиться очень много. Исследованиями, произведенными в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Гамбурге, Риме, Петрограде, Москве и Харькове установлено, что в среднем на жителя на год падает 280 килограммов отбросов; к этому надо прибавить 32 *кг* испражнений и 410 *кг* мочи. Естественно, что при скученности населения картина должна получиться убийственная, и, чтобы избежать вредных последствий разложения и гниения отбросов всех видов, их надлежит вывозить,—кухонные и животные отбросы летом ежедневно или через день, зимой не реже одного раза в неделю. Все остальные (сухие) отбросы как летом, так и зимой, не реже одно раза в неделю [2]).

Придя к таким выводам, Англия первая занялась оздоровлением страны. Результаты получились блестящие. В 1832 г. в Англии от одной только холеры погибло 30.924 чел., в 1848 г.—53.237 чел., в 1853—1855 гг., когда осуществление мероприятий по водоснабжению и канализации, по улучшению жилищ и т. д. уже началось,—20.097 чел., в 1866 году—14.377 чел., а с тех пор Англия холеры не знает, хотя Европа, а в особенности Россия, страдала от нее и в восьмидесятые и в девяностые годы XIX в. и в начале XX века.

За Англией по пути оздоровления двинулась Германия и другие страны Западной Европы, хотя санитарно-гигиенические мероприятия проводились в них и в меньшем масштабе. Вслед за передовыми европейскими странами поплелись и мы. Оказалось, что там, где для оздоровления местности было кое-что сделано, результаты сказались очень быстро. Так, в Одессе с проведением

---

[1]) Прив-доц. Горинович. «Характеристика холеры, как биологического фактора, и вытекающие отсюда указания рациональной борьбы с нею». «Труды I Всероссийского с'езда фабричных врачей», том I, стр. 49.

[2]) Д-р Ретивов. «К вопросу о хранении, удалении и уничтожении мусора и домовых отбросов на горных и горно-заводских предприятиях юга России». «Вопросы Санитарии» 21 сентября 1912 года.

водопровода, — эпидемии холеры не знают более, — утверждает г. Тарасевич. Известны лишь отдельные случаи заболевания Больше того, исчез почти брюшной тиф, понизилась заболеваемость дизентерией, а общая смертность упала с 33 чел. на 1.000 жителей в год в 1877 году на 25 чел. в 1893 г. и 21 — к концу XIX века.

Та же картина наблюдается и в Киеве. Пока водоснабжение и канализация были в нем плохо организованы, он сильно страдал от эпидемических заболеваний; с проведением же артезианской воды не только благополучно перенес новый занос холеры, но и совершенно был избавлен от брюшного тифа [1]). Наконец Ростов-на-Дону, потерявший в 1892 г. от холеры 1.707 чел., с реорганизацией водоснабжения и канализации потерял лишь 151 чел., — да и то на окраинах, где наблюдается исключительно большая скученность живущих и где санитария в загоне. Значение скученности и антисанитарных условий жизни особенно резко сказалось в годы войны и первые годы революции, когда в о ш ь стала всенародным бедствием и когда тиф косил наши красные части, население городов и деревень... Посмотрим однако, в какой мере отвечают основным требованиям санитарии и гигиены наши рудничные и заводские помещения для рабочих.

В первый период развития горно-заводской промышленности в Донецком бассейне жилищные условия горно-заводских рабочих были убийственны. Вот, как описывают их официальные исследователи в 1883—85 годах.

«На Каменском руднике помещаются рабочие в землянках, которые копаются и приводятся в жилой вид самими же рабочими, взявшимися за разработку угля. На поверхности земли они и не заметны, потому что покрыты землею. Размеры, воздух, нечистота таких помещений поистине ужасны даже летом [2]). На Голубовском руднике в землянке при 21 метре длины и 6,5 метра ширины летом помещалось 18 человек; в той же землянке, по словам рабочих, зимою бывает до 60 человек». Во время описания рудника в других землянках помещалось: землянка дл. 5,5 метра, шир. 2 метра — 20 чел.; 6,4 метра × 2,15 *м* — 12 человек; 6,4 *м* × 21 *м* — 17 человек; 5 *м* × 5,3 *м* — 12 чел. «Окон в них совсем не полагается, или же если они имеются, то не более 0,25 метра величиною. В самый яркий летний день в этих помещениях царит полумрак; в них едва можно писать, да и то лишь при самом окне. Во время дождей внутренние стены протекают, воздух постоянно сырой, с запахом гнили. Посидевши в таком помещении один час, выходишь из него точно одурелый, с головными болями» [3]).

Таковы были жилищные условия Славяносербского уезда Екатерин. губ. Не лучше было и на крупнейших предприятиях в

---

[1]) Там же.

[2]) «Екат. губ.» т. III, стр. 381, Славяносербский уезд. Составлен статистическим отделением при Екатерин. земстве, изд. Екат.-Губ. Зем. Екатер. 1886.

[3]) Там же, стр. 382.

Бахмутском уезде. Так, о жилищах для рабочих Юзовского завода (Н. Р. о-ва) и копей мы читаем следующее: «Балаганы представляют из себя довольно длинные здания с несколькими жилыми отделениями, большими и малыми; но внутри их грязно и они до тесноты наполнены жильцами. «Каюты» — просто землянки низкие, невзрачные; есть из них такие, что сразу их и не заметишь— так невелико возвышение над поверхностью земли, представляемое их крышами, состоящими из земли и мусора; стены этих «зданий» забраны деревянными досками или выложены камнем и легко пропускают сырость; пол земляной. Проникнуть в «каюту» можно только спустившись в землю по нескольким ступеням земляной лестницы; «каюты» темны и тесны; воздух в них сырой, затхлый, удушливый, внутренность жилищ содержится неопрятно. Вообще обстановка жилья вполне антигигиенична, несравненно непригляднее обстановки даже «балаганов», занятых рабочими же. Между тем в каютах нередко живут семейные рабочие с грудными детьми» [1]).

Та же картина наблюдалась и на рудниках Новороссийского о-ва в 1883/84 г. «На Семеновской и Александровской шахтах Н. Р. О. землянки в роде Юзовских кают: 2—3 больших балагана для помещения артелей вводят под'езжающего к шахтам в заблуждение. С первого взгляда можно подумать, что здесь работы производятся в ничтожных размерах, потому что жилищ для рабочих виднеется очень мало, но заблуждение скоро обнаруживается; оказывается, что на шахте постоянно живет 100—150 рабочих. Едва заметные возвышения над поверхностью земли вокруг шахты указывают на жилища рабочих. Возвышения эти — «шеи» землянок, — торчащие из-под земли в виде «конька» изб. «Шеи» изображают ходы в подземелья, закрываемые дверью; дверь низка, пройти в нее можно только согнувшись. Тотчас за дверью начинаются земляные ступеньки, ведущие к другой двери; во время дождя вода проникает и сквозь дверные скважины и сквозь покров и стенки «шеи». Другая дверь вводит прямо в жилище в чистоте чрезвычайно трудно, ввиду того что грязь заили выложены слегка камнем и иногда побелены; крыши — крыты землей, на стропилах потолков нет. Внутри подтопок с плитой, стол и скамейка для сиденья; кровати попадаются как исключение. Внутренность подземелья грязна и неопрятна. Содержать жилище в чистоте чрезвычайно трудно, ввиду того что грязь заносится туда на ногах непосредственно из «шеи». Сквозь крышу и стены проникают в подземелье и сырость и влага, а от всего этого в жилище постоянно, даже летом, воздух затхлый и гнилой. Крошечные окошечки с нечисто содержимыми стеклами пропускают внутрь жилища тусклый полусвет» [2]).

---

[1]) «Сборник статистических сведений по Екат. губ.», т. II, стр. 235, Бахмутский уезд, изд. Екат. губ. зем. 1886 г. Составлен статистическим отделением Екат. губ. земск. управы.

[2]) Там же, стр. 283.

Каковы были условия существования в этих жилищах — видно из того, что «посещая для опросов землянки рабочих, мы в большинстве случаев не могли пробыть в них более 2—3 минут, до того неприятен и тяжел в них воздух, даже при открытых дверях, — говорят исследователи, — но в этой смрадной атмосфере живут не только взрослые, но и дети». Нередко приходилось заставать в землянках бедных женщин, кое-как покрытых лохмотьями, сидящих на голом земляном полу со штопаньем в руках, с грудным ребенком, валяющимся около на куче грязного и вонючего рванья, и окруженных другими детьми, чумазыми, корявыми и полунагими. Тут же кудахтали куры, хрюкали поросята. В одной такой землянке в углу лежал больной мальчик, едва оправившийся после оспы и снова заболевший горячкой [1]).

Таковы были жилищные условия горных и заводских рабочих Донецкого бассейна в восьмидесятые годы. В 1905 году в опубликованных мною данных об условиях труда в Донецком бассейне были также и данные по жилищному и санитарному вопросу [2]). Позволю себе привести некоторые из них.

«На Каменском руднике Алексеевского горнопромышленного о-ва, — обследованном также, как мы видели выше, и в 1883 году, — казармы для рабочих грязны, — писал мне один из моих корреспондентов в конце октября 1904 г. Высота окон от земли 0,57 метра. Стекла выбиты. Вместо 2 дверей — одна, да и та разломана; сквозь окна и двери дует холодный ветер, так что под 30 октября было лишь 8 градусов тепла, несмотря на то, что плиту ежедневно раскаляли докрасна. Пол земляной, весь в ямах; стены, потолок трудно отличить от пола. Рабочим для отдыха нет никакого убежища; на каждого приходится по одной доске (0,2 метра шириною) на нарах. Во время работ в две смены рабочие размещаются, но когда обе смены в казарме (под праздник или в праздник), одна смена ложится на нары, а другая — на земляной пол или же от сильного холода греется около плиты, пока первая смена не уступит ей места. Таких помещений на шахте семь, причем в каждом живет от 14 до 20 рабочих.

Это артельные балаганы. Не лучшими были в 1902 г. на Каменском руднике и квартиры семейных: «прежде всего они без потолков. Полы земляные, крыты землей, с единственным окошечком в 18—35 сантиметров в длину и в ширину. В таких домиках — «каютах», как зовут их рабочие, — живут муж, жена, трое детей да один-два столовника. Об'ем их менее 20 куб. метров, перегородок нет. И в них сплошь и рядом нехватает стекол, не притворяются двери, царит сырость» [3]).

И на другом крупном руднике — Рутченковского горнопромышленного о-ва, расположенном близ м. Юзовки Бахмутского

[1]) Там же, стр. 323.

[2]) Л. А. Либерман. «Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне». См. журнал «Вестник Фабричн. Закон. и Проф. Гигиены». Январь 1905 г., стр. 1—24.

[3]) Там же.

уезда, — в 1902 г. дело с квартирами и с вопросом санитарии обстояло не лучше. «Клозетов сделано было очень мало, да и те не разгорожены и не помощены, так что пьяные сваливаются в ямы (!),— сообщали мне, — ямы неглубокие, примерно в метр. Хотя казармы расположены в 120 метрах от них, но при малейшем ветре выйти из казармы невозможно: так и разит. Казармы грязны, попадаются землянки».

«Отрицательное значение этих условий подчеркивается еще резче, — писал я, — при просмотре цифровых данных. Возьмем, прежде всего, квартирные условия на Кальмиусо-Богодуховской копи Алексеевского горнопромышленного о-ва. Все квартиры на ней 2 типов: 1) семейные домики и 2) общие казармы. Первых — сто. Об'ем каждого из них равен 17 куб. метрам, а если исключить печь и мебель, то он будет равняться 44 куб. метрам. Живущие в них распределяются таким образом, что лишь 216 человек, или 24% общего числа, пользуются нормальным количеством воздуха. Остальные 663 чел. так скучены, что количество воздуха, приходящегося на каждого,—ниже минимального количества, требуемого гигиеной. В четырех из них с населением в 40 человек об'ем воздуха, приходящегося на каждого, равен 4,36 куб. метра, т.-е. почти в $3^1/_2$ раза менее нормального, причем на каждого приходится 1,68 кв. метра площади пола». Но это были еще не х у д ш и е условия для 1902 г. На рудниках Успенского (ныне Ольховского) о-ва «имеется довольно большое количество домиков, сделанных в одну доску и обмазанных глиною настолько, что толщина стенок равна всего 8 сантиметрам. Размеры этих домиков, сделанных в одну доску, таковы: площадь пола — 27 $м^2$, а об'ем 51,7 $м^3$. Если же исключить об'ем печи и мебели, то получим 46,13 $м^3$. И в таком домике жило от 10 до 15, даже 18 чел., так что на каждого приходилось от 4,56 до 2,1 $м^3$ воздуха и от 2,68 до 1,46 $м^2$ пола. Надо прибавить, что полы в этих домиках глиняные, дающие массу пыли, и что натопить такой домик во время сильных морозов почти невозможно, ибо, помимо тонких, легко продуваемых стен, очень часто ни двери, ни окна плотно не притворяются». Что касается артельных балаганов этого рудника, то «грязь в таких казармах страшная и кроме того нет ни сушилок, ни отдельной кухни, и сплошь и рядом мокрая одежда и белье сушатся непосредственно в жилом помещении» [1]).

Как видите, положение вещей в области жилищно-санитарной на рудниках Донецкого бассейна в 1902—1903 гг. мало чем отличалось от положения вещей для 1883—85 гг.

Но и с 1903 г. вплоть до Октябрьского переворота 1917 г. в этой области произошло очень мало улучшений. Правда, был издан целый ряд обязательных постановлений, нормировавших квартирный вопрос, требовавших оздоровления внутренней и

---

[1]) Л. А. Либерман. Указанная работа. Данные по Успенскому руднику относятся к зиме 1903—лету 1904 г.

внешней стороны руднично-заводских поселков, но... постановления были сами по себе, а дефекты сами по себе. Изредка делалось кое-что для очистки совести, а больше всего для успокоения рабочих копей и снова все входило в свою колею. Точно в стоячей воде: бросишь камень, — пойдут большие круги, потом становятся все меньше... переходят в мелкую зыбь, и снова все ровно, все гладко, все спокойно.

Вот данные по одному из богатейших районов Донецкого бассейна, — Алмазно-Юрьевскому. Район этот был представлен 16 крупными рудниками и 2 металлургическими заводами с общим количеством занятых в них рабочих около 30.000 человек. Кроме крупных предприятий, в районе имелась еще «целая сеть мелких заводов, рудников, арендаторских шахт»[1]).

Чтобы судить, насколько солидны были предприятия первой категории этого района, приведу ряд цифр: 1) Акционерное, Донецко-Юрьевское металлургическое о-во: Акционерный капитал — 22 млн. 100 тысяч рублей. Чистая прибыль этого общества за ряд лет: в 1910 году — 1,83 млн. руб.; в 1911/12 — 4,17 млн. руб.; в 1912/13—4,25 млн. рублей; в 1914/15—4,49 млн. руб.[2]). 2) Семеновское общество каменноугольной и заводской промышленности. Основной капитал 3.000.000 руб. За 8-й операционный год списано в погашение имущества: недвижимого 196,437 руб. 70 коп., движимого 7.644 руб. 87 к., после чего получилось прибыли 517.893 руб. 70 к.[3]).

Анонимное Ирминское каменноугольное о-во. Основной капитал 3.000.000 фр. За двенадцатый операционный 1913 г. получено прибыли 959.424 фр. 87 су. Остаток прошлого года 52.915 фр. 06 сант.[4]). И вот оказывается, что «жилищные помещения на предприятиях этого района имеются 3 типов: 1) семейные квартиры (одна комната и кухня), вмещающие, однако, часто по две семьи и целый ряд так называемых харчевников, здесь же и живущих; 2) казармы, обычно состоящие из 4 отделений, вмещающих до 15—20 холостых рабочих и еще одну-две семьи. Казармы с земляными полами, без отдельной кухни или столовой и хозяйственных пристроек и, наконец, 3) землянки, правда, мало распространенные, но все же существующие. Что касается вопросов санитарии, то, по словам Н. М. Науменко, санитарные задачи на рудниках и заводах Алмазно-Юрьевского района совершенно отсутствуют[5]).

Это сведения для 1905 г. по Славяносербскому уезду. В Бахмутском уезде в том же году жилищные условия были не лучше.

---

[1]) Н. М. Науменко. Алмазно-Юрьевский район Славяносербского уезда, «Труды I Всероссийского с'езда фабр. врачей», т. II, изд. 1900 г., стр. 44—45.

[2]) В. С. Зив. «Иностранные капиталы в русской горно-заводской промышленности». Петроград, 1917, стр. 16.

[3]) «Хроника Акционерного дела». В журнале «Г.-З. Д.», № 46 от 30 ноября 1914 г., стр. 13081.

[4]) Там же.

[5]) Н. М. Науменко. Loc cit. стр. 45.

Перед нами данные о положении дел на одном из наиболее крупных и благоустроенных предприятий Донецкого бассейна в этом уезде — «Т-ва для разработки каменной соли и угля в Южной России». Охвачены обследованием 4 главных рудника: 1) Щербиновский рудник, 2) Нелеповский рудник, 3) Никитовский 1-й и 4) Никитовский 2-й рудник. «Общее количество жителей на всех 4 рудниках от 12 до 15 тысяч человек, число рабочих 6—7 тысяч»[1]). Наиболее крупный рудник — Щербиновский. Он был равен всем трем остальным, вместе взятым, по числу жителей вообще и по количеству рабочих рук в частности. Остальные три были приблизительно равновелики. Самым старым являлся рудник Щербиновский, функционировавший к тому времени уже 14 лет. Наиболее молодым, следовательно, наименее загрязненным и целесообразнее распланированным был рудник Нелеповский. Все они имели одну общую администрацию, трех врачей и соединены были между собою железною дорогою, — сообщал д-р Ретивов. «Щербиновский и Никитовский 1-й расположены по склону довольно крутой возвышенности. Во время летних дождей, дождевая вода бурно скатывается сверху вниз, унося с собой весь сор и отбросы на улицы, лежащие ниже»[2]). Убирались ли эти сносимые отбросы кем-либо, д-р Ретивов не сообщает. Водоснабжение населения производилось колодезной водой из 5 колодцев. «Центральный колодец, дающий до 123.000 литров в сутки, оборудован очень хорошо. Он весь закрыт, в нем установлена динамо-машина, поднимающая воду вверх, в бак, оттуда вода набирается в бочки при помощи больших кранов. Полная чистота и порядок как в самом помещении колодца, так и вокруг него, — сообщал д-р Ретивов». Словом, полное благополучие. Вот только... к сожалению, местоположение его выбрано чрезвычайно неудачно и возбуждает много сомнений. «Близость кладбища, боен, а также воды с химического завода делают воду в колодце несколько подозрительной. (Курсив мой. *Л. Л-н*), хотя многократные испытания ее на цвет, вкус и запах (!) давали всегда приговор в пользу ее[3]).

Конечно, самое простое было бы сделать химический и микроскопический анализ, вместо гаданий на «вкус, цвет и запах», но анализа ни разу не делали. Правда, «дважды посылали пробы для анализа в Харьков Медицинскому о-ву, но по непонятным причинам (!) никакого ответа оттуда не получили»[4]). Так уж не везло Центральному колодцу Центральной шахты! Прочие колодцы загрязнению не подвергались. Одни из них «оборудованы очень хорошо, другие довольно примитивно».

---

[1]) Д-р Ретивов. Организация противохолерных предприятий и лечение холерных больных на угольных рудниках т-ва для разработки соли и угля в южной России. Труды I с'езда фабр. врачей, т. I, стр. 70.

[2]) Там же, стр. 72.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

Казалось бы, дело водоснабжения в этом предприятии стояло относительно сносно. Но из дальнейших данных выясняется, что благополучие было только кажущееся. Выясняется также, что исследование воды на Щербиновском руднике «на вкус, цвет и запах» не являлось достаточным. Дело в том, что именно на этом руднике, где Центральный колодец чрезвычайно неудачно расположен у кладбища, боен и химических заводов, даже не меж двух, а среди целых трех огней — «за предшествующие два года мы имели... по 400 случаев дизентерии (в год. *Л. Л-н*) и сто случаев брюшного тифа [1]), связь которого с холерой установлена давно», говорит д-р Ретивов... Надо думать, что связь этих заболеваний с Центральным колодцем не меньшая, чем связь брюшного тифа с холерой.

Вопрос уборки нечистот на рудниках Щербиновском, Нелеповском и двух Никитовских, как и вопрос «ретирадный», ничем не хуже стоял в период обследования, чем на любом из рудников Донецкого бассейна, — утверждает д-р Ретивов. «На большинстве же рудничных поселков, по его словам, — добавим от себя, вполне справедливым, — эта сторона санитарной обстановки находится в элементарном, зачаточном состоянии. Обыкновенно выкапывается большая яма, обшивается досками, над нею ставится домик, и клозет готов. Доски на поверхностной постройке отбиваются ближайшими жителями для своих нужд, клозет весь сквозит, пол загажен до-нельзя, вокруг — кучки экскрементов и моча просачиваются в окружающую почву и загрязняют ее. Для отбросов домашнего обихода устраиваются, обыкновенно, мусорные ящики, куда обитатели выметают и выбрасывают все, что у них испортилось, что не нужно: замерзший картофель, протухшие соленые огурцы, арбузные корки и т. д. Ящики устраиваются из досок, сколоченных неплотно, без дна, почему санитарное значение их равно нулю» [2]).

Тому же нулю равно было санитарное состояние рудников и «О-во разработки каменной соли и угля». Страха ради холеры, да под нажимом революционного под'ема пролетариата, со всем этим боролась в 1905 г. санитарная комиссия, организованная при предприятии. Истрачено было на все в течение холерной эпидемии этого года 4.433 руб. 12 коп. Но что значит затрата в $4^1/_2$ тысячи на предприятии, где «входите вы к больному, страдающему типичнейшей картиной типичной холеры, — пишет д-р Ретивов, настроенный вообще очень благожелательно к «О-ву для разработки соли и угля», — помещение небольшое, рассчитанное на 5—6 чел., душно и темно, полы земляные. Там живет человек 10 харчевников, молодых холостых парней, которым деваться некуда и столоваться негде. Большая половина комнаты занята нарами, на них лежат здоровые, рядом с ними несчастный

---

[1]) Там же, стр. 72.
[2]) Там же, стр. 74.

больной, часто без пульса и потому грязный от испражнений и рвотных масс... Куда только ни попадут они»! [1]).

А между тем, о-во имело 24 миллиона франков основного капитала, за 29-й операционный 1913 год получило прибыли 3.580.452 фр. 06 сант.; остаток нераспределенной прибыли предыдущего 1912 года составил 251.133 фр. 05 сант. и в вознаграждение членам правления за 13-й год было выдано 55.821 фр. 44 сант. [2]).

Это, как видите, не $4^1/_2$ тысячи на борьбу с холерой, антисанитарным состоянием поселков и невозможным условием жилищ. К жилищному вопросу, впрочем, мы еще возвратимся и приведем еще другие данные.

* * *

Налетевший в 1905 г. шквал холеры совпал с периодом первого шквала революции и заставил горнопромышленников немного призадуматься над санитарным и жилищным вопросами. Кое-где, как, например, на копях «О-ва для разработки каменной соли и угля» было даже кое-что сделано. Но как только схлынула холерная волна и революционное движение было задушено царскими жандармами, снова все пошло по-старому. В конце апреля 1911 г. состоялся II Всероссийский с'езд фабричных врачей. На этом с'езде был между прочим заслушан интересный доклад доктора И. И. Лященко, в котором приводились ценные данные о жилищах на копях Донецкого бассейна вообще и на копях крупнейшего предприятия в Донбассе — «Южно-русской каменноугольной промышленности» в частности. Копи эти находятся при ст. Горловке и существуют около полсотни лет. Акционерный капитал их равнялся 5 миллионам рублей. За 40-й операционный 1912/13 г. этим обществом было получено 950.029 руб. 33 коп. прибыли, и неизрасходованный остаток от прибыли предыдущего года составлял 8.038 руб. 35 коп.[3]).

У общества имелось 3 копи — №№ 1, 5 и 8; при каждой копи была построена рабочая колония. «Наиболее плохи в санитарном отношении жилища № 5. Среднее положение занимают жилища № 1. Наконец жилища № 8 в лучшем состоянии[4]). И в соответствии с санитарным состоянием колоний распределилось по ним число холерных заболеваний. Всего обследовано было 1.638 квартир. На шахте № 1—543. На шахте № 5 — 681 и на шахте № 8—414, причем выяснилось, что все они делятся на 8 категорий: 1) одноквартирные землянки — каютки (однокомнатные с прикаютником и двухкомнатные); 2) двухквартирные

---

[1]) Там же, стр. 84.

[2]) Хроника акционерного дела, см. «Горно-заводское дело», № 38, от 30 сентября 1914 года, стр. 8094.

[3]) Хроника акционерного. дела, см. «Г.-З. Д.» № 3 от 22 января 1914 года, стр. 8049.

[4]) См. доклад д-ра И. И. Л я щ е н к о. «Труды 2-го Всеросс. с'езда фабричных врачей», 11—12 апреля 1911 г., выпуск 2-й, 1911 г.

землянки-каютки и двухквартирные семейные домики (однокомнатные и двухкомнатные); 3) трехквартирные семейные домики; 4) четырехквартирные семейные домики; 5) восьмиквартирные семейные домики; 6) казармы; 7) сарайчики и 8) летние кухни[1]).

Первые две категории (землянки-каютки) — это знакомый уже нам по Успенскому руднику тип постройки в одну доску (чаще обапол), обмазанную с обеих сторон глиной. Построены были землянки-каютки на Южно-Русском о-ве «без фундамента с земляным полом, поверхность которого на 0,18—0,36 метра ниже уровня земли, без потолка и с земляной крышей» (стр. 257). Они мало чем отличались от землянки 1883 года. Семейные домики, в свою очередь, тоже малым отличались от кают-землянок. И они были сделаны из обаполов (горбылей), обмазанных с обеих сторон глиною; и в них фундамент отсутствовал; и полы в них большей частью были земляные. Главное отличие и преимущество их перед каюткой-землянкой заключалось лишь в том, что в семейных домиках имелись потолки и крыты были они черепицей, толем или железом. Часть их, впрочем, сделана была из камня и имела фундамент и деревянные полы. Трех, четырех и восьмиквартирные семейные дома, а также казармы в большинстве случаев были каменные или кирпичные.

Что касается сарайчиков и летних кухонь, то в них ютилась «беднота»,— инвалиды, вдовы рабочих, погибших во время работы, да глейщицы, зарабатывающие по 40—80 коп. в день. «Сарайчики — это самый обыкновенный сарай. (Курсив мой. *Л. Л.*), надворная постройка, сбитая из досок. Ставится в нем плита, делается маленькое окошло (есть и совсем без окон) и нары, — и квартира готова (!). А в летней кухне, если она обнесена досками, ставятся только нары».

Но, может-быть, каютки-землянки, сарайчики, летние кухни, — только вкраплены были среди приличных домиков и казарм, как пережиток далекого прошлого? Увы, как раз наоборот: «каменных кирпичных зданий на всех трех шахтах 365», что составляет 22,3% общего числа квартир. Остальные 77,7% (1.273 квартиры) составляют мазанки, причем 49,2% приходится на землянки-каютки, 2,5 — на летние кухни и сарайчики (Курсив мой. *Л. Л-н*), и лишь 26% общего числа семейных квартир относительно терпимы. Что же касается до полов и потолков, то из 1.638 квартир, значащихся на шахтах, с земляными полами их 1.109, без потолков 593, с земляными крышами 398; в дополнение ко всему 809 крыш из 1.638 протекают»[2]).

Трудно придумать худшее. А между тем это далеко еще не все. «На всех трех шахтах только 7,1% пользуются нормальным количеством света, говорит докладчик... т.-е. лишь в 7,1% отношение световой поверхности (площадь окон) к площади пола не

---

[1]) Там же, стр. 256.
[2]) См. стр. 257—258.

менее 1 к 10. Остальные распределялись так: «21,3% имеют отношение это от 1 к 10 до 1 к 15; 43,7% от 1 к 15 до 1 к 25; 20,1% от 1 к 25 до 1 к 40; 5,7% от 1 к 40 до 1 к 60; 1,8% от 1 к 60 до 1 к 300, и, наконец, 0,2% совсем без окон»[1]).

Таким образом более $^2/_3$ всех квартир были темные или полутемные. Если прибавить к этому, что в квартирах «нигде нет двойных рам», что всюду «дует от окон», что вентиляторы и форточки отсутствуют, а «воздух вентилируется плитою, которая топится обычно весь день» (форточки встречаются только в каменных и кирпичных зданиях), что «стоит лишь простынуть плите, как в квартире делается холодно», «хоть собак гоняй»; что на 718 квартир, где не дымят печи, приходится 541, где печи дымят», а «в 108 квартирах бывает угар», что «температура в квартирах колеблется от 22—23 градусов до 8—6 градусов Реомюра, что на 951 холодную квартиру теплых оказывается лишь 44; что, наконец, на шахтах №№ 1 и 5 оказалось 497 квартир сырых»[2]), то картина получится почти полная. Трудно вообразить себе, как могли жить люди в таких условиях в начале XX века. «Об'ем воздуха в квартирах рабочих колеблется от 25 до 87 куб. метров, исключая казармы, сарайчики и кухни, — пишет д-р И. И. Лященко, — сарайчики и кухни имеют от 5 и 6 до 32 куб. метров. Самое большое $^1/_2$ человека может поместиться в таком сарайчике. Размер почти половины всех квартир 29—53 куб. метра. В такой квартире стоит стол, 2—3 скамейки, нары, корыто, ведра, горшки и с'естные припасы. Помещаются плита и русская печь». И в таком помещении живет нередко от 10 до 15 и даже до 17 чел.[3]).

Всего рабочего населения на шахтах было 9.658 чел., из них 3.183 чел., или 38,2%, жило по 5—6 чел. в квартире; 2.637, или 27,1%, жило по 7—8 чел. в квартире; 15,5% занимало помещение по 9—11 чел.; 6,1% — по 12—17 чел. (стр. 261). И только 16,7% жило в непереполненных помещениях. Свыше половины (52,6%) всего населения рудника пользовалось воздухом в об'еме от 1 до 9 куб. метров и, наконец, 1,3% имело на душу воздуха от 1 до 3 куб. метров! «Это значит, — говорит д-р Лященко, — что там, где должен поместиться о д и н ч е л о в е к, п о м е щ а е т с я о т $3^1/_2$ д о 10 ч е л.»[4]). (Курсив мой. *Л. Л-н*). Неудивительно, что рабочие жаловались: «дышать нечем»!

Впрочем, не только нечем было дышать, но и негде повернуться, ибо 48% населения пользовалось 3—4 кв. метрами площади пола на душу, а 20% имело на душу 1—2 кв. метра! Покойнику и то больше полагается! Но из этой площади надо еще вычесть площадь, занятую домашней утварью.

---

1) Там же, стр. 258.
2) Там же, стр. 259—260.
3) Стр. 260—261 доклада.
4) Стр. 262 доклада.

Конечно, больше всего жизнь в такого рода квартирах отражалась на здоровьи и выживаемости детей. Смертность детей на руднике Южно-Русского о-ва была поразительна высока. «У опрошенных 85 матерей было всех детей 425 человек, из которых 234 умерло, — говорит д-р Лященко, — значит детская смертность достигла 55% всех детей в возрасте от 1 до 6—7 лет». (Курсив мой. *Л. Л.*). Более высокий процент смертности детей вообразить трудно.

«Обстановку квартир описать нельзя, — говорит докладчик,— ее надо посмотреть. Деревянная кровать со всякого рода тряпьем, редко железная, а больше нары. Стол... две-три скамьи, развешанные по стенам на гвоздях и нередко на веревке, протянутой от одной стены к другой, рабочие костюмы; плита, на которой готовится пища; над плитой мокрые рабочие костюмы и онучи; на плите рядом почти с кушаньем мокрые пастолы и лапти; подле плиты всякая хозяйственная утварь; тут же стоит вода, таз для умыванья, под кроватью — с'естные припасы вместе с грязным бельем, сундуки рабочих и прочее»[1]). Добавьте к этому, что на 9.658 чел. имелось только 3.253 спальных места (остальные спали на земляном полу), что тюфяки имел только 2.031 (20,9%) чел. (прочие спали на своей одежде), а подушки имелись только у 54,3%, т.-е. чуть больше, чем у половины, что в квартирах, как мы говорили, царила сырость и холод; стены были черны от пыли, а потолков совсем не было, что окна почти не давали света, часть крыш протекала. Учтите все и вы поймете, почему горнорабочие говорили, что и в аду им жить не страшно...

Внешний вид рабочего поселка Южно-Русского о-ва мало чем отличался от рабочих поселков других рудников. Улицы обычно шириною в 13, редко в 20 метров (стр. 266). Насаждений никаких не имелось. На улицах «грязь, кухонные отбросы, вылитые помои». Затем «целые шеренги клозетов и мусорных ящиков, сбитых обычно из трех досок, открытых, без дна, нередко переполненных мусором; вокруг клозетов — человеческие экскременты (стр. 266). Словом, — знакомая нам картина, встречавшаяся до 1917 года на любом руднике Донецкого бассейна.

Данные о санитарно-жилищных условиях жизни рабочих взяты, как я сказал, на одном из крупнейших рудников Донецкого бассейна того времени. Но как ни мрачна картина этих условий жизни, она все же не вполне точна. Дело в том, что «скученность населения в квартирах в действительности несколько большая (!), чем показывают цифры». (Курсив мой. *Л. Л.*), — утверждает д-р Лященко. Это об'ясняется двумя обстоятельствами: во-первых, как раз перед началом обследования районная санитарно-исполнительная комиссия постановила разредить население в квартирах, что и сделано было рудникам, и, во-вторых, населе-

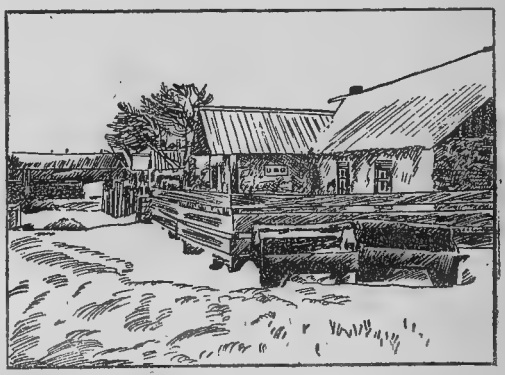
---

[1]) Там же, стр. 260.

ние, испуганное «разрежениями», очевидно неверно показывало количество живущих в квартирах [1]). Как жили рабочие до «разрежения», предоставляю вообразить читателю.

* * *

Но, может быть, перечисленные нами рудники составляли исключение из общего правила? Отнюдь нет. В среднем, с незначительными уклонениями в ту или другую сторону, такую же картину мы имели до 1917 г. на большинстве рудников и заводов Донецкого бассейна. Вот краткие данные по жилищно-санитарному вопросу для ряда предприятий. Акционерное общество Петро-Марьевских и Варваропольских (Об'единенных) каменноугольных копей. Основной капитал 4½ млн. рублей. За 30-й операционный 1913 год получено прибыли 711.536 руб. 11 коп. Остаток прибыли предыдущего года 697 р. 02 коп. Отчислено в вознаграждение правления—251.155 руб. 03 коп. [2]). Предприятие, как видите, не из убыточных. А квартиры рабочих... «Комната с об'емом воздуха на человека 3,98 *м*³. Вторая—летом 7,09, зимою 3,8 *м*³. Третья—7,77 *м*³., на человека; 4-я—5,34 *м*³, 5-я—13,5 *м*³ воздуха на человека. В общем исследовано 13 квартир, и ни в одной не оказалось нормального количества воздуха [3]).



Старый рудничный поселок.

Алексеевское горнопромышленное о-во. Одно из крупнейших предприятий Донецкого бассейна того времени, «Колония № 21». «Из 172 квартир 46, или 26,73%, имеют стены саманные (из земляного кирпича с примесью навоза и соломы); полы в 58 квартирах, или 38,7, землянные; в 88, или 51,2%,— асфальтовые или бетонные; 46 квартир, или 26,7%, не имеют совсем потолков [4]). Надо отметить, что асфальтовые и бетонные полы в спальных помещениях дают значительный процент простудных заболеваний, особенно среди детей. «Колония № 23 того же о-ва» 20 домов (71 квартира) рабочих. Из них 22 квартиры помещаются в землянках и негодны для жилья (Курсив мой. *Л. Л.*). 30 квартир имеют земляные полы; в 16—полы асфальтовые.

---

1) См. д-р Лященко, указанная работа, стр. 266.
2) Хроника акционерного дела, «Г.-З. Д.», № 32 от 16 августа, стр. 9424.
3) См. д-р Лященко, Loc. cit., стр. 266.,
4) Там же, стр. 267.

И только в трех — полы деревянные. Восемь построек приближаются по типу к землянкам, сложены кое-как из камня, углубляются земляными полами на 0,18, а местами и на 0,36 метра ниже окружающей поверхности земли, не имеют потолков, покрыты земляной крышей и, имея крайне убогий вид, освещаются очень скудно. Во всех артельных балаганах на взрослого приходится 7,77 куб. м. воздуха летом, а зимою — даже 5,82. Во всех артельных квартирах двухэтажные грязные нары, а под нарами сор и всякое тряпье[1]).

На Пугачевской колонии того же общества имелось 467 квартир. Из них саманные стены — в 46; земляные полы — в 108; асфальтовые и цементные — в 208; без потолков — 46. Негодных для жилья 64 квартиры, или 13,7% (стр. 211). (Курсив мой. *Л. Л-н*).

Наконец, на Орловском руднике того же о-ва из 207 квартир, занимавшихся рабочими, «66 квартир представляют землянки и негодны для жилья» (стр. 261).

Акционерное о-во Ртутное и Угольное Дело А. Ауэрбаха и К°. Основной капитал 3.600.000 рублей. За 18-й операционный 1913 г. получено прибыли 364.533 р. 68 к. Остаток нераспределенной прибыли предыдущего года 33.364 р. 33 к.[2]). Для рабочих было выстроено 200 землянок в одну комнату, пол и крыша земляные, площадью в 17,75 *м*². Об'ем 39,53 *м*³ В каждой жило средним числом 8 человек. Воздуха приходилось на человека 4,85 *м*³, т.-е. в четыре раза менее нормы. Потолков не было. В помещениях было темно, грязно, часто сыро. Стены покрыты угольной пылью. Шахтерки сушились над плитою. Крыши часто протекали[3]). О рудниках Акционерного о-ва для разработки каменной соли и угля на юге России мы говорили выше на основании данных д-ра Ретивова. Вот добавочные данные: на Щербиновском руднике «одноквартирных землянок 145. (Курсив мой. *Л. Л.*), 2-квартирных—70, деревянные, обмазанные. Пол и крыша земляные. Каютка № 60: живет 11 человек. На человека воздуха — 3,88 *м*³. На наре в 2,8 метра помещаются 8 человек — 35 сантиметров на человека. Теснота страшная. Грязь невероятная. Нары вплотную к плите, остается только место для небольшого стола. Под нарой сундуки, сапоги, пастолы, онучи и всякое тряпье. Над плитой и по стенам — шахтерки. Тут же лежат для обсушки инструменты. Жалуются, что не дают квартир (д-р Лященко, стр. 269). В 1911 г. о-во это получило прибыли 4.083.108 фр. и отчислило наградных правлению 36.840 фр. 50 сант.[4]). В 1913 г. прибыли значилось 3.580.453 фр. 06 сант. Остаток неизрасходованной прибыли от 1912 г. 251.133 фр.

---

1) Там же.
2) Хроника акц. дела. «Г.-З. Д.» № 20 от 22 мая 1914 г., стр. 9000.
3) См. д-р Лященко, Loc. cit., стр. 269.
4) Хроника акц. дела. «Г.-З. Д.» № 40 от 8 октября 1912 г., стр. 5994.

05 сант.[1]). На втором Никитовском руднике того же о-ва условия жизни были не лучше. Тоже люди спали на нарах вплотную. Тут же ели и мылись. Стены грязные и черные. Кругом развешены шахтерки, онучи и пастолы. Под нарами с'естные припасы. На Нелеповском руднике условия жизни аналогичны[2]).

Далее: Петровский чугуно-литейный завод с рудниками: Веровским и Софийским Русско-Бельгийского Металлургического о-ва. На Софийском руднике квартиры были платные: в общих казармах холостые рабочие платили по 1 рублю в месяц, при рудничной воде и угле. Старые рабочие платили по 35 коп. в месяц. Семейные квартиры стоили 4 руб. в месяц. В казармах для еды, спанья рабочих и кухарки помещение имелось общее. Тут же сушились и шахтерки. Койки вплотную. На Веровском руднике помещения такие же. В домиках — переполнение харчевников. Часто по 2 семьи в квартире[3]). На Петровском заводе, в казармах, койки по обеим сторонам вплотную. Спят вповалку. На козлах рельсы, по которым передвигаются койки. При желании их можно сдвинуть и раздвинуть. Обыкновенно они сдвинуты вплотную, так как народу много всегда. Тут же под нарами, по стенам и над изголовьем, над печкой, развешена рабочая одежда для просушки: онучи, пастолы и пр. В казармах сушится белье... В углах, за занавесками, живут кухарки с детьми. В окна дует. Углы промерзают. В некоторых казармах так холодно, что уходят ночевать в другие. Спят вповалку и посменно. Тут же корыто для умыванья.

В казармах подрядчика Добрынина стены деревянные, мазаные, сырые, зимой промерзают. На окнах лед и снег. Рамы ординарные, в щелях. Пол выложен кирпичом. Стены покрыты слоем угольной пыли. Печи полуразрушенные, холодно, спят в одежде. Под нарами инструменты, кругом развешена одежда для просушки. Печи дымят. Спят вповалку, либо 2—3 чел. на наре. Вонь, грязь, угар. Помещение напоминает запущенный сарай. За деревянной перегородкой — кухня; тут же столовая, помещение для кухарки и нары. Моются в общей лохани. Койки голые. Спят на лохмотьях. Многие спят на полу. В одной казарме на 30 человек 12 коек; в другой—на 30 человек 14 коек. Под нарами с'естные припасы. Имеются три казармы-землянки. Живет до 200 человек (метра три в земле). (Курсив мой. *Л. Л-н.*) Окна над землей, крыша земляная, пол кирпичный. С крыш течет. Передвигают постоянно нары. Крыши без потолка. Страшно холодно»[4]). А между тем основной капитал о-ва 20 млн. рублей и в 1911/1912 отчетном году о-во получило прибыли 4.704.151 р. 27 к. Остаток (нераспределенной) прибыли 1910/1911 года составлял 56.655 р. 27 к. В вознаграждение членам правления за

---

[1]) Хроника акц. дела, «Г.-З. Д.», № 38 от 30 сентября 1914 г., стр. 9670.
[2]) Д-р Лященко, Loc. cit., стр. 269—270.
[3]) Там же.
[4]) Д-р Лященко. Loc. cit., стр. 271.

1911/12 отчетный год выдано 111.487 р. 86 к. Сто одиннадцать с половиной тысяч (111.487 р. 86 к.) роздано также в виде наградных служащим о-ва[1]). В 1912/13 г. чистая прибыль его поднялась до 5 млн. 630 тыс. руб. и в 1913/1914 году до 5 млн. 470 тыс. руб. [2]). Аналогичные жилищные и санитарные условия мы видели на Государево-Байракском руднике Анонимного о-ва и на Французской Компании Рутченковского (позже Брянского) о-ва и на Трудовском руднике г-жи Нестеровой и на руднике г-на Казакевича, где «замечательны землянки, вросшие в землю», и в знаменитом Новороссийском о-ве (Юзовка), дававшем ежегодно $^1/_2$ миллиона прибыли; и на руднике Мошкевича; и на руднике Александро-Дмитровского о-ва, где «вокруг казармы грязь непроходимая»; и на руднике Левитина, и на руднике Карпаса, где «землянки для семейных рабочих комиссия не нашла возможности описать, так как они не годны даже для домашних животных» (курсив мой. *Л. Л-н)* и где, однако, «в одной из таких землянок комиссия нашла семью из 11 душ: двух взрослых и девяти детей, в ближайшем общении с поросятами». Вход в землянуку эту состоял из «пяти больших земляных ступеней, прикрытых досками[3]).

Та же картина, наконец, и на рудниках знакомого нам уже Новороссийского о-ва. Кое-где там подчистились, но в целом ряде мест квартиры были ужасны, и санитарное состояние рабочих поселков в м. Юзовке (незадолго до революции переименованном в город)—положительно убийственны.

А между тем это-то общество могло бы, кажется, озаботиться об упорядочении жилищно-санитарного вопроса на своих предприятиях, ибо владело оно наилучшими рудниками каменного угля с запасом в недрах глубиною в километр с лишним около миллиарда тонн угля, из которых 490 миллионов коксующегося, и прекрасными железными рудниками в Кривом Роге, площадью около 1.600 гектаров, с залежами до 25 миллионов тонн руды. Площадь земель, принадлежащих о-ву, достигала 21.000 гектаров[4]). На заводе его работало 5 доменных печей, выплавлявших до 300.000.000 тонн в год. Здесь вырабатывался чугун всех типов, балки, швеллера, чугунное и стальное фасонное литье, всевозможные штамповальные работы, мосты и железные конструкции и т. д. Общая добыча угля в копях о-ва была в 1911 г. 1,31 млн. тонн, 1912 г. — 1,39 млн. *т*, 1913 г. — 1,50 млн. *т*, в 1914 г. — 1,55 млн. *т*. При заводе и копях имелось 360 старых коксовых печей с производительностью в 196.000 тонн в год; при рудниках — 180 печей системы Эванс Коппе, с производством в 262.000 тонн в год. Заканчивалось постройкою еще 150 печей, имевших производить 295.000 тонн кокса. Обществу принадлежало до 140 километров

---

[1]) Хроника Акц. Дела «Г.-З. Д.», № 6 от 15 февраля 1915 года, стр. 6815.
[2]) См. В. С. Зив, указанная работа, стр. 17.
[3]) Д-р Лященко. Loc. cit., стр. 271, 474.
[4]) В. С. Зив, указанная выше работа, стр. 4—6.

под'ездных путей при 35 паровозах, 500 полувагонах, 150 платформах, 160 нормальных железнодорожных вагонах в 16 тонн каждый. По оценке все это определялось в 57 млн. 500 тыс. рублей, из коих:

Заводы оценивались в	12	млн.	руб.
Рудники кам.-уг.	12	»	»
Земли (19.210 гектаров)	3	»	»
Железные (1600 гектаров) рудники	5	»	»
Новые коксовые печи	3	»	»
Железнодорожн. ветви с подв. сост.	5	»	»
Имущество в поселке	1,5	»	»
Оборотные средства по балансу на 1 янв. 1915 г.	16	»	»
Всего	57 млн. 500 т. р.		

Таково одно из предприятий Донецкого бассейна, где рабочие страдали от жилищных и санитарных невзгод. Но оно было не единственным.

Все это — предприятия с крупными капиталами, дававшие громаднейшие дивиденды. И все эти сведения относятся к началу 1911 г.[1]). Аналогичные вещи наблюдал я и в 1913—16 гг., да и к Октябрю 1917 г. обстановка была почти та же на рудниках Донецкого бассейна. Ибо для того, чтобы изменить положение дел, нужно было разрушить сотни и сотни помещений рабочих колоний и построить новые. А кто же из гг. горнопромышленников пошел бы на это без особого нажима и особой, исключающей колебания, необходимости?!. В 1916 и в 1917 гг. я лично видел на рудниках Донецкого бассейна все то же жилищно-санитарное безобразие, которое видывал неоднократно и ранее.

В заключение еще несколько цифр. С 19 по 24 марта 1913 г. при Екатеринославской губернской земской управе состоялся очередной с'езд врачей и представителей общественных организаций. Среди прочих докладов был заслушан также доклад о санитарном состоянии жилищ горнорабочих Донецкого бассейна. Согласно докладу, «санитарному обследованию было подвергнуто 6.249 квартир с 38.219 жителей, что составляет 16% всех квартир на горных предприятиях, причем обследованы были крупнейшие (курсив мой. *Л. Л-н*) предприятия[2]). В результате обследования докладчик пришел к выводу, что: 1) большинство обследованных жилищ рудничных рабочих Донецкого бассейна должно быть признано неудовлетворительным в санитарном отношении, 2) в большинстве обследованных жилищ наблюдается переполне-

[1]) См. И. И. Лященко «Жилищный вопрос на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна и данные обследования жилищ рабочих о-ва Южно-Русской каменноугольной промышленности», труды Южно-Русского обл. с'езда по борьбе с холерой в Екатеринославе, 29/III 1911 г., стр. 29—190.

[2]) За неимением доклада, цитирую по статье д-ра М. И. Ретивова «XI с'езд врачей Екатерин. губ.», напечатанной в «Вестнике Санит. и Медицины», № 9.

ние живущими, недопустимое не только гигиеной, но и обязательным постановлением Екатеринославского губернского земства, 3) размеры жилых помещений рабочих колоний сами по себе уже таковы, что невольно влекут к переполнению квартир людьми, 4) причинами переполнения служат: недостаточный размер жилищ рабочих, недостаточное количество их, недостаточная заработная плата, благодаря которой многосемейный рабочий принужден искать побочного заработка, каковой он и находит, принимая на квартиру столовников»[1]).

Такова безотрадная картина жилищного и санитарного вопросов на горно-заводских предприятиях Донецкого бассейна, наблюдавшаяся накануне переворота. Трудно представить себе что-либо более ужасное, чем жизнь в подобных квартирах, окруженных такого рода «чистотой и порядком». Трудно вообразить и более халатное отношение к этим вопросам и со стороны горно-заводской администрации. За 30 с лишним лет не было почти ничего сделано для упорядочения квартир и улучшения положения людей, на плечах которых в эти 30 лет выросло и развилось пышным цветом горно-заводское дело Донецкого бассейна. За три десятилетия отдельные лица составили миллионные состояния, а горно-заводской рабочий продолжал жить в помещениях до такой степени ужасных, что порой «комиссия не решается описать их», так как помещения «мало пригодны даже для домашних животных». Жили, погибая от эпидемий, разрушая здоровье от сырости, от недостатка для дыхания кислорода. После ежедневной 12-часовой работы под землей в душном и тяжелом воздухе подземных галерей, выйдя, наконец, на дневную поверхность, не имели возможности отдохнуть в нормальной обстановке, не могли найти достаточно места, где удобно было бы вытянуть усталое тело и расправить онемевшие за полусуточный труд ноги и руки.

Предприниматели Донецкого бассейна ничего не делали для улучшения санитарной и гигиенической сторон жизни горно-заводского пролетариата, вплоть до переворота в октябре 1917 года. «Санитарные врачи в своих отчетах за 1911—12 годы постоянно указывали на то, что на заключения земских управ не поступает ни одного проекта постройки и расширения кам.-угольных предприятий, а меж тем предварительное заключение земской управы о санитарной безопасности проектируемого предприятия требуется обязательными постановлениями губернского земства. Вследствие этого санитарным врачам приходится при посещении предприятий только констатировать неудовлетворительность постройки пост-фактум» [1]). Ну, еще бы. Прислать на заключение земской управы проекты построек—это значило в некоторых случаях связать себя по рукам и ногам обязательством строить потом

[1]) См. «Вопросы Санитарии» № 5 от 28/VII—1914 г., стр. 16.
[2]) См. цитир. выше отчет XI с'езда врачей.

здания хоть приблизительно по требованиям гигиены и санитарии. А это отнюдь никогда не входило в расчеты гг. предпринимателей, ибо могло стоить дорого. Много проще предоставить осмотреть санитарной комиссии уже «обжитую» постройку. Соображение простое и верное: не станет же классовое, близкое предпринимателям губернское земство, где сидели «свои люди», занимавшиеся попустительством, сносить уже выстроенное здание, как бы ни расходилось оно типом постройки с обязательными постановлениями. Вместо того чтобы улучшить жилищные условия горнорабочих, следуя требованиям обязательных постановлений, с боем вырванных у «либеральных» земцев и правительства шахтерами, — гг. горнопромышленники предпочитали бороться с «обязательными постановлениями» губернских земств. Это было и дешевле и выгоднее... Вот, для примера, докладная записка Совета с'езда горнопромышленников юга России: «Об обязательных постановлениях по санитарно-медицинским вопросам, касающимся горных и горно-заводских предприятий юга России», поданная уже в период войны, в 1915 г., на имя министра торговли и промышленности [1]). Записка эта так характерна, так великолепно определяет общую политику наших горнопромышленников; наконец, она так ярко оттеняет собранные мною факты, что я не могу устоять перед соблазном привести ее, хотя бы частично. Записка сама говорит за себя, не нуждаясь в раз'яснениях.

«В 1909 году, — говорится в «Записке», — херсонским губернатором были изданы составленные губернским земством обязательные постановления о содержании жилых помещений для рабочих на рудниках Херсонской губ. В том же году екатеринославским губернатором опубликованы составленные екатеринославским губернским земством обязательные постановления по санитарно-медицинским вопросам. Циркуляром от 18 мая с. г. екатеринославский губернатор предписал уездным исправникам следить за неуклонным выполнением требований этих обязательных постановлений. В апреле 1911 года аналогичные обязательные постановления были изданы харьковским губернатором. В текущем 1915 году, 30 апреля, издано обязательное постановление войскового наказного атамана Войска Донского по принятию мер против заноса и распространения эпидемий. Перечисленные обязательные постановления устанавливают ряд сепаратных юридических норм, обязательных для промышленных предприятий в южном районе.

Совет с'езда горнопромышленников юга России неоднократно входил с раз'яснениями в надлежащие правительственые учреждения по поводу обязательных постановлений местных властей по санитарно-врачебным вопросам. Ныне Совет с'езда считает необходимым ввиду исключительных обстоятельств те-

[1]) «Горно-Заводское Дело» № 32—33 от 21 августа 1915 г.

кущего момента и особого значения горно-заводского юга в настоящее время снова войти с ходатайством по означенным вопросам.

Одним из условий успешного и быстрого развития промышленной жизни страны является устранение излишних стеснений для открытия и функционирования промышленных предприятий. Особенно неблагоприятным условием для этого развития является зависимость самого устройства и оборудования, а также открытия и функционирования промышленных предприятий от усмотрения административных учреждений и лиц. Это усмотрение, создавая непредвиденные помехи для работы промышленных предприятий, лишает их той уверенности и устойчивости, без которых невозможно самое существование промышленности при нормальном ее развитии, особенно же при настоящих исключительных обстоятельствах, когда промышленникам приходится затрачивать чрезвычайно много усилий и средств для того, чтобы выполнить очередную задачу момента — дать армии все ей необходимое»... (!!).

А между тем обязательные постановления, как мы знаем, требовали представления проектов построек и перестроек на утверждение местных земских учреждений, дабы гарантировать рабочих и окрестных жителей от вредных условий предприятия... И это, прежде всего, чрезвычайно не нравилось Совету с'ездов.

«Устройство промышленного предприятия,—говорится в «Записке», — должно прежде всего обусловливаться техническими требованиями производства. С точки зрения абсолютных требований санитарии и гигиены нет и не может быть таких промышленных предприятий, которые не могли бы вызвать против себя возражений с той точки зрения, что они вредны для здоровья рабочих и жителей окружающих населенных мест... Ни в законах, ни в обязательных постановлениях нет твердо установленных норм о пределах санитарно-гигиенических требований». И вот «при отсутствии твердых юридических оснований в данном вопросе очевидно, что земские управы будут руководствоваться в своих суждениях отзывами земских врачей, причем отзывы, не всегда достаточно компетентные с научной стороны (!), будут отличаться узко-медицинской точкой зрения, игнорируя особенности промышленных предприятий, как технических и промышленных единиц»...

Все это, по мнению Совета с'ездов, ведет к стеснению развития промышленности и тормозит частную предприимчивость и инициативу в области горного и заводского дела Донецкого бассейна.

Далее...

«Обязательные постановления совершенно не различают предприятия уже функционирующие от предприятий только возни-

кающих и не успевших еще достаточно оборудоваться. В настоящий момент, когда все усилия должны быть направлены на возможно большее развитие производительности, невозможно требовать, чтобы вновь возникающее предприятие обзаводилось сразу банями, больницами, бараками и т. д.». Нельзя требовать не от одних только вновь возникающих предприятий... «Невозможно пред'являть все требования обязательных постановлений к немедленному исполнению на уже существующих предприятиях, которые не имеют рабочих жилищ, бань и других приспособлений, отвечающих требованиям обязательных постановлений, ибо немедленная перестройка этих приспособлений не может быть выполнена в настоящее время»...

«Надо сказать, — говорится в «Записке», — что естественный процесс развития культурного благоустройства (!) на южных горных предприятиях совершается вполне нормально (!) в соответствии с потребностями жизни (!!) вне всякой зависимости от воздействия административного принуждения»... Каково это «нормальное» развитие «культурного благоустройства», — я имел случай показать выше.

Далее следуют жалобы на то, что правила нелепы, что § 6 правил, например, обязывает соблюдать чистоту в рабочих помещениях...

«Очевидно, — говорится в «Записке», — что эти и подобные им требования, по самому их существу, относятся не к промышленникам»... Не к промышленникам относится и требование донских обязательных постановлений, — что «для умывания и хозяйственных надобностей должно быть достаточное количество воды» [1]). А между тем невыполнение этих пунктов грозило трехмесячным тюремным заключением или штрафом до 3.000 руб.

«Ограничивая вопрос обстоятельствами настоящего момента,—отмечает доклад,—Совет с'ездов представил вышеизложенное для того, чтобы выяснить те помехи и затруднения к развитию промышленности, которые создаются указанными обязательными постановлениями... Вообще представляется ненормальным, что промышленные предприятия занимаются не своей непосредственной промышленной работой, а лечением рабочих (!!), борьбой с эпидемией и т. д.», что собственно, — видите ли, — должно делать земство...

«Ввиду изложенного, — заканчивается «Записка», — Совет с'езда горнопромышленников юга России ходатайствует... об ока-

[1]) Вопрос о снабжении водою являлся одним из острых вопросов на многих предприятиях Донецкого бассейна. Часто воды доставлялось рабочим так мало, что нечем бывало умыться, и люди, вылезшие из шахт, черные, как негры, оказывались бессильными выполнить элементарные требования гигиены. Случалось, что нечем было утолить жажды... Особенно страдали рабочие от всего этого в летнюю пору. *Лев Л—н.*

зании содействия к тому, чтобы означенные обязательные постановления были отменены. Если же это будет признано невозможным, Совет с'ездов просит оказать содействие, чтобы действие означенных обязательных постановлений было приостановлено на время войны»... В худшем случае—Совет с'ездов просит пересмотреть их в совещании с участием представителей Совета с'ездов.

Не правда ли — недурная иллюстрация к главе о санитарном состоянии горно-заводских предприятий юга России до Октября 1917 года?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТРУД И БЫТ ГОРНЯКА ДОНБАССА ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.

Мы не станем подробно останавливаться на всех этапах борьбы, страданий и лишений, пройденных рабочими Донбасса с Октября 1917 года по наши дни. Это отняло бы много времени и места. Дать картину борьбы шахтеров Донбасса с белыми, с голодом и холодом, борьбы за уголь и антрацит — в данный момент не в наших силах.

Бои... Первые трудармии, шедшие в глубокие шахты, как в окопы... Полуголодный паек... Несвоевременная выплата зарплаты. Падающая валюта. Через все это прошел стойко и безропотно донецкий шахтер, понимая, за что он страдает и целиком отдавая себя на борьбу с белыми и немцами, на борьбу с помещиком и шахтовладельцем...

Набросаем отдельные штрихи этой борьбы и этих лишений. 1920 год... В ряде районов ставятся на работу полки Донтрудармии. За неимением об'единенного армейского органа снабжения, плановое снабжение отсутствует. Очень плохо обстоит дело с обмундированием: на 12.006 чел. имеется: шинелей 3.458, гимнастерок — 8.645, шаровар — 8.645, обуви — 1.729. «Обмундированный имеет пару белья, шаровары, гимнастерку и что-либо на ногах. Плохо обмундированный имеет: или пару белья или гимнастерку и шаровары, но во всяком случае без обуви. Необмундированный — не имеет ничего, сохраняющего сколько-нибудь удобоносильный вид»[1]).

С продовольствием дело обстояло не лучше, чем с обмундированием. Трудчасти состояли на пайковом довольствии при Губвоенпродснабе. Вот как снабжался, например, 4-й трудполк, находившийся в наиболее благоприятных условиях. В мае-июне 1921 года им было недополучено: муки — за девять дней, сахару — за девять дней, мяса, рыбы — за 12 дней; жиров — за 35 дней; муки для заправки — за 35 дней... При этом крупа и овощи совершенно отсутствовали. «Вследствие слабости его аппарата и оторванности от частей, части армии, даже в наиболее благоприятные продовольственные моменты, голодали. Приварок

[1]) «Полгода». Доклад ЦПКП о каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за первое полугодие 1921 г., т. I, стр. 525.

совершенно отсутствовал, вследствие чего части, не имея горячей пищи, крайне изнурялись; среди них свирепствовала эпидемия цынги. Цынга захватывала наиболее ценные категории: подземников и грузчиков» [1]).

И при таких условиях люди работали не за страх, а за совесть. С января по июнь 1921 г. включительно ими добыто было 70.700 тонн угля; погружено в вагоны свыше 655.000 тонн; перевезено, перенесено, перегружено 326.600 тонн, а всего отработано 1.06 миллионов тонн угля [2]), причем были шахты, где трудармейцы давали больше добычи, чем рабочие Донбасса.

Условия работы горнорабочих мало чем отличались от условий работы трудармейцев. Ибо коренные шахтеры так же голодали, как голодали и трудармейцы. Во многих случаях в 1921 г. имели место длительные и частые перерывы в выдаче хлебного пайка, а если порой он и выдавался, то в очень уменьшенном размере и лишь рабочим, а не их семьям [3]).

Отчеты того времени пестрят жуткими телеграммами. Вот несколько их за май-июнь 1921 года: «Енакиевский горный район в критическом положении в отношении продовольствия. Добыча угля пала наполовину за недостатком продовольствия»... «Положение с продовольствием в Семейковском районе катастрофическое. Наладившаяся добыча пала. Неполучение продовольствия может повлечь остановку добычи и даже частичное затопление шахт». Марьевка. «В Бахмутском районе положение с хлебом катастрофическое. В связи с этим добыча сокращается». Кадиевка. «В Алмазном районе критическое положение с продовольствием. Рудники не работают». Гришино. «В районе полное отсутствие хлеба. Положение катастрофическое». Горловка. «В Екатериновском кусте полное отсутствие хлеба. В связи с этим добыча падает». Криндачевка. «В районе полное отсутствие хлеба». Бахмут. «Сегодня пятые сутки район не получает хлеба. Работы по добыче не производятся. Поддерживается только водоотлив, но и для водоотлива запасы хлеба иссякают. Остаток — на одни сутки. Надежды на получение районом хлеба — нет. Положение грозное» [4]).

Таких телеграмм со всех концов Донбасса можно было бы привести чрезвычайно много. Но мы ограничимся только еще одной — полной отчаяния. Вот она: «Продовольственное положение остается уже третью неделю катастрофическим. Работает водоотлив. Рабочие в отчаянии. Пытаются разобрать продсклады. Масса зарегистрированных случаев смерти от истощения. (Курсив мой. *Л. Л-н*). Неприбытие хлеба в ближайшие три дня может иметь непоправимые последствия» [5]).

---

1) «Полгода», стр. 526.
2) Там же, стр. 510.
3) Там же, стр. 88.
4) Там же, стр. 88.
5) Там же, стр. 89.

Рабочие и их семьи должны были получать паек по нормам. Эти нормы распределялись на четыре категории: для семей рабочих, для рабочих поверхностных, для рабочих подземных и для забойщиков. Вот эти нормы:

В килограммах в месяц.

Название продуктов	Норма для семей	Для поверхностных	Для подземных	Для забойщиков
Хлеб	12,35	18,5	24,5	30,7
Мясо-рыба	0,8	1,6	2,0	3,0
Масло	0,2	0,3	0,3	0,6
Крупа	1,6	1,0	2,0	3,0
Сахар	0,2	0,2	0,4	0,8

Овощи, приварок — отсутствовали. И поскольку они отсутствовали,—даже выданная полностью норма была голодной нормой, особенно при тяжелом подземном труде. Но, как мы видели из телеграмм, — эта голодная норма не выдавалась. Вот цифры, указывающие, какой процент нормы получали рабочие бассейна в месяц.

В июне по всему бассейну было: забойщиков 14.144; прочих подземных рабочих — 38.795; поверхностных рабочих — 75.718; а всего 128.657 чел. При них членов семей — 366.804 чел. В среднем приходилось почти 3 едока на каждого рабочего. Естественно, что усиленный паек подземника шел в общий семейный котел и изнуренный каторжным подземным трудом рабочий оставался полуголодным, как и вся семья. И вот в июне 1921 г., например, по всему бассейну было выдано: хлеба — 61%, масла — 80%, крупы — 9,2% к норме. И только мяса дали 114%, да сахару 229% нормы. Но так как сахар в пайке составлял от 200 до 800 граммов, то, конечно, он ни в какой мере не компенсировал недодачу хлеба, крупы и масла и полное отсутствие овощей и других приварков [1]).

Подводя все эти итоги, составители отчета пишут: «каким мужеством, какой энергией должны обладать все те забойщики, саночники, подрывные и т. д., все горнорабочие вообще, которые, несмотря на голод, истощение, не уходят с шахт, а работают почти исключительно из чувства долга, дабы сохранить свою Рабоче-Крестьянскую Республику» [2]).

И это мужество донецкого шахтера, граничившее с героизмом, было поистине изумительно. Шахты покидались им лишь

[1]) Там же, стр. 90.
[2]) Там же, стр. 88.

тогда, когда приходили белые. Тогда работа умирала. Но стоило появиться красным частям, — и вновь закипала работа. Отмечая все это, составители отчета писали: «Одно можно с уверенностью сказать, — что ядро действительных горнорабочих, которое оставалось на рудниках при всяком экономическом положении Донбасса, которое сроднилось с предприятиями, это ядро сохранится, и его будет достаточно, чтобы при улучшившемся продовольственном снабжении Донбасса спасти положение до прибытия извне новых кадров рабочих»[1]).

Этот прогноз составителей отчета, как и руководителей Донбасса того времени, — оказался правильным...

Таковы картины жизни Донбасса первой половины 1921 г. И однако, несмотря на все ужасы голода, нищеты, вымирания— горнорабочие не сдавали позиций. С перебоями, со скрежетом зубовным, — они вели работы, они отстаивали шахты, они добывали уголь. За полгода — с января по июль 1921 г.—они добыли по бассейну 2.600.000 тонн[2]). Они сделали 16 миллионов 558 тысяч упряжек[3]). Правда, производительность труда на одну упряжку была крайне низка. Забойщик давал в среднем 1.949 *кг*, а вообще на рабочего приходилось 157 *кг* на упряжку. Но надо удивляться, что рабочие давали даже такую добычу в таких невероятно трудных условиях. И действительно, — только изумительным героизмом, только высоким пониманием своего долга можно об'яснить эту настойчивость донецкого шахтера в борьбе за Советскую Республику труда...

Вторая половина 1921 года и начало 1922 года принесли горнорабочим Донбасса некоторое облегчение. Специальная Полномочная Комиссия, прибывшая по постановлению СТО в сентябре 1921 г., установила новую систему оплаты труда, предусматривавшую в основном оплату труда продовольствием (и только в незначительной части — деньгами). Одновременно с этим было переброшено в Донбасс большое количество продовольствия, которое обеспечило рабочих до января 1922 г. и дало возможность значительно поднять добычу угля[4]).

Было достигнуто соглашение о включении в зарплату пяти основных продуктов питания: хлеба — 30,7 *кг*, круп — 1,6 *кг*, мяса — 3 *кг*, жиров — 0,8 *кг*, и сахару — 1 *кг* для первого разряда 17-разрядной тарифной сетки, с соотношением между разрядами 1 : 5. Стоимость этих продуктов по опубликованным Донецстатбюро рыночным ценам на 1 мая составляла 85% ставки трудящегося 1 разряда[5]). С января 1922 г. принцип оплаты был несколько изменен: продовольственная часть оплаты была со-

---

[1]) Там же, стр. 87.
[2]) Там же, стр. 61.
[3]) Там же, стр. 86.
[4]) «Каменноугольная промышленность РСФСР в 1921/22 операц. году», изд. ВСНХ, «Главное Управление по топливу», Москва 1922 г., стр. 53.
[5]) Там же, стр. 53.

кращена на 25%, а денежная повышена на 50%. Все эти мероприятия сильно ободрили горнорабочих. Число выходов значительно возросло. Возросла также, как видно из таблицы, и производительность труда.

	Годы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
Производит. забойщика в *кг*	1920	157	1.256	1.549	852	1.198
	1921	218	1.682	1.953	1.882	1.646
	1922	—	3.113	3.888	2.760	3.505
Производит. рабочего в *кг*	1920	139	172	238	131	175
	1921	178	221	244	222	186
	1922	339	365	423	286	358

В июне 1921 г. производительность забойщика равнялась 20,506 тонн в июле — 13,235 *т*, в августе — 17,953 *т*, но уже сентябрь дал 32,646 *т*, октябрь — 49,518 *т*, ноябрь — 55,808 *т*, и декабрь — 61,181 *т*[1]) против 22,884 *т* для октября, 27,798 *т* — для ноября и 29,403 *т* для декабря 1920 г.

В результате с октября 1921 г. по май 1922 г. включительно, за 8 месяцев, было добыто 5.082.000 *т* против 4.685.000 тонн, намеченных производственной программой, что составило 108,5% задания[2]). Это по сравнению с 1920 г. и началом 1921 г. было уже значительным достижением.

Но летние месяцы 1922 г. несколько поколебали относительно наладившуюся работу. Полевые работы оттянули часть рабочих кадров в деревню. Усилению отлива рабочих отчасти способствовала несвоевременная выплата зарплаты (мартовская задолженность по зарплате была ликвидирована лишь в июле месяце).

Как велика была тяга в деревню, можно судить по следующим цифрам: в начале года на копях рабочих (без служащих) числилось 116.662 чел., из которых 14.498 было забойщиков. К 1 сентября 1922 г. число забойщиков упало до 6.863 чел. при общем составе рабочих в 82.249 чел. В общей сложности за 8 месяцев 1922 г. бассейн потерял около $^1/_3$ наличного состава рабочих, в том числе больше 50% забойщиков[3]).

Но этот отлив носил временный характер. Уже к сентябрю приток рабочей силы снова усилился, чему отчасти способствовал новый колдоговор, заключенный в октябре. На 1 января 1923 г. в Донбассе уже имелось 114.719 рабочих, в том числе

---

[1]) Там же, стр. 107, приложения.

[2]) Там же, стр. 6.

[3]) «Каменноугольная промышленность Донецкого бассейна в 1922 г.». (Ежегодная статистика). Статотдел УГКПД—Б под редакцией К. Г. Максимова. Бахмут 1923 г., стр. 20.

13.131 забойщик. Соотношение между количеством забойщиков, подземников и поверхностных рабочих было таково:

Даты	В процентах		
	Забойщиков	Ост. подземн.	Поверхн.
1/I—1922 г.	12,4	37,9	49,7 = 100%
1/IX—1922 г.	8,3	33,9	57,8 = 100%
1/I—1923 г.	11,4	38,3	50,3 = 100%

Таким образом к январю 1923 г. в смысле рабсилы и соотношения отдельных ее частей было почти достигнуто равновесие...

На копях для подземников был введен шестичасовой рабочий день против $10^1/_2$-часового в дореволюционное время. И в результате — хотя месячная производительность рабочего и была еще почти вдвое ниже довоенной — месячная производительность забойщика достигла почти довоенных размеров [1]):

Годы	Месячная производительность 1 рабочего	Месячная производительность 1 забойщика
1913	763	3.550
1915	750	3.000
1917	450	2.300
1919	258	1.566
1921	233	1.959
1922	326	3.116

Таким образом производительность труда рабочего оказалась равной 42—43% довоенной, а производительность труда забойщика — 88% довоенной.

Очень высоко было в 1922 г. и количество выходов. Средняя за 5 месяцев, от августа по декабрь, составляла от 80,2 до 83,2% нормального числа выходов (этот процент — не ниже довоенного).

Только большой сознательностью донецкого шахтера можно об'яснить такую напряженную работу. Ибо в 1922 г. зарплата все еще была катастрофически низка и притом выдавалась она несвоевременно.

Два главных момента можно отметить на протяжении 1922 г. в системе оплаты труда: в период с января по июнь оплата про-

[1]) Там же, стр. 20.

изводилась главным образом натурою и в период июнь—декабрь—деньгами, при необязательном со стороны УГКП отпуске продовольствия. Каждый из этих периодов делится на две части: а) в январе-феврале продолжалась оплата труда по системе, применявшейся в конце 1921 г., т.-е. оплата производилась натурой, при неограниченной оплате переработка, причем денежная часть оплаты составляла около 7% заработка; б) с февраля—мая размер натуроплаты был уменьшен и одновременно с этим была увеличена денежная оплата по тарифной сетке в совзнаках, без надбавки на падение курса рубля и в) октябрь—декабрь—оплата труда изменилась в зависимости от изменения курса рубля [1]).

Заработок горнорабочих в этот период был очень мал, причем выдавался он с большим опозданием. Январскую зарплату горнорабочие получали в 1922 г. в два срока: в марте и апреле; февральскую и мартовскую — в мае-июне; апрельскую — в июне и июле; майскую — в июле и августе; июньскую — в конце августа; июльскую — в сентябре; августовскую — в октябре и т. д... декабрьскую зарплату они получили лишь в феврале 1923 г.[2]).

В 1916 г., по данным горнопромышленников, средний заработок горнорабочего по Донбассу равнялся 36 рублям. Мы знаем, что этот заработок позволял сводить концы с концами лишь холостым, семейные рабочие этой возможности не имели [3]). Еще труднее было свести концы с концами горнорабочему Донбасса в 1922 г. По общедонецкому индексу он получал номинально в октябре 21,9 советских рубля, в ноябре—20,6 товарных рубля и в декабре — 23,8 товарных рубля, что по индексу Госплана равнялось в среднем 25,8 руб.[4]). Но, повторяем,—фактически, благодаря несвоевременной выплате, — он получал едва ли 50% этой суммы. И однако шахты работали почти без перебоев. Люди под руководством компартии честно и беззаветно несли свой напряженный труд на укрепление Соввласти.

Невзирая на тяжесть условий работы в 1922 г., из 294 рабочих дней в году в среднем все категории рабочих сделали 286,7 выходов на одного человека, что составляло 98% выходов против 250 выходов 1921 г., причем забойщики сделали из них 207 на человека, или 88%, против 170 выходов в 1921 г.[5]).

Вот как обстояло дело с оплатой труда горнорабочих в этот период по отчету Донецкого губотдела Всероссийского союза горнорабочих за 1922 год: «Вопросы оплаты труда (летом 1922 г.) приобрели сугубую остроту. В то же время отсутствие ресурсов не давало возможности реально улучшить материальное положение горнорабочих. Приходилось прибегать к паллиативу», каковым было систематически проводившееся понижение «отпускных

---

1) Там же, стр. 23.
2) Там же, стр. 25.
3) См. Лев Либерман. «Угольное Царство», часть 1.
4) «Каменноугольная промышленность», стр. 25.
5) Там же, приложение, табл. № 69.

цен на продовольствие»[1]), что относительно повышало зарплату рабочих более низкой квалификации, у которых в заработке преобладала натуральная часть[2]).

В октябре 1921 г. забойщики получали лишь 18% своего довоенного заработка, что было чрезвычайно мало. В 1922 г. заработок забойщиков по сравнению с 1921 г. слегка повысился. Но и в 1922 г. он, повторяем, был слишком низок. Номинальная зарплата в товарных рублях для осени и зимы 1922 г. и начала 1923 г. уже значительно выше: в октябре забойщики получали номинально 38 р. 50 к., в ноябре — 30 руб., в декабре — 33 руб., наконец в январе 1923 г. 26 р. 80 к. В то же время сдельные подземные рабочие получали: в октябре — 27 руб, в ноябре 22 р. 80 к., в декабре — 27 р. 40 к. и в январе — 23 р. 80 к., а поверхностные за те же месяцы от 11 руб. 40 коп. до 16 руб. 50 коп.[3]). Но фактически заработки эти значительно снижались, как мы видели выше, в силу оттяжки сроков выдачи денежной части заработка. Урезывались они и в натуральной своей части, благодаря снижению официального курса товарного рубля. Таким образом реальная зарплата за те же месяцы была для забойщиков: в октябре 1922 г. — 22 р. 20 к., в ноябре — 22 р. 80 к., в декабре — 17 р. 10 к. и январе 1923 г. — 12 р. 50 к.; для сдельных подземных — 16 р. 80 к. в октябре, 16 р. 60 к.— в ноябре, 14 р. 20 к. — в декабре и 11 р. 10 к. — в январе. Наконец поверхностные рабочие получали реально: в октябре — 10 р. 20 к., в ноябре — 8 р. 70 к., в декабре — 7 р. 80 к. и январе 1923 г.— 7 р. 60 к. в товарных рублях[4]).

Даты	Месячная реальная зарплата			
	Забойщики	Остальные подземные	Поверхностные	Служащие
Октябрь 1922 г.	22,2	16,8	10,2	15,3
Ноябрь » »	22,8	16,6	8,7	17,3
Декабрь » »	17,1	14,2	7,8	14,2
Январь 1923 »	12,5	11,1	7,6	11,9

Таким образом, по отношению к средней зарплате горнорабочих, составлявшей в 1914 году 36 рублей,—реальная зарплата горнорабочих осенью-зимой 1922 г. и в начале 1923 года достигла 30%.

---

[1]) Отчет Донецкого губотдела Всеросс. союза горнорабочих за 1922 г., изд. Донгуботдела «ВСГ». 1923 г., стр. 83.

[2]) Отчет Донецкого губотдела Всеросс. союза горнорабочих за 1922 г., изд. Донгуботдела ВСГ 1923 года, стр. 83.

[3]) Там же, стр. 89.

[4]) Там же, стр. 91.

И хотя и эти цифры еще очень низки, но все же зарплата почти вдвое повысилась по сравнению с октябрем 1921 г. [1]).

В общей же сложности, учитывая все категории рабочих, — в среднем на одного человека заработки горнорабочих в эти месяцы были: в октябре — 12 р. 73 к., в ноябре — 17 р. 19 к., в декабре — 16 р. 50 к. и в январе 1923 г. — 11 р. 98 к. [2]).

На этом уровне реальный средний заработок горнорабочих удержался вплоть до октября 1923 г., как это видно из нижеследующей таблицы [3]):

Месяцы 1923 года	Средний месячный заработок одного рабочего			
	По курсу дня номинально		Реальный заработок	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Январь	20	83	11	98
Февраль	21	24	12	09
Март	23	45	14	55
Апрель	21	83	13	13
Май	26	32	13	39
Июнь	26	14	12	84
Июль	25	95	11	58
Август	28	53	10	83
Сентябрь	27	89	11	35

Само собою разумеется, что эта реальная зарплата была далеко недостаточна. В самом деле: из данных обследования бюджетов рабочих и служащих к началу 1923 года видно, что бюджет одиночки-горнорабочего в этот период был равен по Донбассу в московских товарных рублях 25 р. 98 к., а бюджет семьи исчислялся в сумме 38 р. 31 к., причем на взрослого едока как семейного, так и одинокого в среднем приходилось 13 р. 68 к. (из этой суммы 3 р. 91 к. натурою [4]). Эта сумма распадалась на такие составные части: 10 р. 37 к., или 75,8%, приходилось на зарплату, 27 коп., или 2%, — на приработок, 78 коп., или 5,7%, — на продажу и обмен имущества и продовольствия. 34 коп., или 2,5%, занималось в долг; 21 коп., или 1,5%, получалось в качестве дохода от собственного хозяйства; 72 коп., или 5,3%, составляли различные поступления, и, наконец, 99 к., или 7,2%, — поступали из запасов и сбережений [5]). Таковы дан-

[1]) Там же, стр. 92.

[2]) Отчет Управления Государственной каменноугольной промышленности Донбасса за операционный 1922/23 год. Изд. в Харькове, стр. 24.

[3]) Там же, стр. 24. См. также отчет Донгуботдела ВСГ за 1923 г., Бахмут 1924 г., стр. 156—179.

[4]) С. Г. Поллак. «Бюджет рабочих и служащих к началу 1923 г.» М. 1924 стр. 4.

[5]) Там же, стр. 11.

ные о результатах изучения бюджетов 356 семейных и 53 одиночек рабочих Донбасса [1]).

В конце 1923 г. имело место некоторое повышение реального заработка горнорабоих Донбасса. Так, по данным губотдела ВСГ, разработанным особенно полно [2]), эти заработки определялись следующими цифрами:

Месяцы 1923 г.	По всему Донугл ю											
	Забойщики				Подземные				Поверхностные			
	номин. зар.		реальн.		номин. зар.		реальн.		номин. зар.		реальн.	
	тов.р.	черв.	тов.р.	черв.	тов.р.	черв.	тов.р.	черв.	тов.р.	черв.	тов.р.	черв.
Октябрь . . .	42,95	67,00	19,71	30,35	28,95	45,00	13,28	20,38	22,50	35,30	10,32	15,99
Ноябрь	25,53	36,31	19,50	36,31	18,07	27,75	—	27,75	14,62	22,49	12,11	22,49
Декабрь . . .	20,80	32,00	14,76	32,00	17,16	26,41	12,21	26,10	14,23	21,89	10,88	21,89

Из этих цифр видно, что реальная зарплата горнорабочего заметно увеличилась не только по сравнению с 1921 г., но и с 1922 г. Достигнуты были успехи не только в смысле повышения реальной зарплаты, но также и в отношении более своевременной ее выплаты. Если в 1922 г., как это мы видели выше, выплата заработка часто оттягивалась на 2—$2^1/_2$ месяца, то в 1923 г. эти оттяжки в среднем свелись к одному месяцу. Так, за февраль 1923 г. выплата произведена была в течение марта, за октябрь — в половине ноября, за ноябрь — в средине декабря и за декабрь — частью в декабре же, а остаток был выплачен 12 января 1924 г. [3]).

Дело оздоровления оплаты труда горнорабочих еще более продвинулось вперед в течение 1924 г. Оплата выросла не только номинально, но возрос также и ее реальный размер. Вот как рисуется положение с оплатой по отчету Донецкого губотдела Всероссийского союза горнорабочих (см. табл. на стр. 95).

Из приведенной таблицы видно, что по сравнению с 1921—1922 гг. размер реальной зарплаты значительно возрос несмотря на то, что рабочий день для подземников к этому времени был сведен до 6 часов вместо $10^1/_2$ часов в дореволюционное время, а рабочий день поверхностных горнорабочих снижен до 8 часов

---

[1]) Там же. По данным обследования,—на семью в среднем приходилось 4,15 души, что в переводе на взрослого едока давало 2,93 чел. При этом в семье значилось в среднем 1,37 работника, и на работника приходилось 2,14 едока. *Л—н.*

[2]) Отчет Донгуботдела ВСГ за 1923 г., изд. 1924 г. Бахмут, стр. 166—167. Нужно отметить, что данные отчета этого несколько расходятся с данными «Отчета за 1923/24 год Донецкого государственного каменноугольного треста», изд. Донугля. Харьков 1925 г., стр. 23—24. *Л. Л—н.*

[3]) Там же, стр. 158.

против 12 часов до революции (включая $1^1/_2$-часовой отдых, который рабочие проводили в подземном царстве, без солнца, света, и воздуха).

Месяцы 1924 г.	Забойщик		Рабочий	
	Черв. руб.	Бюдж. руб.	Черв. руб.	Бюдж. руб.
Январь	38,43	14,39	27,75	10,39
Февраль	47,71	18,78	33,45	13,13
Март	46,84	19,19	35,19	14,42
Апрель	41,00	18,06	30,87	13,60
Май	45,81	19,17	31,19	13,05
Июнь	44,04	17,20	32,66	12,75
Июль	48,25	16,55	34,36	11,89
Август	47,06	18,17	35,50	13,71
Сентябрь	49,80	22,84	35,77	16,40
Октябрь	47,68	21,97	34,65	15,33
Ноябрь	37,59	18,14	37,87	12,21
Декабрь	41,89	20,45	30,10	14,55

Но рост зарплаты горнорабочих все же значительно отставал от роста зарплаты рабочих других отраслей промышленности. Так, если принять средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в 1913 г. за 100%, то средний месячный заработок рабочих различных категорий выразится следующими цифрами:

Средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в процентах к месячному заработку 1913 г. = 100%.

Производственные группы	I квартал 1922/23 г.	1923 г.		1924 г.		Средняя 1923/24 г.	За I кварт. 1924/25 г.
		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		
По всей промышленности	42,0	59,9	66,9	67,0	75,0	67,2	78,9
В том числе:							
По горной промышленности	39,9	38,2	45,8	48,8	54,0	46,7	52,8
» металлообрабат.	32,5	46,7	50,6	52,1	58,7	52,0	64,6
» текстильной	43,7	81,0	88,9	83,9	94,3	87,0	96,2
» химической	60,3	75,7	80,2	79,5	94,2	82,4	100,9
» кожевенной	47,9	91,0	102,3	94,7	101,5	97,4	112,7
» полиграфической	51,3	82,4	91,4	95,3	98,6	91,9	106,1
» пищевкусовой (табачной, пивоварен., кондитерск.)	80,6	109,2	110,7	112,5	128,7	115,3	143,2
» писчебумажной	55,4	87,9	105,9	97,5	106,2	99,4	111,6
» деревообделочной	62,5	88,5	78,4	79,4	91,5	84,5	97,6

Эта таблица с большой наглядностью показывает, что горная промышленность в смысле оплаты труда все время значительно отставала от других отраслей. Естественно, — это не могло не вызывать конфликтов. Но количество этих конфликтов крайне мало и по числу участников и по их длительности. Так, в 1922 г. по всему союзу произошло 446 стачек, с общим числом участников в 192.000 человек. В 1923 г. их числилось 381, с числом участников в 165.000, при средней продолжительности стачек в 1922 г. в 3,1 дня, а в 1923 г.—2,2 дня против 5,6 дня в среднем в дореволюционное время [1]).

В Донбассе за 1923 г. не было ни одной полной забастовки, которая охватила бы не только весь бассейн, но даже одно предприятие целиком. Во всех забастовках, которых в 1923 г. было несколько, — число участников колебалось от 20 до 50% всего числа рабочих тех шахт, где забастовки происходили. И лишь в редких случаях забастовки сопровождались приостановкой работ.

Более сознательная часть рабочих в забастовках участия не принимала [2]). В 1924 г. «острых конфликтов, которые можно было бы квалифицировать как забастовки», совсем не было. «На протяжении первой половины 1924 года были случаи кратковременных невыходов на работу отдельных групп рабочих», — но и их было всего 8, причем 3 из них произошли на мелких шахтенках, арендованных частными горными предпринимателями. «Во второй половине 1924 года, когда экономическое положение рабочих улучшилось еще более, — случаев невыхода на работу уже не наблюдалось» [3]). Да и в имевших место восьми случаях участвовали всего 355 рабочих на весь Донбасс [4]). В эти годы были лишь отдельные конфликты с отдельными рабочими или отдельными группами рабочих. Таких конфликтов было довольно много, да и не могло не быть при той нищенской оплате, какую получали рабочие Донбасса. В 1923 г. конфликтов было 4.233 со средним числом участников в 9 чел., причем 66% из них произошли на почве недовольства зарплатой. Из них РКК было разрешено полностью в пользу рабочих 46,3%, частично — 17,2% и не в пользу рабочих 33,9%. На рассмотрение в высшие инстанции поступило лишь 2,6% конфл. [5]). В 1924 г. конфликтов было 5.363, со средним числом участников в 5 чел., в том числе конфликтов на почве зарплаты — 67,2%. Из них РКК разрешили полностью в пользу рабочих 52%; частично в пользу рабочих — 14% и не

---

[1]) Там же, стр. 83—84.

[2]) Отчет Донгуботдела за 1923 год, стр. 183.

[3]) Отчет Донгуботдела за 1924 г., стр. 53.

[4]) Там же, стр. 54.

[5]) Отчет Донгуботдела за 1923 г., стр. 181—183.

в пользу рабочих — 31%. В высшие инстанции поступило лишь 3% всех конфликтов[1]).

* * *

За последние 5—6 лет лицо Донбасса, а вместе с ним и условия труда и быта шахтера сильно изменились. Прежде всего значительно изменились условия подземного труда шахтера. На смену забойщику идут пневматические молотки и врубовые машины. На смену саночнику—конвейер и скрепер. На смену вагонщику и коногону—электровоз. Все эти виды механизации копей, облегчая труд шахтера, требуют одновременно привлечения ряда рабочих высокой квалификации.

Врубовая машина.

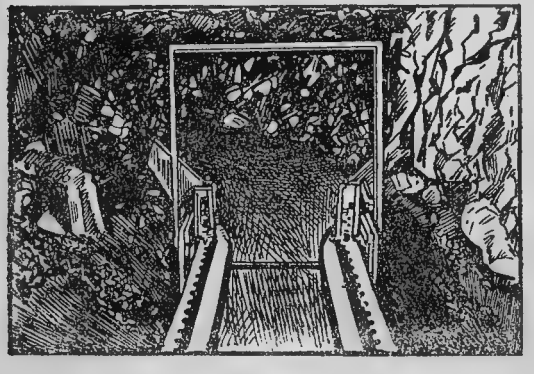
Механизация копей Донбаса проводится пока еще довольно медленно, но ее значение возрастает с каждым годом. Вот цифры внедрения врубовых машин и роста производительности каждой машины за последние годы:

Годы	Число тяжелых врубовых машин в среднем в год	Годовая производительн. одной врубовой машины в тоннах в год
1922/23	32,0	6.264
1923/24	36,0	7.541
1924/25	48,0	10.682
1925/26	90,0	13.007
1926/27	225,0	14.196
1927/28	348,5	14.300

Итак за шесть лет, с 1922/23 по 1927/28 г. включительно, число тяжелых врубовых машин (легкие у нас применяются мало) выросло с 32 до 348, т.-е. в 10,9 раза, причем годовая производительность каждой машины увеличилась с 6.264 до 14.300 тонн,

[1]) Отчет Донгуботдела за 1924 год, стр. 53.

или почти в $2^1/_2$ раза. Вся же добыча врубовых машин за год по всем рудникам Донбасса возросла с 200 тыс. тонн для 1922/23 г. до 5.515 тыс. тонн для 1927/28 г., увеличившись за шесть лет в 27,5 раза!.. При этом нужно отметить, что отношение ее ко всей добыче Донбасса с 3,3% возросло до 22,9% [1]) по всем видам угля. По антрацитам же, наиболее твердым из углей и в силу этого наиболее требующим механической вырубки,— уже в 1926/27 г. было добыто врубовыми машинами 33,2%, т. е. треть всего добытого в этом году в бассейне антрацита.



Конвейер.

Для уяснения роли врубовой машины на копях Донбасса в будущем приведем еще несколько цифр. В то время как производительность забойщика в 1927/28 г. была равна 681,8 тонны [2])— врубовая машина в том же году в среднем дала 14.300 тонн, заменив собой, следовательно, 20 с лишним забойщиков каждая. 348 машин в 1927/28 г. заменили собою таким образом свыше 6.960 забойщиков, что к общему числу этой категории шахтеров, равному к началу 1927/28 г. 25.028 чел. [3]), составляет 27,8%. И это достигнуто при далеко не полной нагрузке машин. Ибо средняя месячная производительность машин равна 898 $м^2$, тогда как в Руре в 1927 г. зарубка таких же машин давала 1.680 $м^2$, или почти вдвое более, чем у нас...

Конечно, пока это только первые шаги. За рубежом врубовые машины используются в более широких размерах. Так, в Америке тяжелых врубовых машин в 1923 г. числилось 21.229 только по мягким углям и ими было вырублено 66,8% всей добычи, а в Руре в 1926 г. имелось 683 машины, при помощи которых было добыто 67,4% всей добычи на этот год [4]), но если учесть быстроту внедрения механизации в наших копях за указанные выше 6 лет, — то можно с уверенностью сказать, что в ближайшие 5 лет мы в этой области не только догоним, но и перегоним и Европу и Америку.

---

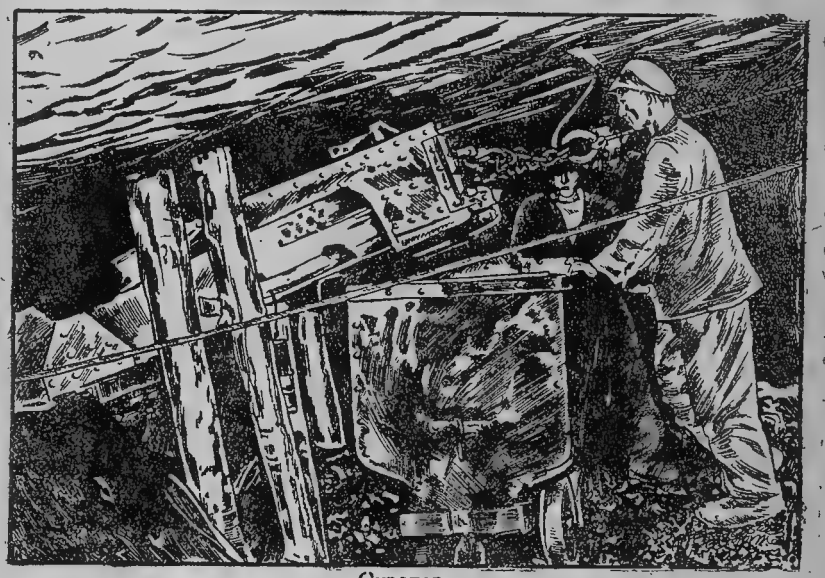
[1]) А. Д. Ратнер и Б. П. Решке. «Каменноугольная и антрацит. промышленность Донецкого бассейна», под ред. С. А. Гецова. Изд. Донугля 1908 г., стр. 16. Данные за 1927/28 г. взяты по контрольным цифрам.

[2]) Там же, стр. LV приложений, таблица 59.

[3]) Там же, таблица 46.

[4]) Там же, стр. 16.

Правда, есть у нас и своя «ахилесова пята», свое «узкое место» в механизации. Это — разрыв между механической вырубкой угля и его механической доставкой. В то время как выработка врубовых машин для 1927/28 г. достигла 5.515 тыс. тонн, — механизированная доставка охватила лишь 4.027,9 тыс. тонн, или 73,2% ее, но по сравнению с предыдущими годами — это тоже огромное продвижение вперед, ибо в 1925/26 г. механическая доставка составляла лишь 11,6% механической добычи, а в 1926/27 г.—29%[1]). К этому нужно добавить, что механическая доставка развивается пока главным образом за счет вытеснения адского труда саночника, работа же вагонщика и коногона мало еще выиграла от механизации: в 1926/27 г. на весь Донбасс



Скрепер.

работало лишь 10 электровозов, а в 1927/28 г. их было 13, причем в этот последний год из всей механизированной добычи в 5.515 тыс. тонн ими было вывезено лишь 930 тыс. тонн, т.-е. менее $^1/_6$ части...

Чтобы окончить с механической добычей, отметим ее место в общей добыче Донбасса. В 1927/28 г. она еще занимала очень незначительное место, составляя 5.515 тыс. тонн из 24.523 тыс. тонн всей добычи, или 22,8%. Однако и эта цифра четко намечает перспективы ближайших лет.

Но если сейчас уже многое изменилось в области труда в связи с механизацией, то еще более значительны перемены в области техники безопасности.

---

1) Там же, стр. 16.

Овладев Донбассом, Советская власть провела целый ряд мероприятий для охраны жизни и здоровья работающих в копях. Вначале это были «неписанные законы», а затем они вылились в «Правила безопасности при ведении горных работ», утвержденные НКТ и ВСНХ СССР 25 ноября 1924 г. за № 480/88[1]). Эти правила предусматривали целый ряд мер охраны труда шахтера, — и неуклонное проведение их в жизнь не замедлило дать свои результаты.

Выше мы показали, как велико было до революции число несчастий с шахтером. Не менее 50% этих случаев, как мы видели, не регистрировались. Регистрировались лишь те несчастные случаи, которые нельзя было скрыть (смерть или тяжелое ранение).

С приходом Советской власти, с введением страхования рабочего — началась регистрация каждого несчастного случая. Учитывается каждый выбывший из строя на 2—3 дня.

Правда, и до сих пор регистрация несчастных случаев страдает немалыми погрешностями. Так, данные Главсоцстраха и ВУК союза горнорабочих сильно расходятся. Главсоцстрах не в состоянии учесть, сколько несчастных случаев приходится в отдельности на травматизм промышленный и бытовой: в статистике некоторых рудоуправлений фигурируют еще случаи неизвестного характера[2]),— но при всем этом «утечка» весьма незначительна и ею можно пренебречь в нашей работе.

Напомним некоторые цифры из данных о тяжелых увечьях и смертности с 1904 по 1913 г. Согласно этих данных, число смертных случаев на копях Донбасса колебалось от 2 до 5 чел. на тысячу, давая в среднем за 10 лет 2,6 на тысячу. Тяжелые увечья приходились от 8,5 до 30 на 1.000, давая среднюю за 10 лет — 17,8 чел. на 1.000 пострадавших. Общее же число несчастий, попадавших в регистратуру, составляло 330,2 случая на 1.000, причем, как мы видели, приблизительно 45% из них в регистратуру не попадало.

С приходом и укреплением Советской власти картина в значительной степени меняется. В 1922/23 г. мы имели уже 141 несчастный случай на 1.000, в то время как до революции их было 330 на тысячу; из них смертных — 1,14 против средней в 2,6 на тысячу для 1904—1913 гг. и тяжелых—12,4 против 17,8 дореволюционного десятилетия. А затем и число смертных и число тяжелых несчастных случаев начинает снижаться. Для 1923/24 г. мы имели уже 1,15 смертных и 3,95 тяжелых случаев на тысячу для 1924/25 г.— 1,1 смертных и 3,8 тяжелых, для

---

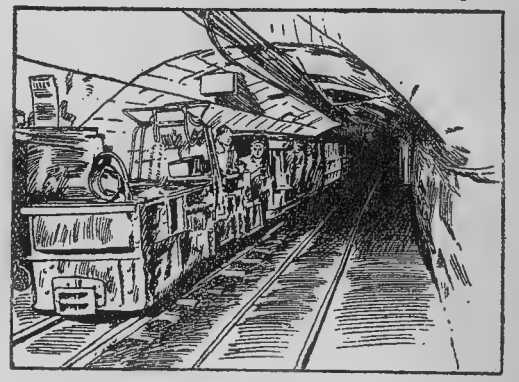
[1]) «Законодательство по технике безопасности и промышленной санитарии». Сборник действующих постановлений, изд. «Вопросы Труда», Москва 1928 г, стр. 219—315.

[2]) В. П. Машкевич. «Травматизм в каменноугольной промышленности Донецкого бассейна». См. сборник «Вопросы техники безопасности и травматизма в горной промышленности СССР», изд. «Вопросы Труда» 1928 г., стр. 35.

1925/26 г.—1,31 смертных и 4,89 тяжелых[1]). Таким образом понижение количества смертных случаев и тяжелых увечий огромное.

Правда, число легких несчастных случаев почти не понижается. Оно колеблется от 127,46 для 1922/23 г. до 221 на тысячу для 1925/26 г., но это об'ясняется, как я уже говорил выше, более четкой и точной регистрацией всех легких повреждений, полученных шахтером, которые ранее в регистрацию не попадали.

Из пооктябрьских лет резко выделяется 1925/26 г., давший шесть массовых несчастных случаев и унесший 12 жизней, при 23 ранениях. Это — две аварии с клетью, принесшие 7 смертей и 6 ранений; обрыв каната, в результате которого оказался 1 убитый и 4 раненых, два удара клети, ранившие 13 чел., и, наконец, обрушение угля в скате, унесшее 4 жизни. Этих случаев могло не быть и не должно было быть при более строгом проведении в жизнь правил безопасности и более тщательном надзоре. В этом случае, следовательно, имеется доля вины администрации рудников. Зато в области постановки вентиляции в шахтах наблюдается колоссальное улучшение, в результате чего значительно снизилось количество взрывов рудничного газа.



Электровоз в шахте.

Выше мы уже говорили о наиболее крупных взрывах и о числе унесенных ими жертв. Приведем еще несколько случаев. В 1908 г. имело место 5 взрывов, стоивших пролетариату Донбасса по официальным данным (а мы знаем, что этим данным нельзя вполне верить) 288 жизней и 24 инвалидов. В 1909 г. два взрыва газа и одна вспышка угольной пыли дали 26 убитых и 7 тяжело раненых. В 1910 г. в результате трех взрывов газа было 15 убитых и 3 тяжело раненых. В 1912 г. — два взрыва — 56 убитых и 11 тяжело раненых; в 1913 г. — один взрыв — 7 убитых и 11 тяжело раненых; в 1914 г. — один взрыв — 24 убитых и один раненый. Кроме того с 1904 по 1915 г. мы имели 8 обрывов каната, стоивших 21 жизнь и 29 тяжелых ранений; 4 взрыва котла дали 16 убитых и 9 тяжело раненых, затем имела место целая серия обвалов, затоплений и т. д.[2]).

---

[1]) Там же, стр. 37.
[2]) Там же, стр. 41—42.

Неожиданные выделения газа и взрывы его имеются и у нас. Но, благодаря хорошей вентиляции и улучшенному ламповому хозяйству они имеют очень ограниченную сферу действия, отличаются незначительной силой и либо совершенно обходятся без жертв, либо дают 1—2 раненых. Так, в ноябре 1925 г. на шахте № 1 Горловского рудоуправления произошло внезапное выделение газа. Обошлось без жертв. В ноябре того же года на шахте № 3 Юрго-Чистяковского рудоуправления взрыв газа не дал ни одной жертвы. В декабре на шахте Артемовского окрисполкома взрыв дал всего 2 раненых и ни одного убитого. В том же декабре внезапное выделение газа на Горловском руднике № 1 обошлось без жертв, а взрыв газа на шахте № 14 Ирминского рудоуправления дал только одного раненого. В марте 1926 г. внезапное выделение газа на шахте № 3/16 Петровского рудоуправления обошлось совершенно без жертв, в сентябре того же года взрыв газа на шахтенке Артемовского округа также обошелся без жертв. Без жертв обошлись пять подземных пожаров и пожаров ствола шахты. И только 2 взрыва котла в эти два года стоили жизни 2 чел., да один человек погиб при внезапном прорыве воды.

Все это указывает на несомненное улучшение постановки вентиляции, а также на значительное улучшение лампового хозяйства. На копях Донбасса совершенно запрещены и вышли из употребления открытые лампы, еще встречавшиеся до революции на копях с небольшой глубиной. Всюду введено достаточное количество ламп бензиновых-пламенных. Все ламповые отделения на шахтах снабжены достаточным количеством необходимых материалов для ремонта и заправки ламп. Улучшена самая система бензиновых ламп Вольфа, что ослабляет риск взрыва. А с 1926 г. усиленно производится оборудование ламповых на особенно опасных по газу шахтах электрическими аккумуляторными лампами. В некоторых округах Донбасса (Сталинском, например) число аккумуляторных электрических ламп достигло 45% общего числа ламп. Преимущества этих ламп перед бензинками заключаются в большей силе света, дающей возможность яснее видеть окружающее; кроме того они исключают возможность разрушений стекла от неравномерного нагревания при наклонном положении, а следовательно, уменьшают риск взрыва. Электрическая лампочка горит совершенно одинаково как в стоячем, так равно и в лежачем положении. Кроме того при внезапных выделениях газа электрическая лампочка, поскольку она не реагирует на сильное колебание воздуха, не гаснет и дает возможность ориентироваться в насыщенной угольной пылью атмосфере [1]).

На лампы, на освещение копей Донбасса тратится довольно много, но эти затраты составляют лишь незначительную долю того, что расходуется Советской властью на технику безопасности.

---

1) О лампах смотри: 1) «Труды I Всесоюзного с'езда горнорабочих». 2) Биленко. «Травматизм в горной промышленности». 3) Трофимович. «Система лампового хозяйства».

Так, в 1927/28 г. трестами: Донуглем, Химуглем, имеющей коли Югосталью и др. на охрану труда и технику безопасности было ассигновано 5.660 тыс. руб. Из них на улучшение проветривания рудников было намечено 36,7%, на борьбу с пылью, на которую до 1917 г. ни гроша не тратили, — 23,4%, на пожарную охрану— 13,7%, на улучшение передвижения людей и грузов — 8,7%, на мероприятия по усилению безопасности хранения взрывчатых веществ — 6,2%, на мероприятия по освещению — 5,9%, наконец, на разные улучшения по технике безопасности — 6,4% [1]). В 1926/27 г. на те же цели отпущена почти одинаковая с 1927/28 г. сумма.

Правда, не все эти суммы израсходованы полностью. Так, Донуголь в 1926/27 г. из ассигнованных 3.580 тыс. руб. израсходовал 3.434,3 тыс. руб., или 95,9%; ЮМТ — из 142,5 тыс. руб. лишь 82,0 тыс. руб., или 57,5%.

Все эти меры значительно снизили число смертей и увечий в копях Донбасса. Это снижение было бы еще значительнее, если бы нам удалось изжить следующие серьезные недочеты: 1) отсталость технического оборудования, значительно износившегося с начала войны; полностью заменить это оборудование мы, к сожалению, еще не в силах; 2) несоответствие в ряде мест технического оборудования требованиям техники безопасности в связи с ростом промышленности; 3) недостаточность контроля за ведением горных работ, являющуюся следствием недостаточности среднего технического персонала (техников, штейгеров и опытных горных десятников). В последнее годы мы готовили инженеров, но упустили из поля зрения необходимость подготовки техников и десятников; 4) все еще не ликвидирована техническая безграмотность рабочей массы и 5) продолжает иметь место большая текучесть рабочей силы. Об'яснение причин этой текучести я приведу ниже, пока же дам только голые цифры. На предприятиях Донугля в 1924/25 г. было в среднем 89.852 чел. рабочих,— прибыло же за год 117.647 чел. и уволено 129.237 чел. В 1925/26 г. в среднем имелось 126.457 чел., — прибыло же 172.778 и убыло 149.119 чел.[2]). В 1926/27 г. в среднем работало за год 140.494 чел.,— прибыло 191.460 чел., убыло 182.376 чел. При этом особенно сильная текучесть наблюдалась среди забойщиков. На 22.783 чел. их прибыло за год 49.334 и убыло 47.089 чел., дав таким образом еще бо́льшую текучесть, чем все остальные категории шахтеров[3]). Не трудно уяснить себе, что такая текучесть неизбежно вела к повышению среднего числа несчастных случаев с людьми. Ибо и залегания пластов угля, и кровля их, и методы добычи в Донбассе — крайне разнообразны, требуют приспособления, изучения

---

[1]) Данные НКТ. См. также «Отчет ЦК ВСГ VI с'езду союза горнорабочих» Москва 1928 г.

[2]) См. Машкевич, указанная выше работа, стр. 61.

[3]) А. Д. Ратнер и В. П. Решке, указанная выше работа, стр. LXI, табл. 46.

условий добычи, особого «подхода» к углю. Новый же человек все эти особенности схватить не всегда умеет — и в результате увеличение несчастных случаев. Что это так, видно хотя бы из процентного отношения несчастных случаев по категориям рабочих. Как и прежде было, наибольшее число ранений приходится в Донбассе на забойщиков. В 1923/24 г. забойщики дали 27% всех несчастных случаев, в 1924/25 г. — 28,7%, в 1925/26 г. — 29% всех несчастий; все прочие подземные рабочие — 50,4%, поверхностные — 20,6[1]). Если же учесть соотношения только подземных, то процент несчастий с забойщиками будет еще выше.

Помимо всех этих причин, обусловливающих все еще значительное число несчастий с горнорабочими, есть и еще одна, это— недостаточное внимание к вопросам безопасности со стороны администрации предприятий. До сих пор техперсонал еще не изжил некоторую небрежность, расчет на «авось».

Изжить все эти моменты, ведущие к несчастным случаям с шахтером, можно и должно. Для этого необходимо дальнейшее введение более совершенного технического оборудования копей и более быстрая замена изношенного оборудования, кроме того требуется тщательное проведение мероприятий по технике безопасности; увеличение штатов административно-технического персонала и точное разграничение обязанностей; более четкое проведение правительственного надзора на копях; понижение текучести рабочей силы — методами, о которых мы скажем ниже; привлечение к вопросам безопасности внимания широких рабочих масс и т. д. и т. д.[2]).

* * *

Заработная плата и бюджет шахтера за последние 3—4 года повысилась не так сильно, как у рабочих других видов труда. Так, если принять средний заработок в крупной промышленности для всех категорий труда 1913 г. за 100%, то для 1923/24 г. он составит 62,2%; для начала 1924/25 г.—78,9%. В то же время заработок горнорабочего Донбасса для 1923/24 г. едва достиг 46,7%, а для начала 1924/25 г. — 52,8%. При этом горняк среди других производственных групп крупной нашей промышленности з а н и м а л п о с л е д н е е м е с т о[3]).

В 1927/28 году средняя промышленная зарплата рабочих достигала 127% от довоенного уровня, а зарплата горняка Донбасса дотянулась лишь до 81% довоенной. В довоенное время, — в 1913 г., — на первом месте по зарплате шли металлисты. Их средняя была равна 35 р. в месяц против 25 р. средне-промышленного уровня, что составляло 148% к последнему. На втором месте стояли в 1913 г. горняки Донбасса, имевшие в среднем

---

[1]) Там же, стр. 55.
[2]) М а ш к е в и ч, стр. 63.
[3]) А. А л у ф. «Профсоюзы и положение рабочего класса в СССР за 1921—25 гг.». Изд. Профинтерн, Москва 1925 г., стр. 71.

34 р. 40 к.[1]), или 137% средне-промышленного уровня. Между тем в 1927/28 г. заработная плата горнорабочего не достигла средне-промышленного уровня этого года. Она составляла лишь 60 р. 64 коп., или 91% средней зарплаты[2]). Положение это, конечно, крайне ненормальное. И ненормальность его становится еще нагляднее при сравнении с тем, что имеется в этой области за рубежом.

В самом деле. Самой низко-оплачиваемой профессией повсюду, кроме нашего Союза, считается профессия текстильщиков. И вот, если принять оплату труда последних за 100%, то мы получим такие цифры: в Германии заработок металлистов составляет 131%, горнорабочих — 156%. В Польше металлисты имеют 104% и горняки — 105%. В Англии — металлисты 166% и горняки — 156%. Во Франции, — если принять заработок металлистов за 100%,—заработок горняков будет 119%[3])... И только у нас в этом отношении, как мы видели,—картина иная...

Посмотрим, однако, как велика номинальная и реальная зарплата шахтера в последние годы...

Средняя зарплата горняка Союза в 1925/26 г. составляла в червонных рублях 50,34 рубля и в 1926/27 г.—55,80 руб. в месяц. В Донбассе она была выше средней союзной. В 1925/26 г. шахтер Донугля имел в среднем в месяц 51,79 рубля; в Югостали — 52,38 рубля; в Химугле — 53,59 рубля и в Транспорткопях — 53,06 рубля. В 1926/27 г. — эти цифры достигли: для Донугля — 57,26 руб.; Югостали — 58,74 руб., для Химугля — 59,69 руб. и для Транспорткопей — 56,04 руб. в месяц, дав прирост по отношению к предыдущему году от 105,6 до 112,1%. В условных рублях этот заработок шахтера был таков: в 1925/26 г., — при средней для горняков Союза в 29,38 руб., — для перечисленных выше 4 организаций — от 28,53 до 30,79 руб. в месяц. Для 1926/27 г. этот заработок, при среднем в 34,10 руб. в месяц для всего Союза (рост к предыдущему году в 116,1%), по отдельным предприятиям колебался от 33,44 до 35,67 руб. в месяц[4]). Зарплата в различных районах Донбасса также не была одинаковой. Так, например, в Донугле за 1926/27 г. существовали такие ставки. Артемовский округ: в Гришинском рудоуправлении средний заработок шахтера равняется 52 р. 44 к., в Горловском рудоуправлении — 57 р. 53 к. и на находящемся рядом с ним Щербиновском рудоуправлении — 57 р. 90 к., т.-е. на 5 р. 41 к. в месяц выше Гришинского. Средняя зарплата по всему округу — 53 р. 81 к. Луганский округ: в Первомай-

---

[1]) По нашему мнению,—эта средняя несколько преувеличена. Она едва ли могла быть выше 28—30 руб. См. Лев Либерман: «В стране черного золота». ГИЗ 1926 г., стр. 48—49.

[2]) По материалам ЦК союза горнорабочих.

[3]) Там же.

[4]) «Союз горнорабочих в цифрах», вып. VI. «Материалы по статистике труда», изд. ЦК ВСГ. Москва 1928 г., стр. 14—15.

ском рудоуправлении средний месячный заработок шахтера — 51 р. 30 к., в Кадиевском рудоуправлении — 57 р. 67 к. Разница таким образом равна 6 р. 37 к. в месяц. Средняя зарплата по всему округу — 53 р. 98 к. Сталинский округ: в Петровском рудоуправлении средний месячный заработок шахтера — 53 р. 66 к., в Екатериновском — 59 р. 02 к. Разница — в 5 р. 36 к. Средняя зарплата по всему округу — 56 р. 20 к. Шахтинский округ: в Бело-Калитвенском рудоуправлении средний месячный заработок — 51 р. 65 к., в Несветайском — 63 р. 44 к. Разница — 11 р. 79 к. Средняя по округу — 60 р. 20 к. Средняя по всему Донуглю — 55 р. 77 к.[1]).

Нетрудно понять, что такое колебание в заработках по районам должно неблагоприятно отражаться на психике той части горнорабочих, которая еще не осела прочно на рудниках, не обжилась, не прониклась классовым самосознанием. Я имею в виду прибывающие из деревни элементы, проникнутые деревенскими настроениями: подзаработать, подкопить — и к весне откочевать обратно в деревню. Эта часть шахтеров — в погоне за большим заработком—кочует с рудника на рудник, из округа в округ, в поисках более высоких ставок. Именно этим — помимо жилищных условий — в значительной степени об'ясняется текучесть рабочего состава на копях Донбасса, отмеченная мною выше. А во что обходится текучесть состава, если учесть, что шахтеру выплачиваются страховые за ранения, особенно частые у только что пришедших на новый рудник рабочих, что вновь поступивший работник нуждается в переквалификации, — видно из следующих данных, приводимых В. П. Машкевичем:

«На обучение всякого вновь принятого рабочего, — пишет он, — необходимо потратить некоторую денежную сумму, а если этот рабочий переходит с другого предприятия, — на его приспособление к данным условиям. Принимая, что такое обучение обойдется в 100 рублей (стоимость обучения опытного рабочего на механической обувной фабрике САСШ), получаем, что Донуголь за последние два года (только Донуголь. *Л. Л-н)* благодаря текучести рабсилы потратил непроизводительно 117.647 + 172.778 × × 100 = 29.073.500 руб. К этому надо добавить стоимость спецодежды, которая в большинстве случаев исчезает с рабочим, уходящим с предприятия, и стоимость пособий по травматизму». «По материалам Главсоцстраха в 1924/25 г. рабочим каменноугольной промышленности Донбасса выдано пособий, в связи с промышленным травматизмом на сумму 479.530 руб., в 1925/26 г.—725.168 руб., всего за два года—1.204.698 руб. На новых рабочих, со стажем до 6 месяцев, приходится около 50% несчастных случаев. Предприятия Донугля занимают 75% горно-

[1]) А. Д. Ратнер и В. П. Решке. Указ. соч., стр. XVIII, табл. 65. Нужно отметить, что по данным ВСГ есть еще значительные колебания в заработке отдельных категорий рабочих; эти данные мы для упрощения опускаем. А между тем и это колебание должно явиться стимулом для горняка к перекочевкам.

рабочих Донбасса, таким образом расходы по травматизму на предприятиях Донугля составили... около 450.000 руб. Всего за два года текучесть рабочих стоила Донуглю 29.500.000 руб.» [1]). Таковы выводы и расчеты В. П. Машкевича, относящиеся к одному только Донуглю. А если учесть и прочие рудоуправления Донбасса, то эту сумму придется увеличить еще на 25%. Кроме того нужно внести поправку на 1928/29 г. (расчеты тов. Машкевича относятся только к двум годам), и тогда мы получим колоссальнейшую сумму народных денег, израсходованных абсолютно нецелесообразно.

Попытаемся, однако, прикинуть, насколько материально улучшилось положение шахтера за последние годы по сравнению с дореволюционным 1913 г.

Мы видели выше, что в червонных рублях заработок шахтера далеко перешагнул за довоенный уровень. Сопоставим однодневные ставки шахтера до и после революционного времени, со внесением ряда поправок.

Мы помним, что ставка (поденная) шахтера накануне мировой войны была следующая: вагонщика 1 р. — 1 р. 10 к. зимой, 1 р. 10 к. — 1 р. 20 к. летом; саночника зимой и летом 1 р. 10 к. — 1 р. 20 к., крепильщика — от 1 р. 50 к. до 2 руб. В артелях средний заработок шахтера был несколько выше. Средний месячный заработок к началу войны на копях Донбасса едва ли превышал 30 руб.

Согласно колдоговора Донугля, с 1 января 1928 г. по 1 января 1929 г. были установлены такие ставки: отгребщики по рештакам — 1 р. 40 к. в смену; крепильщики подручные — 1 р. 60 к. смена; стволовые при добыче до 164 тонн в смену — 1 р. 60 к.; стволовые при добыче до 82 тонн в смену — 1 р. 70 к.; вагонщики при нагрузке из люков — 1 р. 80 к. смена; дучковые — 1 р. 70 к., коногоны — 1 р. 70 к., крепильщики по текущему ремонту — 1 р. 70 к.; бурильщики по углю и породе — 2 р. 10 к. до 2 р. 50 к.; запальщики — 2 р. 10 к.; камеронщики — 2 р. 10 к. до 2 р. 25 к., в зависимости от величины притока воды; крепильщики более сложных работ — 2 р. 25 к.; на завалах, уклонах и т. д. крепильщик получает 2 р. 50 к.; бурильщики в проходках — 2 р. 75 к.; запальщики проходок — 2 р. 75 к.; крепильщики вертикальных проходок и по ремонту ствола — 3 руб., вагонщики, при грузке лопатой — 3 р. 15 к. (вместо 1 р. 10 — 1 р. 20 к. дореволюционных); саночники — 3 р. 15 к.; забойщики, отбойщики при врубовых машинах — 3 р. 25 к.[2]).

Уже этот перечень с достаточной ясностью показывает, насколько выросли ставки всех видов подземного труда шахтеров к настоящему времени, даже если учесть разницу в покупательной способности дореволюционного и теперешнего рубля. Но это

---

[1]) В. П. Машкевич, указ. соч., стр. 61—62.

[2]) Коллективный договор, заключенный союзом горнорабочих с Донуглем на 1928 год.

различие в оплате труда станет еще более четким, если мы учтем ряд добавочных моментов.

В самом деле. Довоенные ставки, которые мы приводим выше, — исчислялись из 12-часового рабочего дня. Двенадцать часов дежурил саночник, вагонщик и коногон; двенадцать часов сидел в шахте дучковой и камеронщик. И лишь забойщики и крепильщики высиживали 8—9 часов. Но работали они обычно сдельно. Поденные же крепильщики отбывали тоже 12-часовую смену. В мокрых проходках и проходчики работали в 3 смены по 8 часов.

Не то сейчас. Согласно § 34 колдоговора (стр. 29—30), для проходчиков (бурильщики, крепильщики, подрывщики и уборщики породы) при работе в вертикальных шахтах, для забойщиков, отбойщиков, зарубщиков, выбойщиков леса, саночников, вагонщиков по углю на ручной откатке, с погрузкой вагонеток вручную, камеронщиков и т. д. и т. д. — взамен 12- и 8-часового рабочего дня введен 6-часовой рабочий день. И это сокращение рабочего дня нужно учесть при сравнении современной зарплаты с дореволюционной. Кроме того нужно еще принять во внимание, что большинство шахтеров получает спецмыло и спецодежду, на которые они раньше тратились из своего кармана. Надлежит учесть ежегодный месячный отпуск с сохранением содержания, — отпуск, о котором не могли и мечтать горняки в дореволюционные дни; отчисления рудоуправлений на культработу; подвозку угля к общежитиям и семейным квартирам; бесплатное освещение (2 *кг* в месяц керосина на семью зимою и 800 граммов летом и от 6 до 10 *кг* керосина в месяц на казарму); бесплатную квартиру шахтер имел и раньше; бесплатную доставку воды, лечение и выплату страхового пособия при малейшем заболевании. Наконец, нужно еще отметить полное отсутствие штрафов, отнимавших в дореволюционное время довольно много из месячного рабочего бюджета, а также выдачу инструмента для работы на шахтах (ранее инструмент покупался шахтером). Если учесть все это, — разница по сравнению с дореволюционным заработком получится огромная.

Правила внутреннего распорядка и табель взысканий — как непохожи они на «правила» и «табель взысканий» дореволюционных дней, приведенные мною выше. Вот раздел «дисциплина» и «табель взысканий» по колдоговору 1928 г. § 62: «Безусловно воспрещается: а) приносить на работу всякого рода хмельные напитки..., б) курение табаку вблизи динамитных складов, на лесных складах и т. д., е) игра во время работ в карты, шашки и т. д., а также ругань, л) спать на работе, ходить без освещения в шахте и производить спуск и под'ем людей в клетях без освещения» и прочее. В прежнее «доброе время» вслед за каждым из этих: а), б) и т. д. — следовало: «за неисполнение — штраф 1 р.», эти штрафы делали очень чувствительную брешь в кармане шахтера. Сейчас «табель взысканий» предусматривает: «за неисполнение

правил внутреннего распорядка трудящимися на предприятии администрацией могут быть наложены взыскания, каковые заносятся в особый журнал с соблюдением учета проступков в течение 6 месяцев, после чего учет проступков для наложения взысканий начинается снова» (Курсив мой. *Л. Л-н*).

Не правда ли — это далеко не похоже на «черные списки», следовавшие за рабочим с шахты на шахту, как прикованная к каторжнику былых времен тачка!

«Списки лиц, уволенных за невыполнение правил внутреннего распорядка, вывешиваются на видных местах с указанием проступков, повлекших за собою применение пункта 3 табели взысканий». Взыскания же эти следующие: «1) выговор, с об'явлением по шахте или отделу, с уведомлением шахтбюро; 2) выговор с об'явлением по шахте, цеху или отделу, с уведомлением шахт-бюро и предупреждением об увольнении; 3) увольнение, «причем каждый вправе обжаловать наложенное взыскание в РКК, «решение которой является окончательным».

За что же налагается взыскание?

«За прогул без уважительных причин 1 дня в течение календарного месяца — пункт 1, за прогулы 2 дней под-ряд или 3 дней разновременно в течение календарного месяца — п. 2. При повторении — п. 3», причем обязательным числом выходов считается не 6 дней, как раньше, а только 5 дней в неделю, т.-е. 21 день в месяц, вместо 24—25 дореволюционных. Если же среди недели имеются революционные праздничные дни или особые дни отдыха, то число выходов в неделю соответственно понижается. Следовательно, чтобы быть уволенным, — рабочий должен прогулять дополнительно 6 дней, т.-е. вместо 21 сделать 15 упряжек. В былое время он заплатил бы за это «удовольствие» минимум 3 рубля.

Вообще табель взысканий отличается большой мягкостью и большим учетом и пониманием шахтера, условий его подземного труда. И только за нарушение правил, которое может угрожать безопасности других, закон предусматривает суровое наказание. Так, курение табака в местах особенно опасных (динамитные склады, газовые шахты. *Л. Л-н*), влечет за собою немедленное увольнение, причем за курение в опасных по взрыву шахтах куривший предается суду. Та же мера применяется, согласно п. 12, за оскорбление действием во время исполнения обязанностей лиц надзора или лицами надзора — подчиненного. Оскорбление же бранью лица надзора, равно как и подчиненного, ведет к увольнению лишь при повторном случае.

В этом отношении, кстати сказать, «табель» полностью уравнивает права рабочего и администратора, чего не знали дореволюционные «правила внутреннего распорядка».

Не стану задерживаться на разборе других пунктов «табели взысканий». Более жестоких мер вы в ней не найдете. Приведен-

ные же с достаточной четкостью уясняют, насколько велика разница между прошлым и настоящим правовым положением шахтера.

* * *

Но, может быть, материальное положение шахтера в наши дни все же хуже, чем в дореволюционное время? Может быть, более высокий заработок и льготы, предоставляемые шахтерам в настоящее время, фактически не улучшили материального положения горняков Донбасса? Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся проанализировать бюджет рабочего Донбасса наших дней. Для краткости возьмем только данные за несколько последних лет.

Совсем недавно — в конце 1928 г. — Всеукраинский Совет профсоюзов выпустил небольшую работу о бюджетах рабочих семей на Украине в 1925—1927 гг. [1]). Работа построена на материалах текущего бюджетного обследования, начатого с 1925 г. и продолжавшегося в течение 1926—1927—1928 гг. В обследование, наряду с другими семьями, были включены 37 семей горняков Донбасса различных категорий: бурильщики, вагонщики, забойщики, крепильщики, коногоны, саночники, плитовые, стволовые и т. д.—основные категории донбассовских шахтеров. В результате получилось довольно отчетливая картина существования горняка за последние три года. Подытожив выводы бюджетного обследования, президиум ВУСПС отметил: «жизненный уровень рабочего за последние годы значительно вырос. Резко улучшилось удовлетворение основных потребностей рабочей семьи. Питание далеко от голодных норм не только в семьях с высоким заработком, но и... у малообеспеченных оно достаточно для жизни и работы. Рабочий стал лучше питаться, лучше одеваться, резко выросли у него расходы на обзаведение обстановкой, инвентарем, свидетельствуя о культурных навыках. Еще больше о тяге рабочего в культуре свидетельствует значительный рост расходов на культурные потребности, несмотря на то, что частью он удовлетворяет их бесплатно через клубы, красные уголки и т. п.» [2]).

И действительно, картина, рисуемая данными обследования, получается довольно отрадная. Прежде всего, годовая денежная зарплата горняков Донбасса, подвергшихся обследованию, несколько выше указанной нами средней, что показывает на некоторый недоучет заработков шахтера. Вот разница в средних годовых заработках по данным текущей статистики и данным бюджетного обследования:

---

[1]) И. Н. Дубинская. «Бюджеты рабочих семей на Украине в 1925—1927 гг.». Данные текущего обследования, изд. ВУСПС. «Украинский рабочий», Харьков, 1928 г.

[2]) Указ. соч., «От Президиума ВУСПС», стр. 3.

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
По текущей статистике	491 р.	621 р.	669 р.
По бюджетному обследованию . . .	531 р.	637 р.	758 р.
Рост зарплаты:			
По текущей статистике	100%	123%	135%
По бюджетному обследованию . . .	100%	122%	137%

Как же жил семейный рабочий в Донбассе в указанные 3 года? Мы говорим о семейных, ибо в то время как в дореволюционные годы большинство рабочих на копях были холостяками, теперь основные кадры рабочих являются семейными. Такое изменение состава отмечено и в Баку — в нефтяной промышленности и в Донбассе — в угольной промышленности. «Сейчас семейственность гораздо больше, чем была в довоенное время, — отметил, например, тов. Абрамов на Всесоюзном с'езде горняков весною 1928 г. — В Баку в 1911 г. было 22% семейных и 78% одиноких. Сейчас соотношение иное: семейных — 78%, а одиноких — 22%. Та же картина и по Донбассу» [1]).

Прежде всего уже самый факт значительного увеличения семейных рабочих за счет одиноких является показателем улучшения материального положения горняков. Выше мы видели, что до 1917 г. прожить с семьей на руднике горнорабочий на свой заработок не мог, а если и жил, то вел полуголодное существование. Он не имел возможности не только обставить сносно жилище и одеться, но просто свести концы с концами, не эксплоатируя малолетних и не набирая «до отказа» столовников в свою хибарку.

Бюджетное обследование ВУСПС дает нам иные данные для последних лет. Во-первых, заработок членов семьи занимает в бюджете украинского рабочего далеко не столь значительное место, как это было раньше. И чем выше годовой заработок рабочего, тем процент заработков членов семьи ниже. Во-вторых, эти данные показывают, что зарплата является основой бюджета семьи. В-третьих, — не в пример прошлому — в бюджете не фигурирует заработок детей, составлявший в дореволюционные дни, как мы видели выше, обычную статью дохода и отпавший как в силу отсутствия острой нужды в нем, так и ввиду полного запрещения Советской властью детского труда.

Впрочем и сейчас еще семья горняка получает некоторый доход от столовников и от работы членов семьи. Но сейчас нужда в этом дополнительном заработке не столько остра, и идет этот заработок на удовлетворение возросших потребностей семьи.

Бюджет рабочей семьи в последние три года строился таким образом. При семье в среднем из 3,61 чел. и заработке «главы» семьи до 720 руб. в год этот заработок составлял 67% бюджета.

---

[1]) VI Всесоюзный с'езд горнорабочих, «Стенограф. отч. бюлл. № 5, стр. 16, изд. ЦКСГ СССР, М. 1928 г.

При заработке «главы» от 720 до 960 руб. (нормальный заработок квалифицированного рабочего-сдельщика Донбасса) и при семье, в среднем равной 3,84 душ, заработок «главы» составлял 77% бюджета, доход же членов семьи и «прочие доходы» составляли 22,9% бюджета.

При заработке «главы» от 960 до 1.200 руб. в год и при семье в 4,42 души в среднем заработок «главы» составлял 81,1%.

Итак, одного заработка «главы» семьи, при сильно возросших запросах, на содержание всей семьи нехватало. Но до революции заработка «главы» нехватало даже на одно пропитание, и горняку, для того чтобы свести концы с концами, приходилось посылать своих детей на работу и держать столовников. Кроме того большим подспорьем для многих горняков была деревня, в которой жила и кормилась его семья, получая от шахтера крохи.

Посмотрим, какое место сейчас занимает помощь деревни в бюджете рабочей семьи Донбасса[1]):

Статьи прихода рабочей семьи в % %	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Зарплата «главы» семьи	80,6	77,8	78,0
» членов »	6,4	8,9	6,6
Соцстрах и собес «главы» и чл. семьи	5,5	4,3	5,2
Прочие поступления	7,5	9,0	10,2
Всего прихода . . .	100,0	100,0	100,0

Итак, «прочие поступления» составляют около 10% годового бюджета рабочей семьи. Это свидетельствует о том, что зарплата является основной статьей дохода горняка Донбасса. «Прочие поступления» включают следующие элементы: приработок и другие доходы «главы» семьи составляют от 4,4 до 12,1% «прочих поступлений»; доход от продажи вещей составляет 8—16% «прочих поступлений»; сдача коек и углов, а также доход со столовников составляет крайне незначительную сумму—всего 10—12% «прочих поступлений» (таким образом эта в прошлом очень важная статья дохода сейчас почти сошла «на-нет»), наконец, доходы от собственного производственного хозяйства дают 11—13% «прочих поступлений». Задолженность по бюджету и кассе взаимопомощи и частным лицам в рабочем бюджете последних лет составляет ничтожную величину.

Таковы основные статьи бюджета рабочего Донбасса. К сожалению, авторы бюджетного обследования не выделили в особую рубрику бюджет шахтера, что важно для его расходной части. Являясь почти одинаковым в приходной части для всех рабочих Украины,—бюджет разнится в расходной, ибо из бюджета шахтера выпадают такие статьи расхода, как наем помещения, получаемого горняком от рудоуправлений в массе своей бесплатно. Эту поправку нужно иметь в виду при дальнейшем анализе бюджета шахтера.

---

1) И. Н. Дубинская. «Бюджет рабочих семей», стр. 30.

На этом мы закончим рассмотрение приходной части бюджета и теперь обратимся к его расходным статьям. Ясное представление о характере и относительном размере отдельных статей расхода дает следующая таблица [1]):

Статьи расходного бюджета в %%	Ноябрь 1925 г.	Ноябрь 1926 г.	Ноябрь 1927 г.
Помещение, отопление и пр. .	9,9	12,0	11,6
Питание	45,5	44,1	43,6
Вино, папиросы, табак и спички	1,1	1,2	1,4
Одеяла, обувь	27,0	24,7	22,9
Стирка, мыло, гигиена	1,1	1,0	1,0
Лечение	0,3	0,2	0,2
Хоз. вещи, украшен. жилища . .	3,6	3,2	2,9
Культ.-просвет. расходы	1,7	2,0	2,4
Общественно-политич. расходы .	1,9	2,7	1,7
Прочие расходы	7,3	6,0	9,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Эта таблица с большой убедительностью подчеркивает значительное, по сравнению с дореволюционным временем, улучшение положения рабочего. Если в дореволюционное время и рабочий-одиночка и семейный рабочий едва сводили в Донбассе концы с концами, не смея думать не только об украшении жилища, но и о нормальной одежде (где уж там о культнуждах!), то в настоящее время рабочая семья расходует лишь 45,5—43,6% своего месячного бюджета на питание, 27,0 — 22,9% — на одежду и 3,6 — 2,9% бюджета — на украшение жилища. Она может себе позволить израсходовать некоторую сумму и на культпросветительные потребности, растущие из года в год, и на общественно-политические нужды, и даже на лечение (хотя обычно последнее предоставляется бесплатно).

Свидетельствует об улучшении материального положения рабочего и анализ годового бюджета: на питание в среднем расходуется рабочим в год 45,2% его, на одежду, обувь и туалет — 20,5%, на хозвещи и украшение жилища — 4,2%, и т. д. и т. д. (там же, стр. 81).

Но, может быть, культурно выросший рабочий расходует деньги на обувь, платье, культнужды и жилище за счет недоедания? (Такие факты можно было до революции наблюдать в семьях мелкой буржуазии, о которых даже пословица сложилась: «на брюхе шелк, а в брюхе — щелк»). Данные бюджетного обследования категорически опровергают такое предположение.

«По данным физиологии, — пишет автор обработки материалов исследования, — нормальная пища должна удовлетворять (проф. Кестнер и д-р. Книппинг: «Питание человека» [2]) следующим условиям: 1) доставлять человеческому организму потребное количество тепла», 2) для чего должна содержать:

[1]) И. Н. Дубинская, указ. соч., стр. 35.
[2]) Русский перевод Госиздата 1928 г. Ленинград.

«а) необходимое количество азотсодержащих веществ (белков), потребное количество воды и солей; б) необходимые витамины». Далее, пища должна быть приятна на вкус, достаточно энергично возбуждать деятельность желудка, в достаточной мере создавать чувство насыщаемости и, наконец, в ней должно заключаться достаточное количество клетчатки [1]). При этом для лиц тяжелого физического труда пища должна содержать не менее 3.600—4.000 калорий. И вот, анализируя питание рабочей семьи, — автор исследования приходит к выводу, что «тепловое значение питания за весь описываемый период было удовлетворительным» [1]). Удовлетворительным было оно не только в смысле достаточности даваемого им тепла; «оно давало рабочему необходимую норму белка, однако в нем не было достаточно витаминов» [2]).

При этом обследование установило, что «чем выше достаток семьи, тем лучше она питается. В то время как менее обеспеченные семьи потребляют больше картофеля, больше хлеба, больше постного масла, — семьи с лучшим достатком резко повышают потребление масла, сахара, фруктов и ягод, молока, мяса и сала, яиц, сладостей (варенье, конфекты), даже рыбы. Таким образом более состоятельные семьи строят свое питание так, чтобы получить в пище больше витаминов, а главное — больше животного белка и животных жиров» [3]). И однако, — «питание менее обеспеченных семей более «об'емисто», менее сытно (вследствие меньшего количества животных жиров), н о в с е ж е оно достаточно п о к о л и ч е с т в у ж и в о т н о г о б е л к а д л я з д о р о в ь я и р а б о т ы». (Там же, стр. 58, курсив мой. *Л. Л-н*). Таковы в общем выводы бюджетного обследования питания рабочих в Донбассе.

К каким же выводам приходит автор в вопросе о приобретении рабочими одежды и обуви? «Данные о приобретении рабочей семьей на Украине одежды и обуви в 1925—1927 гг., — говорит он, — показывают рост удовлетворения соответствующей потребности, т.-е. свидетельствуют о благоприятных тенденциях в отношении материального положения рабочего класса. Вместе с тем эти данные обнаруживают, что дальнейшему развитию потребности в одежде и обуви препятствовала в изучаемый период ограниченность предложения, вызывавшаяся «товарным голодом на рынке фабрикатов» [4]).

Итак, не отсутствие р е с у р с о в, а отсутствие товаров являлось препятствием для более широкого удовлетворения в общем недурно покрывавшихся потребностей в обуви и платье рабочего.

---

1) Там же, стр. 52.
2) Там же, стр. 55.
3) Там же, стр. 56.
4) Там же, стр. 62.

Выводы, к которым привело бюджетное обследование и с которыми нельзя не согласиться, следующие: 1) в период 1925—1927 гг. бюджет рабочей семьи Донбасса находился в состоянии беспрерывного развития. За три года действительный рост жизненного уровня рабочей семьи составил 25%. 2) Улучшение материального положения рабочих в изученный период подтверждается не только исчислением общего индекса роста жизненного уровня, но и самой структурой расхода; а именно, — ростом доли, затрачиваемой на культурно-просветительные потребности, на предметы обстановки и т. д., т.-е. на потребности менее неотложные, более эластичные, а также уменьшением или стабилизацией насущных нужд (пища и т. д.). 3) Улучшением питания со стороны тепловой ценности его и химического состава, выявившимся в последние три года не только у наиболее обеспеченной части рабочих, но и у относительно малообеспеченных семей. Единственно, чем относительно бедна пища у последней категории семей,— это витаминами. 4) Отрицательным моментом, помимо последнего, является все же некоторая напряженность бюджета наименее обеспеченных семей, что и подлежит изжитию путем подтягивания этих категорий горнорабочих в смысле заработков к категориям более обеспеченных [1]).

Новый рудничный поселок.

* * *

Если в значительной степени изменился к лучшему бюджет горнорабочих Донбасса, то такое же резкое улучшение наблюдается и в смысле жилищных условий.

Выше я привел достаточно материала для суждения о дореволюционных жилищах шахтера. За время империалистической войны жилищный фонд этот не только не обновился, но даже и не ремонтировался толком. Владельцы копей в эти годы напрягали все силы, чтобы под прикрытием лозунгов, свидетельствовавших якобы об их «любви к отечеству» и о необходимости «войны до победного конца», выкачать путем усиленной эксплоатации копей и труда шахтеров максимально высокие прибыли. И по-

[1]) Беру самые необходимые данные из работы тов. Дубинской, отсылая к ее ценному труду интересующихся вопросами бюджета.

этому до ремонта жилищ им не было дела. После февральского переворота эти рваческие тенденции хозяев только усилились. Гражданская же война, прокатившаяся по Донбассу, еще более ухудшила положение дел с жилищным фондом. В каком положении находился он к моменту занятия Донбасса советскими войсками и к началу восстановительного периода, видно из следующих данных, собранных особой комиссией СТО по восстановлению Донбасса (комиссия Данчича):

Жилищ с неисправными и текущими крышами	27%
» с бетонными и камен. полами	36%
» с неисправными деревян. полами . . .	14%
Утопающих в грязи, немощ. поселков	95%
Не освещающихся электричеством	59%
Полное отсутствие водопровода на рудн. поселке	63%

При этом большинство жилищ было либо казарменного типа, либо домишки на курьих ножках. По данным 1912 г., из общего числа горнорабочих 62.184 чел., или 44,3%, жили «на холостую ногу» в казармах; 20.625 чел., или 14,7%, ютились в окрестных деревнях и лишь 57.619 чел., или 41,0%, располагались в «семейных» каютках и домишках.

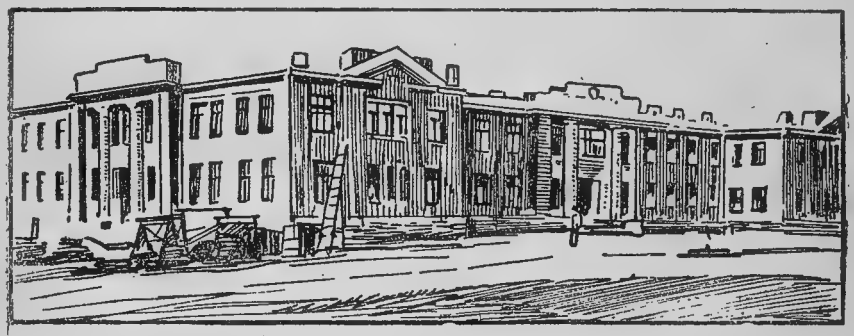
Переход Донбасса в руки Советской власти резко изменил общую картину. Началось колосальное жилищное строительство. Началось это строительство квартир, клубов, правда, не сразу. Вплоть до 1925 г. оно шло медленным темпом. Так, если в 1913 г. в Донбассе было выстроено 549,7 тыс. $м^3$, то в 1917 г. их было построено 170,5 тыс., в 1918 г. — 57,3 тыс., в 1919 г. — 6,7 тыс., в 1920 г. — 4,9 тыс., в 1921/22 г. — 17,5 тыс., в 1922/23 г. — 0,3 тыс. Но уже в 1923/24 г. один только Донуголь построил — 381,7 тыс. $м^3$. В 1924/25 г. строительство слегка снизилось до 201,1 тыс. $м^3$, а в 1925/26 г. оно достигло цифры 536,1 т. $м^3$. Следующие же годы далеко обгоняют довоенное строительство. В 1926/27 г. один Донуголь дал 1.622,0 тыс. $м^3$, в 1927/28 г. — 1.437,7 тыс. $м^3$ и в 1928/29 г. по плану намечено построить 1.600,7 тыс. $м^3$ [1]).

Это строительство (причем строились дома с преобладанием семейных квартир над казармами) отразилось на рабочих кадрах. По сведениям ВСГ, уже на 1 октября 1926 г. мы имели такое соотношение количества рабочих, живущих в семейных домах и живущих казарменной жизнью: в 1926 г. жило в казармах всего 28.364 чел., или 17,2%, в семейных домах — 99.693 чел., или 60,1% и в частных квартирах окружающих деревень — 37.705 чел., или 22,7%. Колоссальное жилищное строительство 1926—1927—1928 гг. еще более резко увеличило удельный вес семейных жилищ. Как велико было число семейных рабочих на копях Донбасса к 1 октября 1927 г.—видно из таких косвенных указаний: число трудящихся, проживающих в различных рудничных коло-

[1]) «Донуголь в цифрах и диаграммах», вып. II. Научно-издат. бюро Донугля. 1928 г., стр. 10.

ниях, достигло к этому году 141 тыс. чел. (110% к предыдущему году), причем каждый трудящийся в среднем имел в колониях 13,44 $м^2$ площади, между тем как площади пола на ж и в у щ е г о в колониях приходилось всего 5,08 $м^2$. Таким образом в среднем на трудящегося по Донбассу на 1 октября 1927 г. приходилось более $2^1/_2$ душ.

В каком масштабе велось строительство рабочих жилищ на рудниках Донбасса, можно судить по таким данным: за 2 года с 1925/26 по 1927/28 г. одним только Донуглем было израсходовано на жилстроительство 70,5 млн. рублей. Но ведь кроме Донугля жилища для шахтеров строили и Югосталь, и Химсиндикат, и ЮМТ... В общем за несколько последних лет в Донбассе отстроен целый столичный город, не уступающий Москве по своим



Новые стройки.

размерам, но разбросанный на 300 километров[1]). Строился город этот небольшими колониями, вблизи закладываемых новых или эксплоатируемых старых шахт. Тип постройки — преимущественно небольшие одноэтажные двухквартирные или четырехквартирные домики. Общежития одноэтажные и двухэтажные, не более чем на 50 чел. рабочих. Размеры индивидуальных квартир в большинстве случаев строго согласованы с нормами НКТруда. Как правило, квартира состоит из двух комнат, с площадью пола около 30 кв. метров, кухни—около 8 кв. метров, прихожей около 5 кв. метров, кладовой—около 2 кв. метров и уборной или места для уборной — около 0,75—1 кв. метра. Высота жилых помещений не менее 2,8 метра. Световое отношение пола к окнам не менее 1 : 10, а в большинстве квартир и выше: от 1 к 6 и до 1 к 3 *м*. В некоторых отдельных квартирках есть и ванные комнаты, кое-где при квартирах имеются и веранды. Жилые комнаты, как правило, имеют отдельные входы из передней, что при значительном, еще не изжитом жилищном кризисе и связанном с ним

[1]) Журнал «Горнорабочий» за 1927 г. № 3.

Женское общежитие на руднике Донбасса.

неизбежным уплотнением квартир дает возможность большей изоляции для временно уплотненных семей. По мере изжития жилищного кризиса такая квартира создает более или менее удовлетворительные условия для жилья семьи в 4 человека [1]). Как все это непохоже на дореволюционные рабочие квартиры шахтеров!

Конечно, не все и не везде на рудниках с семейными квартирами благополучно. Не изжита еще скученность; не всюду есть теплые клозеты, ванны и души. Не везде достигнута чистота в помещениях, но все же первая брешь в убийственных дореволюционных шахтерских берлогах пробита и в ближайшие пять лет жилищно-санитарная сторона жизни горняка будет до неузнаваемости преобразована.

Улучшилась жизнь и в общежитиях горнорабочих. Тоже не везде, конечно. И здесь предстоит сделать еще очень и очень много. Но в образцовых общежитиях жизнь одинокого шахтера неузнаваема. Вот несколько примеров такой жизни. Шахтинский район. Рудник Власовка. Имеется шесть общежитий на 450 человек. В них организовано коллективное питание для одиноких (завтрак, обед, ужин), которое обходится в 20 руб. в месяц при среднем, как мы помним, заработке в 50—55 руб. Всем

[1]) Журнал «Гигиена Труда» (изд. «Вопросы Труда)» № 3 за 1927 год, статья д-ра Н. В. Евменьева. «Санитарное обследование рудничных поселков Донбасса», стр. 72.

живущим выданы постельные принадлежности, постель, матрац, одеяло верблюжьей шерсти, подушка, две наволочки, 2 простыни, 1 пододеяльник и 1 полотенце — с рассрочкой на 1 или 2 года, по желанию рабочего. В комнатах имеются графины, стаканы, столы, вешалки, тумбочки и пр. Стены убраны за счет ШОР'а плакатами и портретами вождей.

Шахта «Пролетарской Диктатуры». При общежитии организовано коллективное питание (завтрак, обед, ужин), стоимостью в 19 р. в месяц. Всем одиноким общежития выданы постели и постельные принадлежности, с оплатой их по 1 р. 40 к. в месяц в течение 2 лет. Организована для всех коллективная стирка. Общежитием охвачено 50 человек. Шахта

Столовая рабочего общежития.

«Мировая Коммуна». Имеется 4 общежития, охватывающих 60 человек. Организовано коллективное питание (завтрак, обед, ужин), стоимостью в 20 р. с человека. Постели и постельные принадлежности выданы на тех же основаниях, что и на прочих рудниках. В общежитиях имеются шкафы, зеркала, тумбочки и прочее. Рудник «Октябрьская Революция». Общежитий 10, охватывающих 120 человек. Коллективное питание стоит 18 р. 50 к. в месяц (завтрак, обед и ужин). Постелей и постельных принадлежностей — достаточно. Комнаты убраны плакатами и портретами вождей. Рудник им. т. Воровского. Одно общежитие на 40 человек. Всем живущим выданы постели с оплатой в два года. Помещение имеет тумбочки, шкафы, зеркала и пр. Коллективное питание (завтрак, обед, ужин) об-

ходится в 21 р. в месяц. Рудник им. Крыленко. Общежитий 2. Ими охвачено 50 чел. Коллективное питание обходится в 19 р. с человека в месяц. Постели и постельные принадлежности имеются у всех. В помещениях — столы, табуреты, зеркала, графины, стаканы, шкафы. Рудник «Несветай». Шахты №№ 140, 141, 142. Имеются 4 общежитии на 300 человек. Постели получили не все. Помещений нехватает. Там же, шахты №№ 5 и 6. Общежитий 6, охват — 300 человек. Постели и постельное белье имеются у всех. В трех коллективах питание (обед, завтрак, ужин) обходится по 22 р. с человека в месяц. Общежития обставлены прилично. Рудник «Чурилин». Одно общежитие — на 22 человек. Постели имеются у всех. Организовано коллективное питание (по 20 р. с человека). В общежитиях тумбочки, столы, зеркала, графины и стаканы. Таким образом, только в Шахтинском районе имеется 40 общежитий на 1.400 человек одиноких горняков. Кроме того строятся 4 новых общежития [1]). Имеются они и в других районах.

Все это, конечно, пока капля в море жилищной (особенно холостяцкой) нужды. Но это залог нового быта на копях Донбасса. Что постели, шкафы, зеркала и прочее не миф, — вот тому фактическая справка. В Шахтинском районе для общежитий, только в последний год, выдано различных принадлежностей на 49.619 руб. 69 коп.[2]). Вот как оценивают одинокие шахтеры свое теперешнее существование в общежитиях: «Общее собрание рабочих холостяцких казарм при Власовском шахтоуправлении, обсудив вопрос о состоянии образцовых казарм, в коих помещаются в настоящее время около 400 человек, отмечает, что состояние казарм в сравнении с прошлым — неузнаваемо. Об'единенным Шахтинским рудоуправлением была проделана большая работа, казармы снабжены всеми необходимыми для культурной жизни холостяков принадлежностями (кровати железные, матрацы, одеяла, подушки, столы, стулья, зеркала, занавески, портреты и пр.). Организовано рудоуправлением общественное коллективное питание, стоимостью в 22 руб. в месяц. Чистота, опрятность, гигиена царят в наших казармах. Пьянство и хулиганство решительно изжиты. К сожалению, культурно-просветительная работа слаба и не видно улучшения ее состояния. Необходимо урегулировать вопрос о передаче питания ЦРК. Необходимо организовать еще добавочную казарму для женщин. Необходима самодеятельность самих трудящихся. Да здравствует культурная революция. Да здравствует вождь пролетариата — Компартия. Да здравствует трудовая дисциплина и Мировой Октябрь. Долой прогульщиков, хулиганов, рвачей, с производства»[3])!

---

[1]) Справка инструктора холостяцких общежитий ШОР'а от 18 декабря 1928 года.

[2]) Справка Главной бухгалтерии по статье: «Об израсходовании средств на улучшение быта холостяков», на 1 окт. 1928 года.

[3]) Резолюция общего собрания рабочих холостяцких казарм Власовского шахтуправления от 19 декабря 1928 г.

Такова оценка горнорабочими их нового быта. Она очень показательна. Правда—все это пока первые ласточки культурной революции. Правда, мы знаем и другое: мы знаем, как вчера еще чистые, уютные квартиры, вследствие скученности и отсутствия достаточного количества воды, — превращаются в грязные клоаки. Но мы знаем и такие явления, о которых речи не могло быть до Октября. Так, «Правда» сообщила, что «на Горловском руднике № 1 37 семейств горняков по собственной инициативе организуют артель «Шахтер», члены которой

Кухня в общежитии холостяков-шахтеров.

обобществляют все средства существования (зарплату). Домашний труд распределяется равномерно среди участников артели. Женщины освобождаются от воспитания детей, для которых организуется специальный детский дом. Артель намечает постройку дома-коммуны»... [1]). Это уже доподлинный первый камень фундамента будущего коммунистического общества.

Что являлось всегда и до сих пор является огромным тормазом культурной жизни шахтера, — так это нехватка воды. Острота вопроса снабжения Донбасса питьевой водой об'ясняется особенностями его гидрологии. По количеству атмосферных осадков Донбасс занимает одно из последних мест в СССР. Реки и другие его открытые водоемы очень бедны водой и

1) «Правда» от 5 января 1929 г. № 4.

сильно загрязнены окружающими их заводами и шахтами. Эти реки играют роль сточных канав для предприятий и в силу этого крайне заболочены и значительно обмелели. Рыба в них давно почти вывелась. Река Луганка, напр., некогда относительно многоводная, — постепенно превратилась в жалкую речушку. В районе коксобензольного завода, после спуска в нее воды из последнего, — она вспыхивает на значительном протяжении от брошенной в нее спички. Поверхностные водные горизонты Донбасса также бедны водой, загрязнены и жестки (жесткость доходит до 70 градусов [1]).

Не более благополучно обстоит дело и с запасами глубоких водных горизонтов. Вода их безопасна в санитарном отношении, но крайне недостаточна для удовлетворения потребности густонаселенного горнозаводского района. Виноваты в этом обезводнении глубоких горизонтов шахты, поглощающие массу воды, выкачиваемой из них насосами в загрязненном, насыщенном всякими примесями из угля и окружающих пород и негодном для питья виде.

Все это и создало искони водный кризис на копях Донбасса. Правда, в Донбассе в настоящее время имеется до 25 местных водопроводов, 15 из коих построены до 1917 г. и 10—с 1917 г. по 1927 г. Но все они маломощны и едва-едва дают от 25 до 50 литров на человека в сутки, что крайне мало, так как работа в шахтах чрезвычайно загрязняет и платье и тело шахтера... Кроме того большинство водопроводов питаются мелко расположенными, а в силу этого — значительно загрязненными источниками (как мы упоминали об этом выше при описании дореволюционного водоснабжения Щербиновского рудника).

Исследователи водоснабжения Донбасса утверждают, что в бактериологическом отношении — не более 10% водопроводов благополучны. Прочие дают до 400 бактерий на 1 куб. метр воды, при общей ее жесткости от 16 до 50 градусов. Если учесть, что вода с жесткостью в 25 градусов считается негодной для питья,— то не трудно понять, как неблагоприятно должно отражаться питье такой воды на здоровье шахтера.

Еще хуже обстоит дело с открытыми колодцами, которыми пользуются шахтеры: количество бактерий в них достигает 1.000 на 1 куб. метр [2].

Если учесть, что в четырех округах Донбасса (Артемовском, Сталинском, Луганском и Шахтинском) в настоящее время живет до миллиона душ населения; если принять за норму потребления воды 50 литров на душу, или 50 млн. литров в сутки; если учесть при этом наличные ресурсы воды, то выяснится, что при теперешних ее запасах доброкачественной водой может быть

---

[1]) См. «Материалы Водоснабжения Донугля» и ст. д-ра Берзина в журн. «Профилактич. медицина» май 1926 г.

[2]) См. указанные выше работы.

удовлетворено не более 44 процентов потребности рудоуправлений!

Рудоуправления: Голубовское, Первомайское, Парижской Коммуны, Алчевское, Лисичанское, Петровское, Буденовское, Шахтинское, — совершенно лишены доброкачественной, питьевой воды, причем жесткость ее на некоторых рудоуправлениях доходит до 70 градусов, — т.-е. в три слишком раза превышает допускаемую для доброкачественной воды норму! На некоторых из перечисленных рудоуправлений годной для употребления воды так мало, что летом 1927 г. она выдавалась лишь для выпечки хлеба. Голод на воду на шахтах так велик, что можно наблюдать

Комната для отдыха в рабочем общежитии.

очереди у бочек, куда направляется отработанный («отмятый») пар углепод'емных машин... Вот сценка, рисующая положение дел с водою на шахтах Донбасса:

«На руднике первое дело — вода, — пишет «Непримиримый» с шахты № 3 Рутченковского рудоуправления, — вода для питья для рабочих, даже для работ в шахте на иных копях имеется, а на шахте № 32 — никакой, ни капельки. Воду подвозят баками.

Появление бака — событие, взбудораживающее население шахты № 32 сверху донизу. Бегут с ведрами, бросают работы. На шахте приобрели права гражданства прогулы по «уважительной причине», по случаю того, что «водой запасались». Дважды на неделе «запасаются» и дважды «гуляют».

Вокруг бака нарастает густая толпа: — Ну что? — спрашивают снизу счастливца, которому удалось взобраться на бак первым. На донышке, — звучит унылый ответ... В толпе движение, шум, негодование, слышатся энергичные проклятия.

Ждут нового подвоза.

О радость, бак с водой! Мужская часть потребителей воды спешит вскарабкаться наверх, окунает ведро, стоявшее в грязи, пыли и во всякой иной пакости, в воду, расплескивая драгоценную влагу и на себя и на бак, спускается вниз и бежит прочь от бака. Женщины ходят вокруг бака, как крысы вокруг горшка с салом, наглухо придавленным сверху камнем. Кран в баке не действует, замерз, а наверх не взберешься—не бабье дело.

На шахте имеется подрядчик-водовоз, снабжающий водой квартиры, и ему платят по 300 руб. в месяц. Почему этих же денег не затратить на прокладку труб с водопровода соседнего Петровского рудника всего на расстоянии километра — неизвестно»[1]).

При быстром росте промышленности Донбасса такое положение дел с водоснабжением может стать угрозой дальнейшему росту населения Донбасса. В силу этого выдвигается вопрос о доставке воды в Донбассе издалека. И над разрешением этого вопроса бьются сейчас руководители промышленного Донбасса. В Шахтинском раойне вопрос этот уже разрешен. В ближайшем времени заканчивается в нем тридцативерстный водопровод, идущий от реки Дона до города Шахты. Этот район будет сполна снабжен водою. В 1929/30 г. начинаются работы по проведению Вседонецкого водопровода, который будет тянуться от реки Северного Донца до Алмазно-Марьевского и Сталинского районов. Осуществление этих двух водопроводов потребует вложения около 30 млн. руб. в ближайшее пятилетие. Полное же осуществление водоснабжения всего Донбасса потребует 80 млн. рублей и десятилетней напряженной работы.

Этот гигантский план водоснабжения Донбасса заслуживает самого серьезного внимания. Осуществление его возможно только при Советской власти, при ее заботе о рабочем, о трудящемся. Это мероприятие, как и многое, уже проделанное, — еще больше улучшит быт шахтера Донбасса и окрестного крестьянского населения. Оно снизит процент заболеваемости и смертности от различного рода эпидемий. Оно сделает жизнь более нормальной и более культурной. Ибо с наличием водопровода связаны не только возможность соблюдать чистоту тела, но и возможность канализации и следовательно общего санитарного оздоровления всего Донбасса. Оно явится вместе с тем одним из видов смычки пролетариата с крестьянством, воздействия промышленности на жизнь села...

* * *

Чтобы закончить с выяснением различий между дореволюционным и пореволюционным бытом шахтера Донбасса, нам остается остановиться вкратце на обслуживании культурно-бытовых запросов горняков в последние годы.

---

[1]) Журн. «Горнорабочий» № 4 от 31 января 1928 г.

Еще в 1922 г. ВСГ разрешил не разрешенный вплоть до Октября в промышленности Донбасса вопрос о кассах взаимопомощи; последними уже к концу 1922 г. была охвачена большая часть трудящихся Донбасса. На 1 января 1923 г. в Донбассе числилось 35 касс, с общим числом участников в 68 тыс. чел.[1]), — явление, совершенно неведомое дореволюционному Донбассу. В том же году губотделом союза была проведена широкая массовая работа; была организована юридическая помощь шахтеру; был создан институт делегатских собраний, из расчета — один делегат на 49 человек; проводилась работа среди женщин; наконец, был заключен первый колдоговор и созданы местные расценочные комиссии.

Все это не замедлило дать свои результаты. С 1923 г. число членов союза начало значительно возрастать. Так, к январю 1923 г. из общего числа горнорабочих в 123.207 чел. членов союза имелось 93.096, или 76%; к 1 июля того же года число их дошло до 86%, к 1 января 1924 г. — до 89%, а к 1 января 1925 г. — до 96,4% всех горнорабочих Донбасса. В результате культурно-просветительной работы, проводившейся профсоюзными организациями, повысился и процент грамотных среди шахтеров: на 1/I—23 г. имелось грамотных 70%, полуграмотных—2,9% и неграмотных — 27,1%; на 1/I—24 г. процент грамотных возрос до 72%, полуграмотных — до 8,6% и безграмотных снизился до 19,4%, а к 1 января 1925 г. процент безграмотных по Донбассу еще понизился, дойдя до 15,3%.

Наряду с ростом грамотности растет и политическая сознательность горняка. К январю 1925 г. в Донбассе имелось членов и кандидатов партии: мужчин — 9.387 и женщин — 700, что составляло 11,5% всего числа горнорабочих, и членов и кандидатов ВЛКСМ: мужчин — 5.686 и женщин — 1.116, а всего 6.802, или 7,8%. К настоящему времени число это значительно возросло.

Так, по отдельным районам Донбасса мы имеем следующую партийную прослойку (см. табл. на стр. 126).

Таким образом во всех районах мы имеем значительное увеличение партпрослойки, колеблющейся на январь 1929 г. от 19,7 до 41%. Эти цифры, думается мне, достаточно показательны.

Для обслуживания культурных нужд горняков в Донбассе было предпринято колоссальное клубное строительство. Число клубов к 1 апреля 1928 г. достигло 179, которые насчитывали 46.204 члена клуба, или в среднем на 1 клуб приходилось 259,6 ч. При этом число женщин — членов клубов составляло 31,1%, что указывает на значительный рост культурности среди женского в прошлом чрезвычайно отсталого населения горнорабочих Донбасса.

Среди клубов особое место занимают дворцы труда. На 1/XII—28 г. имелось десять таких дворцов, а именно: в Щерби-

---

[1]) Отчет Донецкого губотдела союза горнорабочих, изд. 1922 г.

	1/I—27 г.	%	1/I—28 г.	%	1/I—29 г.	%
Артемовский район.						
Горняков	47.398	27	54.673	32,0	54.437	41,0
Из них партийцев	12.960		17.495		22.568	
Сталинский район.						
Горняков	75.903	16	89.326	17,5	93.750	19,7
Из них партийцев	12.274		15.701		18.550	
Шахтинский район.						
Горняков	19.793	29	20.484	33,0	22.435	39,5
Из них партийцев	5.772		6.783		8.825	

новке и Горловке, на Петровских и Брянских рудниках, в Лисичанске и Енакиеве, на рудниках Рыковском, Должанском, Гришинском и Рутченковском. Эти дворцы труда, представляющие собою огромные 3—4-этажные здания с центральным отоплением, водопроводом, душами для спортивных целей, хорошо оборудованными сценами, большими зрительными и лекционными залами, библиотеками, читальнями и тихими комнатами для отдыха и занятий, обслуживают от 2.000 до 5.000 человек каждый. В дворцах и клубах ведется большая просветительная работа. Вокруг них группируются разнообразные кружки; в них даются спектакли и концерты, организуются живые газеты, инсценируются суды, проводятся вечера самодеятельности и семейные вечера, устраиваются детские утренники и вечера молодежи. В клубах читаются лекции на общеполитические темы, по вопросам естествознания, профдвижения, военных знаний и санитарно-гигиеническим, по производственным и научно-техническим вопросам. В клубах ведется антирелигиозная пропаганда. Ими устраиваются производственные экскурсии, лыжные вылазки и пр.

Во всех этих видах клубной работы, а также в профсоюзной работе принимает участие большое количество рабочих. На 1 июня 1928 г. в Донбассе имелось 102 низовых профсоюзных ячейки с 1.200 чел. актива, обслуживавших 241.342 чел.; 80 ревизионных комиссий с 244 членами; 75 ячеек культурно-просветительных с 285 членами комиссий, об'единяющих 13.454 чел.; 73 производственных комиссии с 287 чел. членов, об'единивших 13.328 чел. актива; 75 расценочно-конфликтных комиссий с составом в 177 чел. рабочих; 75 комиссий по охране труда с 227 членами, сгруппировавших вокруг себя 13.454 чел. актива; 7 временных контрольных комиссий с 34 членами и 58.357 чел. вовлеченных в их работу; 228 цех- и шахтбюро с 1.881 членом бюро и комис-

сий, обслуживающих 227.888 чел.; 246 комиссий по охране труда с 1.482 членами; 224 культурно-просветительных комиссии с 1.470 членами, обслуживавшими 227.888 чел. При этом нужно отметить, что в среде активных проф- и культработников число партийцев достигает 55—60% состава [1]).

Как широко развернулась культурно-просветительная работа в Донбассе, видно из следующих данных: в течение 3 месяцев — январь-февраль-март 1928 г.—спектакли и концерты были проведены 179 клубами, причем в среднем за 3 месяца на каждый клуб приходилось 15,7 спектаклей и концертов, привлекших в среднем же на каждый из них 268,3 чел. 60% всех постановок было проведено силами местных кружков. На большинство таких спектаклей и концертов зрители допускались бесплатно, и только в 44,8% постановок взималась небольшая плата за вход. 90 клубов в течение трех месяцев провели организацию живой газеты. На каждый клуб в этот период пришлось 4,3 постановки, привлекших в среднем 277 чел., причем в 94% случаев вечера живой газеты были организованы своими силами. Платными (с платой за вход) значится всего лишь 1,6%; 5 клубов организовали 10 показательных судов, привлекших по 202 человека в среднем, причем 97,5% инсценировок судов были проведены своими силами.

Большое место в работе союза занимали вечера самодеятельности, в 95% случаев организованные своими же силами. Такие вечера были проведены 139 клубами, в среднем не реже одного раза в месяц каждым, со средней посещаемостью в 234 чел. Семейные вечера были организованы в течение указанных трех месяцев 132 клубами, на 95% собственными силами и почти все бесплатно. При этом на каждый вечер пришлось в среднем 192 чел., и на каждый клуб 2 вечера за три месяца. Детские утренники были организованы 115 клубами, в среднем по одному в месяц, на 94% собственными силами, при бесплатном входе. Посещались эти утренники детьми очень охотно, средняя посещаемость одного утренника — 261 чел. Вечера молодежи дали еще более высокую посещаемость, а именно 272 человека на вечер, причем вечера устраивались 96 клубами ежемесячно и почти исключительно собственными силами, без платы за вход. Лекции, доклады, беседы, проводившиеся ежемесячно 111 клубами, привлекали в среднем по 220 чел.

Все это указывает на большое стремление широких пролетарских масс Донбасса к повышению своего культурного уровня. Наблюдается, что основные кадры горнорабочих проявляют наибольший интерес к тем отраслям знаний, которые могут быть использованы для повышения их производственной квалификации. Новые кадры стремятся главным образом к приобретению элементарных познаний по языку, арифметике и т. д. Молодежь интересуется вопросами подготовки в вузы и на рабфаки. К со-

[1]) «Союз горнорабочих СССР в цифрах», вып. IX, изд. ВСГ. М. 1923 г., стр. 16—22.

жалению, сеть образовательных школ и курсов не может полностью удовлетворить тягу рабочих к самообразованию. Работа эта главным образом протекает в кружках, казармах и красных уголках.

Большое значение имеет на рудниках Донбасса индивидуальное самообразование. Так, в Сталинском округе насчитывается до 400 одиночек, самостоятельно занимающихся учебой. Среди них большим распространением пользуется «Рабфак на дому» и «Материалы в помощь самообразованию горняку», выходящие в виде бесплатного приложения к журналу «Горнорабочий». В этом издании давались уроки по арифметике, русскому языку и т. д.

Значительное место в быту горняка начинает завоевывать физкультура. По числу кружков, по числу участников в них физкультура занимает одно из первых мест в кружковой работе клубов. Особенным успехом пользуются в последние годы соревнования. Так, мы знаем соревнования с участием донбассовских футбольных команд в Германии, соревнования между украинскими и бакинскими горнорабочими по бегу и прыжкам, спартакиаду в Донбассе по конькам и лыжам [1]).

Наконец, чрезвычайно большая работа проделывается библиотеками. Библиотеки имеются стационарные и передвижные. Общее число их на копях Донбасса достигает 194, с общим числом подписчиков 84.109 чел. Преобладающий состав читателей—взрослые мужчины — 60%; женщин 22% и молодежи до 17-летнего возраста — 18,5%. Из общего числа библиотек 131 ведет передвижную работу в 701 передвижном пункте. Кроме того книгоноши посещают 143 пункта дополнительно [1]).

А производственные совещания! А соревнования между отдельными районами и отдельными шахтами... Во всем этом Донбасс все годы идет в первых рядах. Именно он один из первых поставил в свое время широкую сеть производственных совещаний. И именно в Донбассе прошел один из первых опытов соревнований. Его «Сто дней переклички» были «едва-ли не первой ласточкой» в этом деле.

Несмотря, однако, на такую большую культурно-просветительную работу, о которой не мог мечтать дореволюционный горняк, некультурность и дикость все еще в известной мере имеют место среди горняков. Это наблюдается преимущественно среди недавних выходцев из глухих деревень, работающих главным образом на небольших рудниках, слабо обслуживаемых союзами культурной работой. Образцом такой исключительной дикости, требующей к себе самого серьезного внимания, является отношение к женщине. Недавно опубликованные сведения о холостых

---

[1]) По материалам: а) «Союз горнорабочих в цифрах». выпуск IX (материалы по статистике труда), изд. ЦК ВСГ, М-ва 1928 г.; б) «Сборник к VI с'езду союза» и в) «Строительство дворцов культуры в Донбассе», издание ВУК ВСГ. Харьков 1928 г.

казармах марганцевых рудников устанавливают факты исключительно дикого отношения, сводящегося к своеобразному «праву артели на девушек».

Вот как рассказывает об этом специальный корреспондент «Комсомольской Правды» [1]):

«Праздничный день, день после получки». Шахтеры «налиты той безудержной пьяной удалью, когда расступаются стены, рушатся половицы и охмелевшие от усталости и выпитой водки люди крушат столы, табуреты, самих себя»; в эти дни «среди обломков мебели, на грязном заплеванном полу, на сдвинутых с мест койках остаются и другие следы: разбитые вдребезги жизни работниц с рудомойки, кухарок, уборщиц. Они оплачивают счета пьяных и непьяных шахтеров, любовь которых безхитростна, а порой жестока.

Это шестая артель 3-й казармы кинула Малышкину Надежду на койку, чтобы всем поочередно спать с девушкой. Она билась в их руках, кричала диким, не своим голосом: «люди, ратуйте», но артель — забойщики и катальщики — совала ей в рот черные костистые кулаки и, строго соблюдая очередь, насиловала всхлипывающую и уставшую Надю.

Что могла она с ними поделать? Никуда, все равно, никуда от них не уйти. На крики никто не отзывается, все проходят мимо и равнодушно заглядывают в дверь комнаты, откуда так часто несутся крики насилуемых девчат.

Что-ж, пришлось сдаться! Надя пошла «по-рукам», по койкам артели. Шахтеры благодушно пили чай, а ночью перебрасывали девушку с одной койки на другую. Когда она забеременела, они рассчитали ее. Им не нужна беременная, больная девушка, которая варить стала плохо и для спанья бесполезна. Как выбывшего из строя солдата, ее выставили из артели, заменив свежей, здоровой».

Надя родила ребенка, а выйдя из больницы и оказавшись бесприютной, она явилась обратно в казарму и «ночью, когда люди в казармах храпели и стонали во сне, она сбросила башмаки, чтоб не греметь, и, неслышно ступая по каменному полу, как вор, которого вот-вот настигнут, спустилась вниз, в погреб. Ребенок, уставший от голода и слез, крепко спал. В темноте, приблизив его к себе, она почувствовала на своем лице его теплое дыхание и услышала чмоканье детских губ. Где-то хлопнула дверь. Раздумывать и тосковать было некогда. Натруженными руками она задавила беснующегося, орущего от голода ребенка».

Второй эпизод:

«На рассвете февральского дня в больницу рудника прибежала растрепанная Лида Хижняк. Озираясь, не увидят ли знакомые, шопотом она рассказала уставшему от бессонной ночи де-

---

[1]) См. Бор. Галин. «Шахтерская любовь». «Комсомольская Правда» 21 марта 1929 г. № 65.

журному врачу простую, незамысловатую историю своей мучительной жизни и работы у рабочего Еркина. Еженощно она должна была встречать своего хозяина в своей постели. Он грозился, что выгонит ее, если она взбунтуется. Спал с ней и в награду избивал.

Девушка сбросила кофточку и обнажило тело, усеянное синяками. Врач, привыкший к человеческому горю и страданиям, ужаснулся. Девушка просила только об одном: сделать ей аборт. Врач поглядел в мутное морозное окно, пробормотал, ругая кого-то, «сволочи»—и бережно помог девушке пройти в палату. Вечером ей сделали аборт, но, как пишут в официальных документах, «вследствие позднего периода беременности и расшатанности организма» не четвертый день утром она умерла».

Третий эпизод:

«...Этот выгнал беременную Зою Зарубину и крикнул, что знать ее не хочет, такую паскуду. Зоя пробовала напомнить ему, что забеременела от него, но он гнал ее от дверей, как гонят чужую собаку и требовал:—Дай расписку, что ребенок не мой, тогда будем жить. Расписки такой она дать ему не хотела, да и не могла. Зоя пошла по дороге, по которой прошли десятки женщин: в больницу, к врачу. «Сделайте мне аборт. Деваться мне некуда!» — «Поздно! Пятый месяц беременности, делать аборт в это время — безумие». Врач терпеливо об'яснил ей, но Зоя упрямо просила сделать аборт. «Нельзя», — уговаривал врач, — «понимаете, нельзя... Опасно!» — «Что же мне делать? В прорубь кинуться?» Врач пожал плечами.

До самого вечера она пробыла в больнице, но, ничего не добившись, пошла к «бабке», которая за небольшую плату избавила ее от ребенка».

Четвертый эпизод:

«Вот поступила на работу в артель 84-й казармы Ганна и в первую же ночь пьяные набросились на нее, как псы на кость. Девушка рванулась с койки, кинулась к дверям, но шахтеры ловили ее огромными руками, будто сетями, из которых трудно вырваться на волю. Ганна устала кричать и, отвернувшись лицом к стенке, вздрагивала, когда шахтеры один за другим подходили к койке. Пришел комендант казармы и, увидев растрепанную девушку, понял в чем дело, закричал: «Уходи, распутная!» Ушла Ганна, рассчитали ее. Такая не нужна артели: кричит и людям покою не дает.

Нанялась в артель Маруся. На нее набросились только на третий день. Она кричала, как и другие, отбивалась, кусалась, но ее постигла обычная участь. Когда последний из артели отвалился от Маруси, она забилась в угол койки и другими, не вчерашними глазами разглядывала этих людей, которые лакомятся девушками, как голодные хлебом. Согнувшись, она молча сидела, разматывая клубок тяжелых, черных мыслей. Кто-то крикнул ей: «Вытряхивайся, завтра придешь». Маруся вздрогнула, поднялась

и деревянной походкой манекена пошла к дверям. И сейчас она (да и много других) ходит по рукам, по койкам артели, как матрац, как постельная принадлежность. Сегодня с ней спит один, завтра — другой, затем пойдет — третий, четвертый, пятый. Она обслуживает артель как кружка, к которой все жадно прикасаются пьяными, воспаленными губами».

И еще факт самых последних дней: 18 марта текущего года на шахте № 5 «Петровского рудоуправления рабочие Фетисов, Богомолов и Подобедов, спустившись вместе со своим товарищем Слынко в шахту, сняли с него одежду и, облив бензином, подожгли его. Слынко получил сильные ожоги и на продолжительное время утратил трудоспособность [1]).

Все это факты, о которых нельзя молчать. Они требуют самой серьезной проверки, самого внимательного к себе отношения общественности. Они указывают на то, что быт шахтера еще далеко не удовлетворяет тем требованиям, которые ставятся во главу угла проводимой нашей партией и Соввластью культурной революцией.

В жизни шахтера многое изменилось, его быт, его условия труда нельзя сравнить с дореволюционным прошлым, о котором мы говорили в начале книги. Горняк Донбасса и культурно и политически вырос. Это бесспорно. Но много еще осталось отрицательных явлений некультурности, которые нужно искоренить и окончательно изгнать из быта горняков. Это дело требует большого внимания со стороны проф- и парторганизаций.

Рост культурного уровня требуется и самой системой работ. Дальнейшая механизация копей, рационализация производства будут требовать от шахтера большего умственного развития, большей грамотности, большей подготовки. Чем дальше, тем больше будет меняться состав и квалификация рабсилы копей Донбасса. Отпадет и будет заменен новым целый ряд устаревших профессий. На смену забойщикам, саночникам, вагонщикам, коногонам придут высококвалифицированные машинисты врубовых машин, лебедчики, ремонтные слесаря, машинисты электровозов и т. д. и т. д. От всех этих категорий потребуется значительная подготовка, выучка, и случайных артелей, приходящих из дальних деревень за подсобным заработком, будет становиться все меньше и меньше. А вместе с этими некультурными выходцами из глухих углов исчезнут и те безобразия, какие еще можно встретить на небольших шахтах и о которых мы говорили выше.

Мы не имеем пока точных подсчетов количества идущих на смену старому типу шахтера рабочих. У нас есть лишь следующие предварительные наметки Донугля на ближайшие четыре года:

---

[1]) «Правда» № 76 за 3 апреля 1929 года.

Профессии	Дополнительное потребное число рабочих по годам				
	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	Всего
Крепильщики, бурильщики, запальщики и дорожные	2.290	1.810	1.380	780	6.260
Машинисты врубовых машин и их помощники . .	1.005	1.470	750	1.035	4.260
Подземные механического цеха	540	570	650	385	2.145
Итого . . .	3.835	3.850	2.780	2.200	12.665

Итак, по «наметке» уже ближайший 1928/29 г. должен влить на копи Донбасса 3.835 чел. настоящих пролетариев. А четыре ближайших года должны дать Донбассу 12.665 чел. Эти новые пролетарские кадры, несомненно, сыграют большую роль в деле борьбы с темнотой и некультурностью отдельных отсталых слоев шахтеров...

Подготовка таких кадров сейчас и ведется. Так, в 33 школах горпромуча в Донбассе в 1927 г. обучалось 4.200 чел. Из них для подземных работ подготовлялось 1.500 человек и остальные для поверхностных. На имеющихся профкурсах в том же году обучалось 700 чел., из которых 465 чел. — для подземных работ. На 1928/29 г. на профкурсы набираются 1.200 человек. Не мало готовится, — как мы видели выше, — культурных сил горняков и другими путями...[1]). Все это является залогом того, что в ближайшие 4—5 лет и труд, и быт, и культурный уровень рабочих Донбасса изменится неузнаваемо и факты дикости и бескультурья отойдут в область преданий.

---

[1]) Из материалов ЦК ВСГ.

Указатель работ, использованных при составлении книги «Труд и быт горняков Донбасса раньше и теперь».

Авдаков. Записка. «Горно-зав. лист.» № 145. 1888 г.

Адамов, А. А. Данные обследования питания рабочих каменноугольных рудников Донбасса. «Гигиена Труда» 1927 г. № 6.

Анский, С. А. Очерк каменно-угольной промышленности на Юге России. «Русское Богатство». 1892 г. № 1.

Алуф, А. Профсоюзы и положение рабочего класса в СССР за 1921—1925 гг. Изд. Профинтерна. Москва. 1925 г.

Балабанов, М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. II. Изд. Сорабкопа. Киев. 1924 г.

Биленко, В. Л., инж. Вопросы техники безопасности и травматизма в горной промышленности. Изд. «Вопросы Труда». 1928 г.

«Вестник Юга». № 700, 9 августа 1904 г.

Вопросы техники безопасности и травматизма в горной промышленности СССР. Сборник под редакцией Биленко, В. Л. Статья В. П. Машкевича. Травматизм в каменно-угольной промышленности Донбасса. Изд. «Вопросы Труда». 1928 г.

VI Всесоюзный С'езд горнорабочих. Стенограф. отчет, бюллетень № 5. Изд. ЦКСГ СССР. Москва. 1928 г.

Вурм. Жизнь немецких рабочих. Изд. «Знание». Спб. 1899 г.

Галин, Б. Шахтерская любовь.—«Комсомольская правда». № 65 за 1929 г.

Геркнер. Рабочий вопрос. Перевод В. Гердинга с 5 изд. М. П. 1917 г.

Горинович (пр. доц.). Характеристика холеры как биологического фактора и вытекающие отсюда указания борьбы с нею. «Труды I С'езда врачей». т. I.

Горно-Заводское Дело. № 1—2 за 1913 г.

Дитмар, Г. И. (фон). К вопросу о недостатке рабочих на каменно-угольных копях в Донбассе в 1899 г. Опыт исследования. Харьков. 1899 г.

Донуголь в цифрах и диаграммах. Выпуск II. Научно-издательское бюро Донугля. 1928 г.

Дубинская, И. Н. Бюджеты рабочих семей на Украине в 1925—27 гг. (Данные текущего обследования). Изд. ВУСПС «Украинский Рабочий». Харьков. 1928 г.

Евменьев, Н. В. (доктор). Санитарное обследование рудничных поселков Донбасса. «Гигиена Труда». № 3 1927 г.

Ельницкий, А. История рабочего движения в России. ч. I.

Загряцков. Доклад на I С'езде врачей. «Труды I С'езда».

Законодательство по технике безопасности и промышленной санитарии. Сборник действующих постановлений. Изд. «Вопросы Труда». Москва. 1928 г.

Зив, В. С. Иностранные капиталы в русской горно-заводской промышленности. Петрогр. 1917 г.

Иванов, С. К. Условия труда и жизни рабочих на соляных рудниках Бахмутского уезда. «Труды I Всероссийского С'езда фабричных врачей».

Игнатьев. Жилищный вопрос. Труды I С'езда фабр. врачей.

Каменно-угольная промышленность РСФСР в 1921/22 г. Изд. ВСНХ, Главное управление по топливу. Москва. 1922 г.

Каменно-угольная промышленность Д. Б. в 1922 г. (Ежегодная статистика). Статотдел УГ КГ ДБ. Бахмут. 1928 г.

Коллективный договор, заключенный союзом горнорабочих с Донуглем в 1928 г.

Лавров, Ф. Г. Желательная постановка санитарного дела в промышленных заведениях. Труды I Всероссийского с'езда врачей, том II.

Либерман, Л. А. Условия труда горнорабочих в Донецком бассейне. Вестник фабр. законод. и проф. гигиены. Январь 1905 г.

Либерман, Лев. Рудничные катастрофы и их причины. «Русск. Богатство». Август 1908 г.

Либерман Лев. В угольном царстве. Изд. 3-е «Красная Новь». 1924 г.

Либерман, Лев. В стране черного золота. Госиздат. 1926 г.

Лященко, И. И. Очерки по гигиене труда горнорабочих каменоугольной промышленности. Изд. «Вопросы Труда». 1926 г.

Лященко, И. Жилищный вопрос на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна и данные обследования жилищ рабочих общества южно-русской каменно-угольной промышленности.

Материалы водоснабжения Донугля.

Науменко, Н. М. Алмазно-Юрьевский район. Славяносербского уезда. Труды I С'езда врачей, т. 1.

«Новое время». № 9664 за 1913 год.

Норов, М. С. и Лямин, Л. И. Охрана жизни и здоровья работающих. Систематич. изложение проф. гигиены. Москва. 1907 г.

Отчет горных инспекций горнопромышленных районов Англии за 1914 г. См. Горно-Заводское Дело. № 42—43. за 1925 г.

Отчет Донецкого губотдела ВСГ за 1922 г. Изд. Донгуботдела ВСГ за 1923 г.

Отчет управления государственной каменоугольной промышленности Донбасса за операционный 1922/23 г. Издан в Харькове.

Отчет Донгуботдела ВСГ за 1923 г. Бахмут 1924 г.

Полгода. Доклад ЦПКП о каменноугольной промышленности Донбасса за I полугодие 1921 г. Изд. в Бахмуте в 1921 г.

Прокопович, С. Рабочее движение в Германии. 2-издание СПБ. 1908 г.

Ратнер, А. Д. и Решке, Б. П. Каменно-угольная и антрацитовая промышленность Донбасса. Под. ред. С. А. Гецова, изд. Донугля. 1928 г.

Ретивов, М. И. Опыт статистической разработки травматических повреждений на Щербиновском руднике за 1907 г. и 1908 г. Труды I Всеросс. с'езда врачей. Том I.

Ретивов (доктор). Организация противохолерных предприятий и лечение холерных больных на угольных рудниках товарищества по разработке соли и угля в Южной России. Труды I С'езда врачей, т. I.

Ретивов, доктор. К вопросу о хранении, удалении и уничтожении мусора и домовых отбросов на горных и горнозаводских предприятиях Юга России. «Вопросы санитарии», за 1925 г.

«Русское Слово». № 252, 254, 255 за 1914 г. То же № 39 за 1915 г.

«Русские Ведомости». № 115 от 8 июня 1908 г.

Сарабьянов. Металлопромышленность России. Госиздат. Москва. 1921 г.

Скачинский, А. А. Травматизм при горных работах. Изд. министерства торговли и промышленности. «Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности». Ч. III. Вып. II. Изд. 1915 г.

Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. т. II. Изд. Екатеринославск. губ. земства 1886 г. Бахмутский у. То же, том III—Славяносербский уезд.

Союз горнорабочих в цифрах. Вып. VI. Изд. ЦК ВСГ. Москва 1928 г.

«Современное слово». № 246 за 1908 г.

Союз горнорабочих СССР в цифрах. Выпуск IX. Москва. 1928 г.

Статистический ежегодник на 1914 г. Изд. Совета С'ездов промышленности и торговли. Петроград. 1915 г.

Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горнозаводской промышленности Южной России за 1904—08 гг. Харьков. 1910 г. Изд. Статистического бюро Совета С'ездов горнопромышленников Южной России.

«Сын Отечества», № 103 за 1905 г.

Тарасевич, пр.-доц. О борьбе с холерой. Труды I Всероссийского с'езда врачей. Ч. I.

Трофимович. Система лампового хозяйства.

Труды Южно-русского областного с'езда по борьбе с холерой в Екатеринославле в 1911 г.

Уваров, М. С. и Лямин, Л. М. Охрана жизни и здоровья. Москва. 1907 г.

«Утро». № 1643 за 1913 г.

«Южный край». № 12098 за 1914 г.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ...
№

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Труд горняка Донбасса до Октября 1917 г.	5
Быт горнорабочих Донбасса до Октября 1917 г.	32
Жилищно-санитарный вопрос на копях до Октября 1917 г.	60
Труд и быт горняка Донбасса после Октября 1917 г.	85
Список использованных книг	133

26378

Цена 1 р. 50 к.

ИЗД-ВО
"ВОПРОСЫ ТРУДА"
МОСКВА

КОПИРОВАНИЕ
10.02.03